

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

НУМИЗМАТИКА И СФРАГИСТИКА

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ
ПУБЛИКАЦИИ

5 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКОВА ДУМКА» КИЕВ — 1974

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

НУМИЗМАТИКА И СФРАГИСТИКА

5

Думка

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКОВА ДУМКА»
КИЕВ — 1974

902.9
Н89

Сборник посвящен вопросам истории монетного дела и денежного обращения на территории Украинской ССР.

Большая часть сборника отведена монетам античной и средневековой эпохи — скифского царя Атея, Херсонеса и Боспорского царства. Особый интерес представляет увлекательное историографическое исследование И. Г. Спасского о сребрениках и златниках Киевской Руси.

Существенное место занимают вопросы сфрагистики, фалеристики и бонистики, а также публикация находок кладов, происходящих с территории УССР.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
кандидат исторических наук
В. А. АНОХИН

РЕЦЕНЗЕНТ
доктор исторических наук
Н. Ф. КОТЛЯР

Редакция археологической литературы

Н 10602—193
М221(04)—74 540—73

© Издательство «Наукова думка», 1974 г.

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

К ВОПРОСУ О МОНЕТАХ СКИФСКОГО ЦАРЯ АТЕЯ

А. Д. РОГАЛЬСКИЙ

(Варна)

В нумизматической литературе известны пять драхм, на трех из них изображена голова Артемиды, на обороте — скифский всадник-стрелок и легенда ΑΤΑΙΑ (рис. 1); на двух — голова Геракла, такой же всадник и надпись ΑΤΑΙΑΣ (рис. 2). Эти монеты приписываются скифскому царю Атею¹. Три буквы ΚΑΑ на экземплярах первого типа считаются инициалами Каллатии, колонии Гераклеи Понтийской.

В 1967 г., рассматривая статью В. Анохина, Т. Герасимов останавливался на стилистических и иконографических «несообразностях» обоих видов монет и сделал заключение, что это современные подделки². В 1970 г. мы подчеркивали, что доводы Т. Герасимова несостоятельны, а некоторые из них вообще совершенно произвольны³. В 1972 г. Т. Герасимов занимается специально материалами наших двух статей о монетах Атея и вновь оспаривает подлинность этих монет⁴.

Данная работа является преимущественно ответом на последнюю статью Т. Герасимова.

В статье «Монеты скифского царя Атея» В. А. Анохин обращает внимание на большое сходство в стилистическом отношении изображения Геракла на монетах с надписью ΑΤΑΙΑΣ с тем же изображением монеты Гераклеи Понтийской и делает заключение, что монеты Атея этого типа чеканились в метрополии Каллатии⁵.

Мы подчеркивали уже, что кроме взятой В. А. Анохиным для сравнения монеты Гераклеи, которую Т. Герасимов также считает фальшивой, существуют и другие подобные экземпляры самых различных номиналов: дидрахмы, драхмы, тетроболы, диоболы. На большинстве экземпляров, которые нам известны, как и на монете с надписью ΑΤΑΙΑΣ, видимая левая лапа львиной шкуры напоминает клин. Голова изображена, согласно Т. Герасимову, неправдоподобным образом, то есть лицо Геракла является реалистичным, а грива в известной степени моделирована условно.

Относительно изображения лап львиной шкуры не будем повторять того, что мы уже изложили. Мы никогда не писали, как утверждает Т. Герасимов, что шесть вертикальных черточек на экземпляре с надписью ΑΤΑΙΑΣ из Государственного исторического музея в Москве представляли собой когти, мы писали только, что на драхме Атея и на одной дидрахме Гераклеи Понтийской из Британского музея едва заметны когти на пальцах лапы, которая изображена на шее героя⁶.

¹ А. Д. Р о г а л ь с к и. Монеты с името на скитския цар Атей.— ИВАД, XII, 1961, стр. 23—27; В. А. А н о х и н. Монеты скифского царя Атея.— НиС, 2, 1965, стр. 3—15.

² Т. Г е р а с и м о в. Истински ли са монетите с надпис ΑΤΑΙΑΣ и ΑΤΑΙΑ.— ИИИ, XXX, 1967, стр. 181—186.

³ А. Д. Р о г а л ь с к и. За някои «фалшиви» антични монети, сечени на Балканския олуостров. IV. Фалшиви ли са монетите с надпис ΑΤΑΙΑΣ и ΑΤΑΙΑ.— ИИМВ, VI (XXI), 1970, стр. 3—19.

⁴ Т. Г е р а с и м о в. Отново за фалшивите монети с надписи ΑΤΑΙΑΣ и ΑΤΑΙΑ.— ИИМВ, VIII (XXII), 1972, стр. 3—16.

⁵ В. А. А н о х и н. Указ. соч., стр. 13.

⁶ А. Д. Р о г а л ь с к и. За някои «фалшиви» антични монети ..., стр. 6.

Действительно, если осмотреть внимательно монеты Атея, можно заметить, что концы лапы закруглены и похожи на когти.

В то время как в первой своей статье (1967 г.) Т. Герасимов утверждает, что подобное изображение головы Геракла «в двух различных стилевых ма-

Рис. 1. Серебряная монета Атея (Варна; увеличено в 3 X)

нер» вообще невозможно, здесь он уже отступает, добавив, что такое не встречается на монетах IV в. до н. э. Возможно, это является результатом того, что мы указали на одну серебряную монету 520 г. до н. э. г. Дикеи в Македонии, на которой лицо дается реалистически, а грива львиной шкуры — условно⁷.

Мы считаем, что как гравер конца VI в. до н. э. может себе позволить передать «в двух различных стилевых манерах» лицо героя и гриву льва, так и гравер середины IV в. до н. э. может поступить таким же образом. И действительно, монеты Гераклеи Понтийской того периода содержат некоторые стилевые несовершенства, которые Т. Герасимов считает «несообразностями» и ошибочно воспринимает их в качестве доказательства неподлинности. То же самое и с двумя тетроболами Гераклеи, чеканенными различными штемпелями, из коллекции Стамбульского археологического музея, инв. № 4580 и 4581. Как нам сообщил директор музея Necati Dolunay, первый был найден в Duzce (Prusias ad Hyprium) в 1949 г., а второй куплен в Стамбуле в 1950 г.⁸ Необходимо отметить, что этот тип монет не является редкостью, и экземпляры, из-

⁷ С. М. Крау и М. Ниггер. Greek coins. London, 1966 (далее — Крау), табл. 127, 391

⁸ А. Д. Роголски. За някои «фалшиви» антични монети ..., стр. 16, прим. 97.

обходимо признать фальшивой не одну гераклейскую монету Эрмитажа, но и многие другие однотипные монеты города»⁹.

По поводу монеты с надписью АΤΑΙΑΣ и монеты Гераклеи Т. Герасимов пишет: «На обеих монетах не обозначено ухо Геракла. На подлинных монетах эта анатомическая часть присутствует»¹⁰. Здесь мы не будем повторять многочисленных примеров монет различных эпох, включая и IV в. до н. э., где ухо Геракла, как бородатого, так и без бороды, скрыто шкурой¹¹. Нам непонятно при этом упорство Т. Герасимова. Опираясь на многочисленные изображения Геракла со скрытым ухом, мы считаем полностью несостоятельными утверждения Т. Герасимова, что это является «признаком современного происхождения спорных монет».

В подмышечной впадине протянутой левой руки всадника стрелка замечается выпуклость, напоминающая женскую грудь. Это, согласно Т. Герасимову, является признаком неподлинности. Можно ответить на это, что едва ли человек, подделывающий старинные монеты, изобразил бы женскую грудь на фигуре бородатого мужчины. Ясно, что это мужская грудь, хоть и неумело моделированная¹².

Т. Герасимов останавливается специально на сдвоенных контурах трех букв в надписи АΤΑΙΑΣ и некоторых деталей изображения.

Теория автора относительно частичных двойных контуров резюмирована в одной его заметке в связи с бронзовым медальоном Гордиана III, чеканенным в Адрианополе. Т. Герасимов считает его фальшивым именно из-за наличия частичных двойных очертаний: «На нем головы всадника и коня,— пишет он,— имеют двойное очертание, а в телах нет двойных очертаний. При условии сдвига монетного штампера изображения и надписи около него получили изображения сдвоенные в одном направлении»¹³. Автор пишет и об одной «фальшивой» пеонской монете, также из собрания Народного музея в Софии: «Если действительно при чеканке монеты штампель был смещен, то должны были

Рис. 2. Серебряная монета Атея (Москва; увеличено в 3 X).

⁹ А. Г. Загняйло. Денежное обращение в западном и северо-западном Причерноморье в VI—IV вв. до н. э. Автореф. канд. дисс. М., 1970, стр. 16.

¹⁰ Т. Герасимов. Отново за фалшивите монети..., стр. 4.

¹¹ А. Д. Роговский. За някои «фалшиви» антични монети ..., стр. 7.

¹² Там же, стр. 8.

¹³ Т. Герасимов. Истински ли са монетите..., стр. 183, прим. 5.

бы отпечататься на монетном кружке двойные очертания и букв надписи за всадником, изображения лука со стрелами за конем, фигуры всадника и упавшего вражеского коня»¹⁴.

Как видно, теория автора поверхностна и не выдерживает критики. Впрочем, Т. Герасимов, очевидно, является единственным ученым-нумизматом, который придерживается подобной отрицательной теории, полностью несостоятельной. Если бы она была верной, то большой процент античных монет оказался бы фальшивым. Вот что он пишет о частичных двойных очертаниях на монете с надписью ΑΤΑΙΑΣ: «Первые две буквы Α и Τ надписи ΑΤΑΙΑΣ не имеют двойных очертаний, которые мы наблюдаем в следующих трех ΑΙΑ. Последняя Σ снова не имеет силуэта». И затем про-

должает: «Двойные очертания выгравированы наобум фальсификатором, так как под каким углом не ставился бы монетный штемпель, никогда двойные очертания не отпечатались бы через две и три буквы»¹⁵.

Действительно, если, например, первая, третья и пятая буквы были бы дважды обрисованы, а вторая и четвертая без двойного контура, то у нас было бы основание сомневаться в подлинности вышеупомянутой монеты, так как двойной контур повторялся бы через букву. Однако в нашем случае сдвоенный контур появляется в третьей букве надписи как результат сложного смещения штампера относительно монетного ядра и заканчивается на пятой букве. По-

Рис. 3. Бронзовая монета г. Одесса (Варна; увеличено в 2 ×).

следняя, шестая буква обрисована нормально.

Мы уже занимались этим вопросом в предыдущих статьях и даже указывали на примеры частичных двойных очертаний на монетах, например драхмы Скостока из клада монет Александра, Лизимаха и Скостока из Пловдива. Об этой драхме Т. Герасимов пишет: «Из-за смещения штампера изображение Афины неясное». Однако надпись ΣΚΟΣΤΟΚΟΥ на этой же стороне монеты не имеет двойных очертаний¹⁶. Кроме этой монеты укажем еще два весьма характерных примера, которые опровергают утверждение Т. Герасимова, что все детали в подобных случаях должны быть дважды обрисованы.

В собрании Варненского археологического музея хранится бронзовая монета времен Гордиана III в 5 ассариев, чеканенная в Одессе, инв. № 1161, с частичными двойными контурами. На лицевой стороне заметно смещение изображений и части точечного круга на 1—2 мм, но никакого смещения не заметно в буквах надписи... ΙΑΝΟC Α и особенно в отрезке ΤΡΑΝΚΥΛΛΕΙΝΑ (рис. 3).

Наконец, остановимся на одной тетрадрахме (г. Одесса) из собрания Софийского народного музея, опубликованной как Б. Пиком — К. Реглингом в 1910 г., так и самим Т. Герасимовым в 1960 г. (рис. 4). Вот что пишет Т. Герасимов об этой тетрадрахме: «Мы издаем здесь ее из-за интереса, который представляют технические особенности одной ее стороны и которые ее

¹⁴ Т. Герасимов. Една фалшива пеонска монета. — ИАИ, XXVII, 1964, стр. 250.

¹⁵ Т. Герасимов. Отново за фалшивите монети..., стр. 8.

¹⁶ Т. Герасимов. Находка от сребърни монети на Александър III Велики, Лизимах и Скосток от Пловдив. — ГПНБМ, 1940/1, стр. 103, № 35 и табл. III, 34.

отличают от других шести экземпляров этой же пары штемпелей. Обратная сторона монеты, как видно на фотографии, отчеканена дважды из-за смещения штемпеля. Из-за этого получились двойные изображения букв Ο, Δ и Η в надписи влево от фигуры Дарзаласа. Так же удвоена и правая нога ниже колена. Эти особенности показывают, что верхний монетный штемпель (для обратной стороны) был подвижен и его держали рукой»¹⁷. Как видно, сам автор не сомневается в подлинности вышеупомянутой тетрадрахмы, несмотря на частичные двойные очертания.

Насколько нам известно, этот же автор продолжает считать вышеупомянутую монету (тетрадрахму) подлинной, что противоречит его отрицательному восприятию частичных двойных очертаний.

Следует отметить, что только две буквы из надписи ΟΔΗΓΙΤΩΝ, а именно Ο и Δ вышли с двойными очертаниями и смещены вправо от полной надписи, в то время как двойное изображение правой ноги Дарзаласа расположено левее фигуры. Это является еще одним подтверждением того, что в случаях, при которых верхний штемпель поставлен под углом по отношению к ядру при неправильном ударе молотка, смещении ядра и невольном движении руки, держащей штемпель, получаются самые различные частичные двойные очертания.

Упомянутых трех примеров вполне достаточно, чтобы опровергнуть теорию Т. Герасимова.

Относительно легенд, выражающих этникон, или название города, Т. Герасимов тоже имеет ошибочные представления. Везде он пишет «этникон» и в скобках «название города» или наоборот, а из примеров, которые он приводит далее, становится ясно, что под словом «этникон» он понимает только родительный падеж множественного числа названия жителей города (а не города, как он неправильно выражается).

По поводу его утверждения, что в древности было принято название города на монете ставить в родительном падеже, мы указали на слова, когда название города в единственном числе, или этникионы, происходящие от названия города, проставлены в именительном падеже. Мы цитировали Б. Хэда, А. Н. Зографа и С. М. Кгаау. Т. Герасимов возразил, что при проверке в «Historia numorum» Б. Хэда, на стр. LXV автор написал дословно следующее: «Надписи в именительном падеже единственного числа мужского, женского и среднего рода проставлены так в связи со словами τύπος, σφράγισμα, σῆμα», — и Т. Герасимов заканчивает: «следовательно, имя в именительном падеже не является этником (названием города), который, повторяем, непременно пишется с окончанием в родительном падеже»¹⁸.

Согласно Т. Герасимову, примеры, взятые у Б. Хэда, в именительном падеже единственного числа мужского, женского и среднего рода ΡΗΓΙΝΟΣ, ΡΗΓΙΝΗ, ΡΗΓΙΝΟΝ не являлись этником, так как подразумевали слова τύπος, σφράγισμα, σῆμα! Далее он прибавляет: «Подобное объяснение нам дает и советский нумизмат А. Н. Зограф», что, как мы увидим далее, не соответствует истине. То, что этникон может стоять и в именительном падеже, вопреки обратному утверждению Т. Герасимова, подтверждает и видный ученый-эллинист Г. Михайлов.

По мнению Г. Михайлова, под этником понимается существительное или прилагательное следующего происхождения: Ἕλληγιν — грек, Ἀρκάς — аркадиец, Ἀθηναῖος — афинянин, Μεσαμβριανός — месембриец и пр., когда некоторые прилагательные употребляются и как существительные,

Рис. 4. Тетрадрахма г. Одесса (София).

¹⁷ Т. Герасимов. Принос към нумизматиката на Одесос.— ИВАД, XI, 1960, стр. 59; стр. 68, табл. I, I.

¹⁸ Т. Герасимов. Отново за фалшивите монети..., стр. 8.

например Ἀθηναῖος — афинянин и афинский. В случаях Ῥήγιος, Ῥήγινη, Ῥήγιον они являются прилагательными к Ῥήγιον, то есть прилагательными с морфологической точки зрения и этниконами с точки зрения их значения. Названия областей, городов, местностей и прочее являются топонимами, а не этниконами. Συραχῶσιον, Ῥόδιον (средний род) с относящимся к ним существительным ὑβρισμα или чем-то подобным являются этниконами. Так же, если они находятся в родительном падеже множественного числа Συραχῶσιον, Ῥοδίων — Συραχῶσιων, Ῥοδίων с написанием Ο вместо Ω в соответствии с правописанием древней эпохи. Этником является и Κροτωνιάτας. Вообще все прилагательные от «топонимов», означающих города, могут считаться этниконами.

Т. Герасимов также утверждает, что когда название города стоит в именительном падеже, то по причине совпадения с именем изображенного речного бога, основателя города и т. д., оно служит объяснительной надписью¹⁹. Действительно это так, но мы знаем случаи, при которых название города в именительном падеже не сопровождается изображений речных божеств, основателей города и т. д. Укажем примеры, взятые из капитального труда Б. Хэда (Historia numorum).

Прежде всего, большое недоумение вызывает умалчивание Т. Герасимовым следующих трех строк из цитируемого отрывка Хэда: «Иногда встречается также форма на ἰόν, употребленная как прилагательное, например ΑΡΚΑΔΙΚΟΝ, ΣΥΝΜΑΧΙΚΟΝ, или же название собственно города может быть употреблено в именительном либо в родительном падеже, например ΑΚΡΑΓΑΣ, ΑΚΡΑΓΑΝΤΟΣ»²⁰, из чего ясно, что сам Б. Хэд признает существование легенд, которые выражают имя города в именительном падеже.

Действительно, легенда ΑΚΡΑΓΑΣ часто сопровождает изображение речного бога ΑΚΡΑΓΑΣ, однако существуют также и монеты, на которых легенда в именительном падеже не объясняет изображения. Например, известны серебряные дидрамы 550—472 гг. с изображением орла на лицевой стороне и надписью около него ΑΚΡΑΣΑΣ²¹. Иногда надпись ΑΚΡΑΣΑΣ разделена между лицевой и оборотной сторонами. На некоторых серебряных дидрахмах встречается ΑΚΡΑ возле орла, а на обороте конец надписи — СΑΣ²².

На исключительно редкой декадрамме из этого же города (конца V в. до н. э.) на обороте изображена квадрига, в верхней части — летящий орел, а под квадригой — рак. Мужская фигура с лучистой короной — Гелиос, а не речной бог²³, а надпись над головами коней представляет собой название города в именительном падеже — ΑΚΡΑΓΑΣ.

На большинстве монет г. Гелы в Сицилии с изображением речного бога ΓΕΛΑΣ стоит надпись ΓΕΛΑΣ. Однако существуют также тетрадрамы и литры V в. до н. э. с надписью ΓΕΛΑ, о которой Б. Хэд пишет: «На некоторых тетрадрамах и литрах проставлено имя ΓΕΛΑ, которое является скорее названием города в именительном падеже, чем сокращенным названием реки»²⁴.

Среди легенд монет Панормоса встречается и легенда ΠΑΝΟΡΜΟΣ. На некоторых монетах эта легенда сопровождает изображение речного бо-

¹⁹ Т. Герасимов. Отново за фалшивите монети..., стр. 9.

²⁰ В. В. He a d. Historia numorum. Oxford, 1911 (далее — Head), стр. LXV.

²¹ He a d, стр. 120.

²² He a d, стр. 120; SNG. The Lockett Collection, London, II, (далее — Lockett), табл. XIII, 707; Collection de monnaies antiques grecques du prof. S. Pozzi. Lucerne, 1920 (далее — Pozzi), XI, 372; XII, 373, 374; P. N a s t e r. La collection Iucien de Hirsch. Bruxelles, 1959, (далее — Hirsch), XV, 282.

Заметим, что кроме Акраганта известны монеты, чеканенные в Лаусе (He a d, стр. 74), Флиунте (He a d, стр. 408), Эгах (He a d, стр. 412), на которых этникон разделен между лицевой и оборотной сторонами.

²³ A Guide to the principal coins of the Greeks. London, 1959, (далее — Guide), табл. 52, 29; He a d, стр. 121, рис. 66; C h. S e l t m a n. Greek coins. London, 1960, XXVII, 2 и стр. 136; K. J e n k i n s. Coins of greek Sicily. London, 1966, стр. 26, 11 и 12 а.

²⁴ He a d, стр. 140.

га. Известны также дидрахмы V в. до н. э. (с этой же легендой), на которых изображена собака. В этом случае надпись в именительном падеже отображает имя города ²⁵.

Тарент, мифическим основателем которого является ТАРАΣ, выпускал многочисленные монеты с его изображением и легендой ТАРАΣ. Но известны также серебряные литры около 500 г. до н. э. с легендой ТАРАΣ, расположенной около изображений дельфина и морской раковины, и драхмы этой же эпохи с такой же легендой возле передней части гиппокампа, то есть в обоих случаях ТАРАΣ бесспорно является названием города в именительном падеже ²⁶.

На острове Кос чеканили тетрадрахмы в V в. до н. э. с легендами ΚΟΣ, ΚΩΣ или ΚΩΙΟΝ. Надпись ΚΟΣ или ΚΩΣ, представляющая топоним, поставлена в именительном падеже и сопровождает изображение обнаженного дискобола ²⁷.

Относительно монет Гераклеи Понтийской Т. Герасимов пишет следующее: «Этником является ΠΡΑΚΛΕΩΤΑΝ, а надпись в именительном падеже ΠΡΑΚΛΕΙΑ находится возле головы нимфы — покровительницы города» ²⁸, и в примечании указывается стр. 515 работы Б. Хэда. И здесь автор замалчивает то, что напечатано на стр. 514 и 515. Так, например, на стр. 514 Б. Хэд указывает, что в 394—352 гг. Гераклея чеканила серебряные монеты с изображением бородатого Геракла на лицевой стороне, а на обороте на драмах изображен нападающий бык, на тригемиоболах — палица, на тритемориях — лук и палица. На всех трех видах серебряных монет стоит надпись ΠΡΑΚΛΕΙΑ и нет никаких следов нимфы — покровительницы города. На стр. 515 отмечено, что во время Клеарха II и Оксатра (305—302 гг.) чеканились серебряные монеты с этником ΠΡΑΚΛΕΩΤΑΝ. Это продолжалось и во время Лизимаха *. Мы знаем серебряные монеты с головой молодого Геракла и на обороте — Ника, ставшая на колено, которая вычерчивает последнюю букву из легенды ΠΡΑΚΛΕΙΑ. Здесь легенда также в именительном падеже, но нет никакой нимфы — покровительницы города ²⁹.

Наконец, обратимся к тому, что писал по вопросу об этнике и названии города в именительном падеже советский нумизмат А. Н. Зограф: «Самое естественное было бы предположить, по аналогии с современной монетой, что эти сокращения заменяют собой полное имя города в именительном падеже. Действительно, такие примеры мы можем встретить: ТАРАΣ, ΤΕΡΙΝΑ, ΓΕΛΛΑΣ, ΟΛΒΙΝ, ΙΕΤΡΙΝ... Однако эти примеры сравнительно редки, и в Италии и Сицилии — первые три случая — подобные надписи с успехом могут быть относимы к изображенному тут же эпонимному божеству города.

Гораздо чаще в классическую эпоху, а на Западе и раньше, в полной форме встречается ΕΘΝΙΚΟΝ, т. е. наименование жителя города или страны. Только изредка можно встретить его в форме именительного падежа мужского рода, например ΚΡΟΤΩΝΙΑΤΑΣ; в этом случае приходится мысленно дополнять существительные мужского рода ΧΑΡΑΚΤΗΡ или ΣΤΑΤΗΡ. Не часто также встречается оно в форме женского рода, например ΜΕΝΔΑΙΩΝ с подразумеваемыми, очевидно, ΔΡΑΧΜΗ».

Далее А. Н. Зограф вспоминает и этники среднего рода, как

²⁵ He a d, стр. 161.

²⁶ О литре см. Lockett, I, табл. III, 141, 142. О драмах см. P o z z i, табл. III, 114.

²⁷ He a d, стр. 632; Hirsch, табл. IXXXII, 1548; P o z z i, табл. IXXVII, 2649.

²⁸ Т. Герасимов. Отново за фалшивите монети ..., стр. 9.

* В нашей статье 1970 г. на стр. 15 мы ошибочно писали, что в IV в. до н. э. Гераклея чеканила свои монеты с этником в именительном падеже ΠΡΑΚΛΕΙΑ. Эта легенда, по мнению Г. Михайлова, является названием города в именительном падеже, но не этником в именительном падеже женского рода. ΠΡΑΚΛΕΙΑ может быть прилагательным только от имени Геракла, но не от имени города. Этником является ΠΡΑΚΛΕΩΤΗΣ, а прилагательное от названия города — ΠΡΑΚΛΕΩΤΙΚΟΣ, — Η, — ΟΝ.

²⁹ См.: He a d, стр. 515; К г а а у, табл. 201, 726.

ΣΥΡΑΚΟΣΙΟΝ и т. д., где, как он считает, следует подразумевать ΣΗΜΑ или ΝΟΜΙΣΜΑ. Этот же автор в конце пишет об этниконе в родительном падеже множественного числа, который в классическую эпоху наиболее распространен,— ΚΑΤΑΝΑΙΩΝ, ΣΥΡΑΚΟΣΙΩΝ. Здесь также следует подразумевать ΣΗΜΑ или ΝΟΜΙΣΜΑ и т. п.³⁰

Так что у нас есть все основания недоумевать, почему Т. Герасимов позволил себе исказить ясное объяснение советского ученого, употребив выражение: «подобное объяснение (в действительности совсем обратное — А. Р.) дает нам и советский нумизмат Зограф».

В ответ на утверждение Т. Герасимова, что имена властителей всегда писали в родительном падеже, мы указали несколько случаев, при которых имя властителя проставляется в именительном падеже, например на тетрадрахмах бактрийского царя Евкратиды. Т. Герасимов пишет, что имя царя «только лишь один раз передано в именительном падеже в одной чрезвычайной эмиссии памятных монет». Случай с монетой с именем Клеопатры приведен только как один из немногих примеров написания имен властителей в именительном падеже. Мы указали два известных случая, когда властители чеканили монеты со своим именем в виде прилагательного в именительном падеже — Александр из Фер и Агафокл из Сиракуз. Указанные выше примеры действительно являются исключением из общего правила, следует ли относить и эти монеты к фальшивым? В подтверждение нашего утверждения, что есть монеты, на которых имя владыки стоит в именительном падеже, мы указали на октодрахмы одного неизвестного фракийского владельца — Геты из племени эдонов. Б. Хэд описывает октодрахмы Геты с тремя видами надписей: ΓΕΤΑΣ ΗΔΩΝΕΩΝ ΒΑΣΙΛΕΥΣ (имя и титул в именительном падеже), ΓΕΤΑ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΗΔΩΝΑΝ (имя и титул в родительном падеже) и с ошибочной надписью ΓΕΤΑ ΒΑΣΙΛΕΥ ΗΔΩΝΕΩΝ, где ΓΕΤΑ в родительном падеже, а его титул ΒΑΣΙΛΕΥ [Σ] в именительном³¹. По поводу этих октодрахм Т. Герасимов пишет, что неплохо было бы указать, «что и монеты Геты при наличии неграмотного и нелогичного сочетания именительного и родительного падежа в одной из надписей ΓΕΤΑ ΒΑΣΙΛΕΥ ΗΔΩΝΕΩΝ объявлены некоторыми современными нумизматами как подлинные»³². Вполне возможно, что спорная октодрахма Геты с ошибками в надписи не является подлинной, но из этого не следует заключать, что все октодрахмы названного властителя являются фальшивыми. Необходимо отметить, что две из этих монет, хранящиеся в Британском музее, были найдены в р. Тигр в 1818 г. Здесь мы должны подчеркнуть, что даже ошибочная надпись на спорной октодрахме не является доказательством неподлинности. Вот что пишет известный французский нумизмат Э. Бабелон: «Случалось так, что граверы при изготовлении монет умудрялись совершить явные ошибки, свидетельствующие о невежестве, неопытности и легкомыслии. Символы, атрибуты, буквы в надписях иногда опускаются, переворачиваются, ставятся в обратном направлении, переставляются местами, и это в лучшую эпоху искусства...» Этот же автор помещает достаточное количество примеров подобных ошибок, прибавив, что их количество можно удесятить³³.

В качестве известной аналогии октодрахмам Геты, на которых встречается имя этого царя как в именительном, так и в родительном падеже, мы назвали монеты, чеканенные в некоторых городах, например Абдере в V—IV вв. до н. э. Мы назвали даже некоторые имена магистратов, которые встречаются в именительном и в родительном падежах, и особенно подробно

³⁰ А. Н. Зограф. Античные монеты.— МИА, № 16, 1951, стр. 79. Тут следует отметить, что А. Н. Зограф ошибается, принимая ΓΕΛΑΣ за именительный падеж имени города ΓΕΛΑΣ— именительный падеж имени речного бога, а ΓΕΛΑ— именительный падеж названия города.

³¹ Head, стр. 201.

³² Т. Герасимов. Отново за фальшивые монеты..., стр. 10.

³³ E. Babelon. Traité des monnaies grecques et romaines, т. 1. Paris, 1901 (далее — Babelon), стр. 921 и 922.

остановились на экземплярах, приведенных видным нумизматом Д. Мэем в его труде «The Coinage of Abdera», 1966 г.³⁴

Т. Герасимов, не упоминая о V в. до н. э., утверждает, что «на монетах, чеканенных в этом городе в IV в. до н. э., имени монетного магистрата всегда предшествует частица ΕΠΙ»³⁵. Чтобы убедиться в том, что утверждение Т. Герасимова неверно, достаточно проверить (в упоминаемом труде Д. Мэя) легенды на монетах четвертого периода — 411/10 — 386/5 г. и седьмого периода 386/5 — 375 г., где встречаются имена магистратов как в родительном падеже с частицей ΕΠΙ или без нее, так и в именительном падеже³⁶. Есть одни и те же лица, имена которых ставятся и в именительном и в родительном падеже, как например: Герофан, Мандрон, Анаксиполис, Протес, Нимфагор периода 411/10—386/5 г. и Молпагор, Геромнемон, Поликрат периода 386/5—375 г.³⁷ Следует подчеркнуть, что в собрании Софийского народного музея хранятся две монеты Абдеры четвертого периода Д. Мэя, то есть 386/5—375 г. с именами магистратов в именительном падеже, а именно № 418^a с именем Молпагора и № 443^a с именем Геромнемона³⁸.

Только в последние 25 лет автономной чеканки Абдеры, то есть с 375/73 до 350/45 гг. имена магистратов пишутся в родительном падеже с предшествующей частицей ΕΠΙ.

Здесь следует указать имена видных нумизматов, таких как Б. Хэд, Э. Бабелон, А. Н. Зограф, Ч. Селтман и других, которые считают октодрахмы Геты подлинными, хотя, согласно Т. Герасимову, «на них имя царя, его титул и имя племени эдонов даны с несколькими различными падежными окончаниями, что свидетельствует о том, что эти монеты созданы в новое время»³⁹.

Итак, имея в виду все примеры имен властителей или названий городов в именительном падеже, мы искали такое объяснение легенды ΑΤΑΙΑΣ, которое предполагает, что эта надпись в именительном падеже поясняет портретный образ скифского владельца или, может быть, она поставлена в именительном падеже под влиянием монет Гераклея.

Т. Герасимов критикует нас за то, что мы даем два самых различных предположения, объясняя употребление именительного падежа в имени владельца на монете с легендой ΑΤΑΙΑΣ. Но, к сожалению, каждому известно, что не только в исторических, но и в естественных науках приходится делать также противоречивые предположения для объяснения одного и того же факта. Мы предположили также, что, возможно, в начальный период монетной чеканки Каллатия заказывала монетные штампы в своей метрополии Гераклея и вероятно, что один и тот же гравер изготовил как гераклеийские монетные штампы, так и штампы монет Атея с изображением Геракла, а может быть и монет с изображением Артемиды. Об этом предположении Т. Герасимов пишет: «Это утверждение А. Рогальский высказал, не подумав»⁴⁰. Мы указали на ряд городов, которые изготовляли монетные штампы или сами монеты для других городов, как в случаях с городами Герея, Коринфом, монетами беотийцев и т. д., так что мы очень хорошо «подумали», прежде чем сделать такое предположение⁴¹.

Т. Герасимов утверждает, что Каллатия в начале монетного дела имела свой собственный хорошо устроенный монетный двор, где работали обученные граверы, так что не было необходимости заказывать где-то штампы для своих собственных монет. И, чтобы дать представление о качественной

³⁴ А. Д. Рогальски. За някои «фалшиви» антични монети..., стр. 9, прим. 36.

³⁵ Т. Герасимов. Отново за фалшивите монети..., стр. 10.

³⁶ J. M. F. Maury. The Coinage of Abdera. London, 1966, стр. 205—237; 251—263.

³⁷ Там же, стр. 209, 211, 212, 228, 231; стр. 252, 256, 262.

³⁸ Там же, стр. 254, 259.

³⁹ Head, стр. 201; Babelon, стр. 413; А. Н. Зограф. Указ. соч., стр. 80 и 81; Seltman, стр. 66; Knauff, табл. 125, 386.

⁴⁰ Т. Герасимов. Отново за фалшивите монети..., стр. 11.

⁴¹ А. Д. Рогальски. За някои «фалшиви» антични монети..., стр. 10, 11, прим. 41.

работе граверов Каллатии, автор приводит в пример одну драхму этого города. Но, к сожалению, эта монета произведена чуть ли не в конце IV в. до н. э., а не в тот период, который нас интересует.

Относительно второго экземпляра монеты с надписью ΑΤΑΙΑΣ, хранящегося в нумизматической коллекции Эрмитажа в Ленинграде, Т. Герасимов ссылается на мнение научного сотрудника Эрмитажа В. М. Брабича и цитирует два его письма⁴². По мнению В. Брабича, эта монета обнаруживает признаки поздней фальсификации. Но даже если предположить, что этот экземпляр не оригинален и получен путем отливки, все-таки это не доказывает, что московский экземпляр является фальшивым.

И действительно, сам В. М. Брабич пишет: «Драхму Атея из собрания ГИМ я в натуре не видел (знаком с ней только по публикациям), поэтому воздержусь судить о ее подлинности». Т. Герасимов утверждает, что на этом экземпляре замечены поры, что является результатом отливки. Здесь было бы уместно привести и мнения других советских нумизматов в отношении подлинности обеих монет.

По поводу московского экземпляра Н. А. Фролова пишет: «Все наши московские нумизматы, и я в том числе, считаем эту монету подлинной, и никаких следов литья на ней не видно». Так же считает и В. А. Анохин.

Наконец, мнение видного нумизмата Д. Б. Шелова: «Эрмитажный экземпляр монеты я сам не видел и судить об его идентичности московскому экземпляру я не могу. Но московская монета Атея хорошо мне известна, безусловно не литая, а чеканенная. У меня нет сомнений в ее подлинности».

В отношении трех экземпляров из Лондона, Готы и Варны с легендой ΑΤΑΙΑ и изображением Артемиды Т. Герасимов пишет: «Чтобы не злоупотреблять более терпением любознательного читателя, я не буду рассматривать доводов А. Р., которыми он доказывает, что и остальные три монеты меньших размеров с головой Артемиды на лицевой стороне подлинны»⁴³.

Не без основания он избегает заниматься нашими доводами, так как ему надо было бы специально остановиться на изображении Артемиды. Волосы богини на этих трех монетах сделаны в виде условных линий с косыми нарезками. Согласно Т. Герасимову, такого рода прическа встречалась на монетных изображениях Артемиды и Афродиты эллинистической эпохи (II—I в.) и римского времени, а прическа Артемиды в изображениях IV в. до н. э. была другой. Также, по мнению Т. Герасимова, «ни в одном монетном изображении эта богиня не фигурирует с серьгами. Это украшение принадлежит иконографии Афродиты. На варненском экземпляре современный гравер перестарался, изобразив ожерелье на шее Артемиды — атрибут, присущий только изображениям Афродиты»⁴⁴. Это совершенно произвольное утверждение Т. Герасимова может вызвать лишь недоумение. Мы указывали примеры изображений Артемиды с подобной прической. Достаточно перелистать любой каталог греческих монет, и мы обязательно встретим и Артемиду с подвесками и ожерельем. Мы привели множество подобных примеров, поэтому остановимся лишь на тех монетах с изображением Артемиды, на которых мы находим одновременно и упомянутую прическу, и подвески, и ожерелье. Такими являются статеры и триболы Ортагореи⁴⁵. Филипп

⁴² Т. Герасимов. Отново за фалшивите монети..., стр. 12.

⁴³ Т. Герасимов. Отново за фалшивите монети..., стр. 10. Несмотря на то что лондонский экземпляр нам известен, мы попросили д-ра М. Прайса, хранителя нумизматического кабинета Британского музея, осмотреть этот экземпляр еще раз и сообщить нам результаты своих наблюдений. Он сообщил следующее: «Монета Атея чеканена слегка выпуклой. Стилль является подражательным и, вероятно, не греческой работы, однако я не вижу никаких признаков, указывающих на то, что это подделка. Обычные монеты Каллатии возможно лучшей работы, но монета Атея весьма убедительна».

⁴⁴ Т. Герасимов. Истински ли са монетите..., стр. 184.

⁴⁵ О статерах см. Hea d, стр. 203; H i r s c h, табл. XLVII, 895; L o c k e t t, III, табл. XXVI, 1362. О триболах, см. Hea d, стр. 203; L o c k e t t, III, табл. XXVI, 1363.

Македонский тоже чеканил редкие тетроболы с изображением Артемиды, подобным изображению на триболах Ортагореи ⁴⁶.

Такой тетробол хранится в Нумизматическом кабинете в Софии ⁴⁷.

В заключение завершим эту дискуссию мнением, что оба вида монет с легендами ΑΤΑΙΑΣ и ΑΤΑΙΑ подлинны, а доводы Т. Герасимова не имеют никакого основания и продиктованы только крайним суперкритицизмом *.

СИЦИЛИЙСКАЯ ТЕХНИКА ЛИТЬЯ МОНЕТНЫХ ЗАГОТОВОК В ХЕРСОНЕСЕ

В. А. АНОХИН

(Киев)

Во многих городах Сицилии и южной Италии в V—IV вв. до н. э. получил распространение своеобразный способ отливки монетных заготовок. Он был выявлен благодаря сохранившимся на гурте многих серебряных и медных монет двум диаметрально расположенным выступам, иногда называемым в литературе «протуберанцами» ¹. Предполагалось, что эти выступы являлись остатками экваториального пояса, образовавшегося при заливке металла в местах соединения двух половинок формы. При чеканке этот выступающий ободок, опоясывающий всю заготовку, естественно, исчезал на нижней и верхней плоскости монет (под давлением штемпелей), сохраняясь только в районе гурта в виде острых выступов.

Большинство исследователей полагали, что получившиеся при таком способе литья заготовки имели форму шарика. Так, де Люинь, например, сравнивал эту технику со способом отливки свинцовых охотничьих пуль ². Г. Хилл считал, что заготовки отливались в закрытых формах, соединявшихся наподобие скорлупок ореха ³. А. Н. Зограф, посвятивший изучению сицилийской техники специальную статью ⁴, называл особенно важным и ценным в соображениях Г. Хилла указание на то, что «монетные слитки,

⁴⁶ L. Müller. Указ. соч., табл. XXIII, 17; Babelon, IV, табл. 309, 7.

⁴⁷ Й. Юркова. Античные монеты в България, табл. IX, 58.

* Здесь считаем уместным перечислить некоторую часть античных монет, которые считались или еще считаются Т. Герасимовым фальшивыми: монеты пеонских царей Ликея, Патрея, Авдолеона (Т. Герасимов. Оценки, SNG, Сор., ИБАИ, XV, 1946, стр. 247); диоболы Метока (цитировано Г. Кацаровым. Принос към историята на древна Тракия.— ИИБИ, кн. 5, 1954, стр. 157); тетрадрахмы Орсоалта и Керсибавла (цитировано Г. Михайловым. Към историята на Тракия през IV—III в. пр. н. е.— ИАИ, XIX, 1955); дидрахмы и драхмы фракийского царя Света I (Т. Герасимов. Нови тракийски тетрадрахми от I в. пр. н. е.— ИВАД, X, 1956, стр. 81, прим. 10); уникальная пеонская или иллирийская монета с надписью ΤΕΓΤΑ... и дидрахма македонского царя Павсания из Британского музея, с рельефно изображенным керикейном на бедре коня (Т. Герасимов. Една фалшива пеонска монета, стр. 250); серебряные драхмы с изображениями фракийского царя Реметалка I и римского императора Августа (Т. Герасимов. Една фалшива монета на тракийския цар Котис V (12—19).— ИАИ, XXVIII, 1965, стр. 253); бронзовый медальон Гордиана III г. Адрианополя (Т. Герасимов. Истински ли са монетите с надпис ΑΤΑΙΑΣ и ΑΤΑΙΑ, стр. 183, прим. 5), октодрахмы эдонов и бизалтов и т. д.

После большой находки в с. Рыжницы в 1961 г., содержащей тетрадрахмы Филиппа II, Ликея и Патрея, между которыми был экземпляр монеты Патрея с рельефным знаком на бедре коня, находки в с. Сыдиево Сливенского округа в 1968 г. римских республиканских денариев и монет императора Августа, между которыми был и четвертый экземпляр драхмы с портретами Реметалка I и Августа (Й. Юркова. Принос към тракийската нумизматика.— Археология, кн. 2, 1972, стр. 34, рис. 1), двух находок в Сирии (1961 г.) и Иордании (1967 г.) монет V в. до н. э., содержащих и октодрахмы бизалтов (С. М. Кгау and P. R. S. Моогу. Two fifth century hoards. — RN, 1968, табл. XIX, 6, 7; табл. XXIV, 4), соответствующие монеты, естественно, выпадают из списка «фальсификатов».

¹ P. Nasteg. La collection Lucien de Hirsch. Bruxelles, 1959 (см. описание монет: табл. I, 19; III, 54, 59, 62, 64; XIV, 263—269 и след.).

² H. Luyne. Numismatique de Syracuse.— RN, 1843, стр. 15.

³ G. F. Hill. Coins of the ancient Sicily. London, 1903, стр. 3 и след.

⁴ А. Н. Зограф. К технике сицилийских монет в V в. до н. э.— ТОНГЭ I, Л., 1945, стр. 7—15.

очевидно, должны были иметь шарообразную форму, а формы, в которых они отливались, состояли из двух сложенных друг с другом полушарий»⁵.

Приведенный в его статье схематический рисунок момента чеканки показывает, что автор представлял себе заготовку в виде шарика⁶. Л. П. Харко разделял мнение А. Н. Зографа об индивидуальной отливке шарикообразных слитков и пытался отыскать следы сицилийской техники в монетном деле Ольвии⁷.

Сопоставляя наблюдения над монетами с аргументацией названных выше исследователей, можно прийти к заключению о сомнительности их основного вывода — о шарообразности заготовок. Прежде всего, при чеканке, например, массивных сиракузских тетрадрахм или тяжелых бронзовых монет того же города расплющивание шарика металла неизбежно должно было бы приводить к разрывам металла на гурте, что в действительности встречается весьма редко. Изучение остатков экваториального пояска на монетах показывает, что в момент чеканки его плоскость была перпендикулярна или почти перпендикулярна по отношению к плоскостям штемпелей, чего при шаровидности слитка да еще выступающем пояске не могло быть. Казалось бы, далее, что плоскость экваториального пояска чаще всего должна была быть параллельной (или близкой к этому) плоскостям штемпелей, и, таким образом, экваториальный поясок сохранился бы целиком на гурте монет, однако такие случаи вообще не отмечены в литературе. Неясно также, как представляли себе указанные исследователи судьбу литника, который должна была иметь каждая заготовка и следы которого, насколько мне известно, ни разу не отмечены на монетах, чеканенных в сицилийской технике.

Исходя из сказанного более правильно мнение Л. Чезано, полагавшего, что монеты Сиракуз со следами такой техники чеканены из плоских кружков, каким-то образом связанных между собой до чеканки⁸.

Для изучающих античную нумизматику Северного Причерноморья вопрос о сицилийской технике литья монетных заготовок имеет особое значение в связи с тем, что такая техника применялась в Херсонесе во второй половине IV в. до н. э. Именно таким способом изготавливались кружки для всех разновидностей монет с изображением грифона и коленопреклоненной Девы⁹, а также более мелких монет, с бигой, поэтому находка в Херсонесе такой заготовки явилась счастливой, хотя и не неожиданной случайностью.

Заготовка была обнаружена среди депаспортизованных монет из до-революционных раскопок Херсонесского городища. Она представляет собой плоский эллипсоидный диск диаметром 16 × 18 мм, толщиной в центре 6 мм, по краям — 3—4 мм, весом 5,48 г. Первоначальный вес заготовки был несколько больше, об этом свидетельствует значительная изъеденность ее поверхности коррозией. Судя по сравнительно невысокому весу заготовки, она предназначалась для чеканки монет с изображением коленопреклоненной Девы на лицевой стороне и грифона на оборотной.

По наибольшему диаметру заготовки проходит невысокий выступающий поясок — свидетельство затекания металла между двумя литейными матрицами. На обеих плоских сторонах заготовки, в центре, поясок переходит в округлые выступы-литники, дающие основания полагать, что отливка производилась групповым способом. Заготовка позволяет полностью реконструировать литейную форму (рисунок), не известно лишь количество одновременно отливавшихся заготовок. Получавшаяся при отливке фигура

⁵ А. Н. Зограф. К технике сицилийских монет в V в. до н. э.— ТОНГЭ, I. Л., 1945, стр. 8.

⁶ Там же, рис. 9. Содержание статьи сводится, в основном, к разбору различных вариантов положения, которое могла занимать плоскость экваториального пояска по отношению к плоскостям штемпелей.

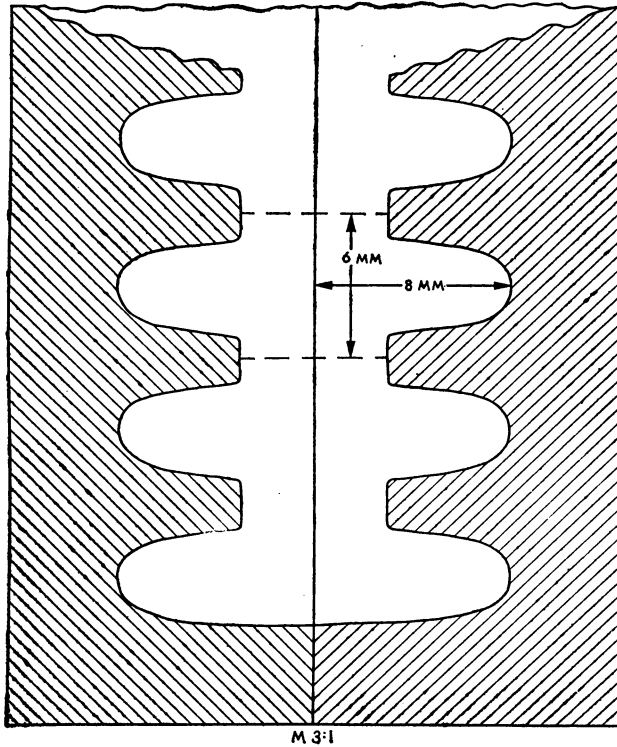
⁷ Л. П. Харко. Монеты из раскопок Ольвии в 1946—1947 гг.— В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.—Л., 1964, стр. 335—344.

⁸ А. Н. Зограф. К технике сицилийских монет..., стр. 15, прим. 1—2.

⁹ А. Н. Зограф. Античные монеты.— МИА, № 16, 1951, табл. XXXV, 16—18.

представляла собой нечто вроде гирлянды соединенных литниками заготовок, разрубавшейся перед чеканкой.

На монетах, чеканенных из таких заготовок, помимо «протуберанцев» можно обнаружить и другие черты сицилийской техники. Некоторые из монет сохраняют в центре лицевой, оборотной или обеих сторон хорошо заметные бороздки в металле, иногда напоминающие окружность, но чаще всего имеющие вид замкнутой ломаной линии неправильных очертаний. Эти бороздки показывают края литников, подвергшихся расплющиванию

Реконструкция формы для отливки монетных заготовок.

перед чеканкой или в момент ее. Выступающий литник уплотнялся, разворачивался наподобие шляпки гриба или выкрашивался, при этом и образовывалась четкая граница между полем заготовки и литником.

В заключение остановимся еще на некоторых вопросах. Во-первых, пока следует ответить отрицательно на вопрос о применении такой техники в монетном деле других центров Северного Причерноморья. Правда, Л. Харко якобы отыскал следы сицилийской техники на некоторых монетных заготовках из Ольвии¹⁰, однако его выводы нельзя признать убедительными. Ни одна из приведенных в его работе заготовок, не говоря уже о монетах, не имеет характерных для сицилийской техники признаков. Сам автор признавал, что следов экваториального пояска ему не удалось найти, а ведь именно эта деталь и характеризует сицилийскую технику. Л. Харко считал, что свидетельством существования такой техники является предварительное плющение перед чеканкой шарикообразных якобы заготовок. В его статье приведен рисунок лишь одной (!) такой расплющенной заготовки¹¹ вместе с десятками других, выполненных в иной технике, что не дает, конечно, никаких оснований настаивать на применении в Ольвии сицилийской тех-

¹⁰ Л. П. Харко. Указ. соч., стр. 335, 342.

¹¹ Там же, стр. 335, табл. VI, группа I—A.

ники. Кроме того, как уже говорилось выше, получавшиеся при такой технике заготовки не нуждались в предварительном плющении.

Во-вторых, в связи с вопросом о применении сицилийской техники небезынтересно отметить и такую деталь. Как известно, древние монетарии уделяли значительное внимание предохранению заготовок от выскальзывания в момент удара. Один из приемов заключался в использовании штемпелей с торчащими в центре шпеньками, которые при ударе стискивали заготовку¹².

Использование заготовок, отлитых в сицилийской технике, делало излишним применение каких-либо специальных мер против выскальзывания монетных кружков. Функции шпеньков с успехом могли заменять выступавшие с одной или обеих сторон заготовки литники. Возможно, ту же роль должны были выполнять бугорки на ольвийских заготовках¹³, имеющиеся на одной или обеих сторонах. Трудно согласиться с утверждением Л. Харко о том, что они «не вызваны никакой технической необходимостью при дальнейшем использовании кружка»; его же предположение, что они образовались при заливке металла в каналцы для выхода воздуха, и вовсе невероятно¹⁴. В такие каналцы вместе с воздухом неизбежно вытекал бы и металл.

Предположение об определенной функциональной нагрузке, которую выполняли литники на херсонесских заготовках, подкрепляется тем обстоятельством, что применение сицилийской техники началось с чеканкой монет с изображением грифона на лицевой стороне — пожалуй, самых крупных и тяжелых бронзовых монет Херсонеса эллинистического времени. Точно так же и в городах Сицилии и Великой Греции в такой технике выпускались серебряные и бронзовые монеты крупных размеров, а самые крупные и самые тяжелые для античной эпохи чеканенные бронзовые монеты Птолемея дают нам один из ранних, по-видимому, примеров использования штемпелей со шпеньками.

В целом, введение в Херсонесе нового способа отливки монетных заготовок можно объяснить стремлением повысить производительность труда в монетном деле, которое осуществлялось как за счет более полного использования металла (при сицилийском способе меньшее количество металла шло на литники), сокращения времени на операции по дополнительной обработке заготовок перед чеканкой (удаление литников), так и за счет возможного увеличения выхода продукции при каждой отливке. Как известно, монеты с изображением грифона и коленопреклоненной Девы всех типов являются одной из самых распространенных групп в херсонесской чеканке эллинистического времени.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ БОСПОРА

В 45 — 234 ГГ. Н. Э.

Н. А. ФРОЛОВА

(Москва)

Денежное обращение Боспора до сих пор не являлось еще предметом специального исследования, но отдельные стороны этой темы, связанные с вопросами определения системы номиналов и метрологии боспорских монет, рассматривались в трудах А. Н. Зографа и А. Л. Бертье-Делагарда. Начатую А. Н. Зографом работу по публикации монетных на

¹² Подробнее об этом см.: А. Л. Бертье-Делагард. Значение монограмм... на монетах Херсонеса.— ЗНОРАО, т. I, вып. I. СПб., 1906, стр. 72—79.

¹³ Л. П. Харко. Указ. соч., табл. VII, группа III. Этому предположению в известной степени противоречит замеченное Л. Харко предварительное плющение бугорков (там же, стр. 337, табл. VII, группа III—A).

¹⁴ Там же, стр. 337.

ходок, обнаруженных при раскопках городищ и их некрополей ¹, продолжили Л. Н. Белова ², Д. Б. Шелов ³, К. В. Голенко ⁴ и другие нумизматы. Они преследовали главным образом цели публикации монетных находок, поэтому одной из задач нашего исследования является обобщение накопленного материала, который должен быть положен в основу построения истории денежного обращения Боспора середины I — первой трети III в. н. э.

Была проведена также работа по сбору данных о находках кладов монет на территории Боспорского царства. В основу ее положены сведения, собранные Е. Е. Люценко ⁵ и В. В. Кропоткиным ⁶. Важность полученных сведений, с одной стороны, заключается в том, что они дают нам возможность выяснить состав обращавшейся на территории царства иноземной монеты, степень проникновения ее в денежное обращение государства и влияние на развитие монетного дела Боспора. С другой — эти материалы позволяют судить о степени интенсивности чеканки золотых и медных монет тем или другим боспорским правителем. Что же касается вопросов метрологии боспорских золотых и медных монет, то в этом направлении огромная работа была проделана А. Л. Бертъе-Делагардом. Он собрал воедино и опубликовал большую часть материалов по весовым данным золотых монет Боспора ⁷.

А. Бертъе-Делагард установил, что боспорские золотые монеты есть не что иное, как римские ауреусы. При этом автор отметил, что золото Боспора точно выдерживало ту монетную стопу, которая легально должна была бы быть в Риме, но никогда императорами не соблюдалась ⁸. А. Бертъе-Делагард объясняет этот факт тем римским правилом, которое обязывало чеканить провинциальную монету не иначе, как сохраняя преимущество для римской. Такое положение, по мнению ученого, могли терпеть еще и оттого, что золото Боспора обращалось совсем в иных странах, куда римские монеты не проникали, и где в связи с этим не было повода изымать лучшую монету из обращения ⁹. В качестве объяснения этого странного, на первый взгляд, положения А. Бертъе-Делагард выдвигал идею о том, что римские монеты не обращались на территории Боспорского царства ¹⁰. Автор наметил ареал распространения боспорского золота: в Скифии, на северных берегах Понта и в пределах Кавказа ¹¹.

Вопросы, связанные с метрологией медных монет Боспора и системой их номиналов, были разработаны А. Зографом в основополагающем труде «Античные монеты» ¹², а его краткий очерк монетного дела и денежного обращения Северного Причерноморья содержал лишь небольшой раздел,

¹ А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Боспорской экспедиции 1932—1934 гг.— МИА, № 4, 1941, стр. 157—172; е го же. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг.— МИА, № 25. М.— Л., 1952, стр. 303—306.

² Л. Н. Белова. Монеты из раскопок Тиритаки, Мирмекия и Илурата в 1946—1953 гг.— МИА, № 85. М.— Л., 1958, стр. 330—351.

³ Д. Б. Шелов. Находки монет в Фанагории в 1947—1957 гг.— НЭ, III. М., 1962, стр. 56—129; е го же. Монеты из раскопок Танаиса 1955—1964 гг.— НЭ, VI. М., 1966, стр. 62.

⁴ К. В. Голенко. Монеты из случайных находок в Патрээ (1947—1950).— ВДИ, 1952, № 3, стр. 147—155; К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Пантикалея 1945—1961 гг.— НИС, 1. К., 1963, стр. 3; К. В. Голенко. Монеты из находок в Патрээ.— НИС, 3. К., 1968, стр. 159—162.

⁵ Е. Е. Люценко. Описание кладов с древними монетами, найденными на Керченском и Таманском полуострове и частью в Новороссийском крае (на юге России). 1880 г. Рукопись. Архив 22, ЛО ИА АН СССР, фонд 28.

⁶ В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР.— САИ, вып. Г4—4. М., 1961.

⁷ А. Л. Бертъе-Делагард. Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды.— НС, II. М., 1913, стр. 49.

⁸ А. Л. Бертъе-Делагард. Монеты царей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами.— ЗООИД, XXIX, стр. 209.

⁹ Там же, стр. 210.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² А. Н. Зограф. Античные монеты.— МИА, № 16. М.— Л., 1951, стр. 200—207.

посвященный этой теме¹³. Некоторые замечания по вопросам денежного обращения Боспора содержатся в его статьях о монетном деле Савромата II¹⁴ и в одной статье А. Бертье-Делагарда о денежной реформе этого правителя¹⁵. А. Л. Бертье-Делагард на основе изучения многочисленных нумизматических данных, в противовес мнению Т. Моммзена¹⁶ и Э. Бабелона¹⁷, доказал, что на золоте Боспора никогда не ставили каких-либо знаков ценности¹⁸. Что же касается буквенных обозначений, имеющих на медных боспорских монетах: Δ (4), S* (6), H (8), IV (12), KΔ (24), MH (48), qS (96), PMΔ (144), то, несмотря на то, что Т. Моммзен видел в них только числа¹⁹, до выхода в свет указанной работы А. Бертье-Делагарда многие ученые по-разному рассматривали их назначение. После исследования А. Бертье-Делагарда никто уже не сомневался в том, что они представляют собой знаки ценности, а не что-либо другое. В этой же статье А. Бертье-Делагард рассматривал реформу Савромата II как попытку восстановить полноценность асса и дупондия путем введения для этих номиналов новых цифровых обозначений. А. Зограф в ряде статей показал всю несостоятельность этой теории А. Бертье-Делагарда, основанной, к тому же, и на неправильной предпосылке об изъятии из обращения, при проведении этой реформы, всех монет с буквами MH, в то время как монеты с этим знаком продолжали выпускаться до конца царствования Савромата II²⁰.

Итак, известно, что в римское время цари Боспора чеканили монеты из двух металлов — золота и меди. Золото составляло основу денежного обращения Боспорского государства. Основную массу монет составляли медные монеты, участвующие во внутреннем денежном обращении.

А. Зограф считал, что система номиналов в боспорской царской чеканке соответствовала римской. Вслед за Т. Моммзеном он принимал за единицу счета унцию и доказал, что боспорские медные монеты со знаками KΔ и MH — есть дупондии и сестерции²¹. Эти номиналы в 24 и 48 единиц, впервые введенные в обращение Нероном, долгое время оставались единственными номиналами медной монеты, чеканившейся царями Боспора. Причем весовые нормы сестерциев и дупондиев лишь номинально соответствовали нормам римских одноименных монет. Имея это в виду, А. Зограф писал, что у нас нет оснований постулировать, что провинциальная медная монета в своих фактических средних весах в точности соответствовала римским нормам; мы вправе лишь ожидать, что максимум при широкой амплитуде весовых колебаний не слишком будет отставать от римских норм одноименных монет²². Взаимоотношение номиналов золота и меди на Боспоре было, по видимому, таким же, как и в Риме. По римской системе счета 1 ауреус = 25 денариям = 100 сестерциям = 200 дупондиям = 400 ассам. Для I в. н. э. можно считать доказанным, что на Боспоре была принята подобная система: 1 статер = 25 денариям = 100 сестерциям = 200 дупондиям = 400 ассам.

Известно, что в правление Котия I (45—62) на Боспоре самой распространенной денежной единицей была монета в 12 унций — асс, хотя имелись

¹³ А. Н. Зограф. Денежное обращение и монетное дело Северного Причерноморья. — В кн.: Античные города Северного Причерноморья, т. 1. М. — Л., 1955, стр. 160.

¹⁴ А. Н. Зограф. Реформа денежного обращения в Боспорском царстве. — ВДИ, 1938, № 2; его же. Sauromates II's reform of the currency. — NC, 1938, стр. 99.

¹⁵ А. Л. Бертье-Делагард. Дифференты на царских боспорских монетах римского периода. — НС, I. М., 1911, стр. 305—329.

¹⁶ Т. Моммсен. Histoire de la Monnaie Romaine. Paris, 1873, стр. 294—296.

¹⁷ Э. Вабелон. Traité des monnaies Grecques et Romaines, I. Paris, 1901, стр. 253, прим. 1.

¹⁸ А. Л. Бертье-Делагард. Дифференты..., стр. 308—311.

* Буквы латинского алфавита S и q употреблены для обозначения греческих букв *стигмы* и *копты*.

¹⁹ Т. Моммсен. Указ. соч., стр. 296.

²⁰ А. Н. Зограф. Античные монеты..., стр. 205.

²¹ Там же, стр. 198—199.

²² А. Н. Зограф. Реформа денежного обращения..., стр. 299.

монеты и меньших номиналов в 8, 6 и 4 единицы (монеты с этими цифровыми обозначениями исключительно редки). Таким образом, боспорский статер при Котии I должен был размениваться на 400 ассов. В процессе мероприятий Нерона по обращению Боспора в римскую провинцию в денежное обращение Боспора были введены два новых номинала, превышающих прежний в два и четыре раза. А. Зограф считал, что Нерон, признавая происшедшее понижение веса медной монеты (асса) и в то же время увеличивая ее номиналы, пытался путем сближения статера и высшего номинала меди остановить дальнейшее падение веса медной монеты. Вводя в обращение два новых номинала, Нерон повышал покупательную способность медной монеты. Это мероприятие, по мнению А. Зографа, было для Нерона рискованным, так как в случае дальнейшего обесценения меди «простота и легкость ее обмена на денарии могли повлечь за собой падение цены и римской серебряной монеты, если не на самом Боспоре, где, по-видимому, и римского серебра обращалось мало, то в пограничных частях царства»²³. Именно это обстоятельство вынуждало римлян следить за тем, чтобы медной монеты не выпускалось слишком много по сравнению с золотом, обеспечивающим ее обращение²⁴.

В этой концепции А. Зографа, касающейся денежных мероприятий Нерона на Боспоре, имеется ряд обстоятельств, которые вызывают у нас сомнение. Первым из них является недоумение по поводу причин, которыми руководствовался римский император, когда он, как считал А. Зограф, поднял покупательную способность ходячей медной монеты. Почему Нерону потребовалось повышать номиналы меди, если известно, что она была условной и что ее номинальная стоимость имела обеспечение в золотом статере Боспора хорошего веса и отличного качества²⁵. По данным А. Бертье-Делагарда, средний вес статеров Котия I составлял 7,88 г²⁶, а содержание золота в нем достигало 80%. Следовательно, если вслед за А. Зографом признать, что медь Боспора была условной, то, как бы она ни упала в весе, ее номинальная стоимость была обеспечена находившимся в обращении золотым статером, веса которого совершенно не коснулась реформа Нерона. В таком случае возникает вопрос, почему Нерон в своих денежных мероприятиях на Боспоре ограничился только реформой медной чеканки? А. Зограф полагал, что Нерон решил на эту меру, имея в виду оплату войска, но боспорского или римского — он не уточняет. При этом он указывает, что если учесть военный характер монетного дела Боспорского царства в императорскую эпоху, то можно себе представить, какую важную роль при отсутствии серебра должны были играть медные монеты крупных номиналов в практике оплаты войска; но так как в Риме вознаграждение солдат неуклонно росло, то и на Боспоре мы вправе ожидать того же²⁷. Следовательно, А. Зограф предполагает, что реформа медной чеканки, проведенная Нероном на Боспоре, преследовала и цели оплаты войска²⁸. Итак, для оплаты какого войска нужно было повысить стоимость медной монеты вдвое и вчетверо? По всей вероятности, А. Зограф не имел в виду оплату римского войска, так как хорошо известно, что плата римским легионерам исчислялась всегда в серебряной монете — денариях²⁹. К тому же, не считая короткого пребывания римских войск на территории Боспора во время Нерона, мы не имеем доказательств длительного пребывания римлян на Боспоре.

В. Ф. Гайдукевич полагал, что в пределы Боспорского царства римские войска во II—III вв. н. э., по-видимому, не вводились. Известны три

²³ А. Н. Зограф. Античные монеты..., стр. 200.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы для весовых исследований..., стр. 109.

²⁷ А. Н. Зограф. Античные монеты..., стр. 200; его же. Реформа денежного обращения..., стр. 302.

²⁸ Там же.

²⁹ Latimer. Stipendium.— P. W. R. E., 6. Hlbb., 2537.

надписи из Керчи II в. н. э.: одна была поставлена центуриону Фракийской когорты ³⁰, две других — солдатам Кипрской когорты ³¹, но они вряд ли могут служить основанием для вывода о длительных стоянках на Боспоре указанных войсковых соединений ³².

В таком случае остается неясным, почему именно Нерона, а не боспорского царя должна была волновать проблема оплаты боспорского войска?

Кроме того, имеются и другие сомнения, касающиеся объяснения А. Зографом причин реформы Нерона. А. Зограф полагал, что Нерон увеличил покупательную способность медной монеты для удобства и простоты обмена ее на римские денарии и провинциальное серебро ³³. Следовательно, А. Зограф подразумевал возможность обмена боспорской меди на римское серебро. Но в таком случае медная монета должна была бы обладать функциями меры стоимости, в то время как в денежном обращении Боспора ей принадлежали только лишь функции разменной монеты. Ведь основу денежного обращения государства составлял золотой статер, который как раз и выполнял функции средства обращения и меры стоимости и потому только он один являлся той монетой, на которую могли обмениваться денарии и провинциальное серебро. Причем сам же А. Зограф несколькими строками выше указывал, что обмен денария на боспорский золотой статер, сохранившийся и после уменьшения в весе римского ауреуса свой первоначальный вес — около 7,8—7,9 г., — был более выгоден для денария, чем обмен на медные боспорские монеты условной ценности ³⁴. Но даже если медь не была условной и действительно могла обмениваться на денарии, то в этом случае мы должны еще доказать, что денарии и провинциальное серебро обращались на территории Боспорского царства и что сами медные боспорские монеты обращались далеко за пределами Боспора. Ни того, ни другого в настоящее время мы доказать не можем, так как не располагаем сведениями, позволяющими утверждать, что римские денарии и провинциальное серебро обращались на его территории. Так, на Боспоре найдено немногим более десятка медных и серебряных монет Римской империи. Вот небольшой перечень находок римских монет на территории Боспора, обнаруженных в результате раскопок: монеты Веспасиана * — 2 экз., Домициана ³⁵ — 1 экз., Траяна ³⁶ — 1 экз., Адриана ³⁷ — 2 экз., Антонина Пия ³⁸ — 1 экз., Марка Аврелия ³⁹ — 1 экз., Фаустины Младшей ⁴⁰ — 2 экз., Коммода ⁴¹ — 2 экз., Септимия Севера — 2 экз. и Каракаллы ⁴² — 2 экз.

Кроме того, следует обратить внимание на тот факт, что до сего времени на территории Боспора не обнаружено ни одного клада римских денариев, а из провинциальных монет был найден только один клад каппадокийских тетрадрахм, обнаруженный в станице Адагумской, Темрюкского района. Клад датируется II в. н. э. ⁴³ При раскопках поселения в Ново-

³⁰ КБН, 666-ИРЕ, II, 290.

³¹ КБН, 691-ИАК, вып. 3, 1902, стр. 39, № 5; КБН, 726-ИРЕ, II, 293.

³² В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 334.

³³ А. Н. З о г р а ф. Античные монеты..., стр. 200.

³⁴ А. Н. З о г р а ф. Реформа монетного дела..., стр. 288.

* В Керчи случайно найден дупондий Веспасиана (К. В. Г о л е н к о, Д. Б. Ш е л о в. Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1961 гг., стр. 28, № 20). Вторая монета Веспасиана опубликована Ю. С. Крушкол (Монеты Фанагорийского городища раскопок 1937—1939 гг. Государственного исторического музея.—СА, XV, 1951, стр. 266, № 15).

³⁵ В. В. К р о п о т к и н. Указ. соч., стр. 65, № 629.

³⁶ Ю. С. К р у ш к о л. Монеты Фанагорийского городища..., стр. 254.

³⁷ В. В. К р о п о т к и н. Клады..., стр. 64, № 595.

³⁸ Т а м ж е, стр. 66, № 631.

³⁹ В. В. К р о п о т к и н. Новые находки римских монет в СССР.—НЭ, VI. М., 1966, стр. 99, № 223.

⁴⁰ Д. Б. Ш е л о в. Монеты из раскопок Танаиса 1955—1964 гг., стр. 62; В. В. К р о п о т к и н. Новые находки..., стр. 83, № 1742.

⁴¹ А. Н. З о г р а ф. Описание монет..., стр. 385, № 142; ср: В. В. К р о п о т к и н. Клады..., стр. 63, № 567; е г о ж е. Новые находки..., № 1742.

⁴² В. В. К р о п о т к и н. Клады..., стр. 66, № 629, 631.

⁴³ Е. Е. Л ю ц е н к о. Указ. соч., стр. 31.

Отрадном были найдены две провинциальные монеты Адриана и монета Клавдия Готского, чеканенные в Александрии Египетской⁴⁴.

Единичные находки медных боспорских монет свидетельствуют о том, что они не участвовали в денежном обращении тех городов, как например, Херсонеса, где участие римского серебра в городском денежном обращении не подлежит сомнению⁴⁵. В. А. Анохин в процессе работы над темой, касающейся вопросов денежного обращения Херсонеса, пришел к выводу, что медная боспорская монета, как и всякие другие медные деньги, вряд ли могла участвовать в денежном обращении Херсонеса наравне с местной разменной монетой (медью), так как она была по существу кредитной, условной. Проникновение той или иной иногородней меди в значительных количествах на чужой рынок неизбежно привело бы к расстройству денежного обращения. Все это относится и к боспорским медным монетам, находимым в Херсонесе; к тому же, боспорские монеты I, II и первой четверти III вв. н. э. встречаются в Херсонесе крайне редко⁴⁶.

Чрезвычайно редки находки медных боспорских монет римского времени и на территории Кавказа⁴⁷, где, как и в Крыму, по мнению А. Зографа, обращался римский денарий⁴⁸.

Что же в таком случае заставило Нерона в 62 г. н. э. ввести денежное обращение Боспора два новых номинала и чеканить золото с монограммой (1) *?

Помня о том, что в рамки северо-восточной политики Нерона входили мероприятия по присоединению Понта, захвату Армении и аннексии Боспорского государства, мы предлагаем рассматривать его реформу денежного обращения Боспора как начальные шаги на пути унификации денежного обращения всей Римской империи. Возможно, что Нерон уже в 62—68 гг. н. э. рассматривал Боспор как часть Римской империи и именно поэтому ввел в обращение два новых номинала, которые по своему внешнему виду близки к тем же типам одноименных монет, чеканенных им самим в Риме. По своему весу и размеру высший номинал меди, введенный Нероном на Боспоре⁴⁹, ближе подходит к его сестерцию, а изображение реверса младшего номинала со знаком КΔ — Ника с пальмовой ветвью⁵⁰ — повторяет тип нероновского дупондия⁵¹. Лишним доказательством в пользу нашего предположения может служить и факт прекращения выпуска золотой монеты от имени боспорского царя, так как чеканка золота и в этом отдаленном районе стала теперь прерогативой римского императора. Уже одно это обстоятельство свидетельствует о том, что общий принцип чеканки монет в империи не был нарушен и на Боспоре.

Смерть Нерона и ухудшение положения в империи в связи с гражданскими войнами, а вследствие этого и истощение императорской казны, заставили Веспасиана отказаться от продолжения восточной политики

⁴⁴ И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, стр. 193.

⁴⁵ В. А. Анохин. Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э.— НЭ, IV. М., 1963, стр. 50.

⁴⁶ Там же, стр. 51.

⁴⁷ Д. Г. Капанадзе. К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным.— В сб.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л., 1959, стр. 148; К. В. Голенико. Денежное обращение Колхиды в римское время. М., 1964, стр. 35.

⁴⁸ А. Зограф. *Sauromates II's reform...*, стр. 102.

* Монограммы, встречающиеся на боспорских монетах:

NO
NEP (1) BAP (2) (3) BAK (4) BAET (5)

⁴⁹ П. О. Бурачков. Общий каталог монет, принадлежащих эллиническим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря. Часть I. Одесса, 1884, табл. XXVII, 114.

⁵⁰ Там же, табл. XXVII, 115.

⁵¹ А. Н. Зограф. Реформа монетного дела..., стр. 298.

Нерона⁵². Но установленная Нероном система денежного обращения внесла равновесие в денежное хозяйство Боспора и продержалась довольно длительное время, хотя начиная уже с правления Рискупорида II (69—93) веса сестерциев постепенно редуцируются, а вес дупондия уменьшается сразу почти вдвое.

Мы согласны с мнением А. Зографа, в основе которого лежит установленный им факт изменения в боспорской чеканке, совпадающий с моментами смен на римском императорском престоле, что развитие монетного дела Боспора регулировалось распоряжениями из центра; а одним из основных мотивов римской политики относительно боспорского монетного дела было поощрение выпусков золота. Такое положение дел было вполне оправданным, так как Рим мог быть заинтересован в золотой боспорской чеканке по причине получения от этого каких-то определенных сумм дохода, так как только с ведома римских императоров цари Боспора пользовались правом монетной чеканки. К сожалению, у нас нет никаких аналогичных данных для иллюстрации нашего предположения по той причине, что чеканка золотых монет вассальным царством в течение нескольких столетий была явлением исключительным.

Но мы вынуждены не согласиться с мнением А. Зографа по поводу того, что Рим одновременно с одобрительным отношением к выпускам золота строго следил за тем, чтобы выпуски медных монет не переходили за пределы, установленные Нероном⁵³. Вся история монетного дела Боспора римского времени, а в особенности метрология медных монет Боспора, говорит против этого предположения.

Так, Котий I (45—68) чеканил золото и медь. Вес асса Котия I 45—54 гг. составлял 7,60 г (из 67 экз.). С 54 по 62 г. с введением новых номиналов — сестерция и дупондия — вес асса уменьшается до 6,66 г (из 16 экз.). Вес сестерция этого времени равен 13,37 г (из 9 экз.), вес дупондия при Нероне — 10,43 г (из 12 экз.). После 63 г. чеканка ассов прекращается совсем, а вес дупондия снижается с 10 до 6,62 г (из 21 экз.)⁵⁴. Золотые монеты Котия I имеют средний вес 7,88 г⁵⁵.

После смерти Котия I Боспором правит Рискупорид II (68/69—93). Он чеканит золото и медь в обоих номиналах. В первый период царствования (68—80 гг.) средний вес его статов составлял 7,88 г (9 экз.). Начиная с 80 г., когда на золоте Рискупорида II появляется вместо прежней монограммы его имя и титул, Рискупорид чеканит статовы уже немного пониженного веса — в 7,85 г (18 экз.). Сестерции Рискупорида II на протяжении всего правления чеканятся в основном одинакового веса — 12 г (100 экз.), а вес его дупондиев равен 6,5 г (34 экз.).

Таким образом, веса медных монет Рискупорида II ниже весов обоих номиналов, введенных Нероном. Правда, по таблице А. Зографа веса сестерциев Рискупорида II первого периода (69—80 гг.) равны 14,62 г, но А. Зограф относил к этому периоду монеты типа — царь на курульном кресле, монограмма — доспехи, ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΞΟΓΠΟΡΙΔΟΣ⁵⁶ со средним весом 13 г, которые по нашей классификации относятся к 80—90 гг.⁵⁷ Что же касается весов дупондиев Рискупорида II, то несмотря на то, что А. Зограф относит к его правлению монеты с надписью ΤΕΙΜΑΙΒΑΣΙΛΕΩΣ ΚΟΤΥΟΣ ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ⁵⁸ (которые, по нашему предположению, че-

⁵² Т. Ф р а н к. An Economic History of Ancient Rome, 2 ed. Baltimore, 1927, стр. 42—56. Автор обращает внимание на тот факт, что к моменту прихода к власти Веспасиана только на ближайшие расходы императору нужно было 40 млн. сестерциев.

⁵³ А. Н. Зограф. Реформа денежного обращения..., стр. 288.

⁵⁴ А. Н. Зограф. Античные монеты..., стр. 206—207.

⁵⁵ А. Л. Бертье-Делагард. Материалы для весовых исследований. стр. 62—63.

⁵⁶ П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XXVII, 121.

⁵⁷ Н. А. Фролова. Монетное дело Рискупорида II. — НЭ, VII. М., 1968, стр. 50—51

⁵⁸ П. О. Бурачков. Указ. соч., табл. XXVII, 112.

канились Котием II), вес дупондиев Рискупорида II, даваемый А. Зографом, — 6,35 г, почти не расходится с нашим — 6,50 г. Следовательно, Рискупорид II продолжает чеканить медь в 24 и 48 единиц, но уже намного пониженного веса.

Савромат I (93—123) в первые годы своего правления выпускает золотые статеры весом в 7,81 г, то есть ниже, чем у Рискупорида II, а в последующие годы 7,79 г (учтено 91 экз.).

Медь Савромата I известна в двух номиналах, но младшие настолько редки, что выпуск их следует считать эпизодическим⁵⁹. Всят эти дупондии около 6 г. Нормальный вес сестерциев Савромата I одинаков на всем протяжении долголетней чеканки этого царя и составляет 12 г (354 экз.).

Золотая чеканка Котия II (123—132) равномерна, хотя и не особенно интенсивна. Со 123 по 129 г. вес статеров придерживается нормы в 7,80 г, но начиная со 130 г. он падает до 7,70 г (47 экз.). То же самое наблюдается и в чеканке медных монет. Вес сестерциев Котия II понижается до 10 г, а со 129 по 130 г. уменьшается до 8—9 г (всего 179 экз.). А. Зограф предполагал, что Котий II чеканил монеты младшего номинала, с монограммой (4), со средним весом в 7,35 г⁶⁰. Но, как доказано П. О. Карышковским, эти монеты принадлежат чекану Котия I⁶¹. По нашему предположению, Котий II чеканил дупондии с надписью: ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΚΟΤΥΟΣ ΤΟΥ ΑΣΠΟ ΥΡΓΟΥ⁶². Их средний вес равен 6,5 г. Эти монеты являются последними выпусками дупондиев на Боспоре, хотя А. Зограф был уверен, что последние выпуски дупондиев относятся ко времени правления Евпатора. При этом он имел в виду медные монеты с монограммой (5), которые П. Карышковский впоследствии датировал последним годом правления Котия I⁶³.

К. Голенко и Д. Шелов считают, что дупондий как номинал окончательно перестал существовать при Рискупориде II, и что с этого времени сестерций становится единственной медной монетой вплоть до реформы Савромата II 186 г.⁶⁴ Мы не можем согласиться с их мнением, поскольку средний вес дупондиев и Рискупорида II, и Котия II равен 6,5 г, что составляет, примерно, половину веса сестерциев, чеканенных этими правителями.

При Реметалке (131—154), не считая пятилетнего перерыва в выпуске золотых монет, чеканка статеров носит спокойный характер. В весовом отношении монеты первых лет колеблются от 7,26 до 7,87 г, хотя в конце правления вес их стабилизировался и стал равняться в среднем 7,76 г (учтено 85 экз.). Таким образом, наблюдается даже повышение весовой нормы статера, что, возможно, имеет какое-то отношение к вызову Реметалка в Рим в правление императора Антонина Пия.

Медь чеканится только в одном крупном номинале. Вес сестерциев сначала придерживается нормы в 11—12 г, в 134 г. снижается до 7—8 г, но затем стабилизируется и до конца правления удерживается на уровне 10 г (126 экз.). Тот же средний вес выводит для сестерциев Реметалка и А. Зограф.

Стилистический анализ медных монет Реметалка и его статеров 131—136 и 142—153 гг. показывает, что медная чеканка Реметалка была либо значительно сокращена, либо вовсе не возобновлялась после пятилетнего перерыва. Однако следует заметить, что никакого беспокойства со стороны Рима в отношении номинальной стоимости боспорских медных монет до

⁵⁹ Х. Гильб. Монеты, поступившие в мое собрание в 1892—1893 гг.— ЗРАО, т. VII, 1895, табл. XX, 64.

⁶⁰ Там же, стр. 204—205.

⁶¹ П. О. Карышковский. Боспор и Рим в I в. по нумизматическим данным.— ВДИ, 1953, № 3, стр. 170—190.

⁶² Н. А. Фролова. Монетное дело Рискупорида II, стр. 51.

⁶³ П. О. Карышковский. Боспор и Рим в I в. по нумизматическим данным, стр. 170—190.

⁶⁴ К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 17—18.

этого времени не обнаруживается. Более того, возобновленная после пятилетнего перерыва чеканка золота не влечет за собой каких-либо выпусков меди. Следовательно, в противовес мнению А. Зографа⁶⁵, Рим не пытался остановить дальнейшее падение веса медной монеты.

При Евпаторе (154—170) выпускается большое количество золотых монет (учтено 162 экз.). Золото точно придерживается нормы в 7,75 г, установившейся при Реметалке. Из меди чеканятся только сестерции, которые по своему внешнему виду и весу резко распадаются на две группы, разные по времени. Вес сестерциев первой группы (154—164 гг.) равен 12,5 г, второй группы — 7,5—8 г (23 экз.). Таким образом, он опускается даже ниже первоначального веса дупондия, чеканенного при Нероне.

Савромат II также чеканит чрезвычайно много золота. Вес его статов первого периода (174—186 гг.) равен 7,60 г, средний вес сестерциев снижается до 7,55 г.

Во втором периоде происходит реформа монетного дела, внешне выражающаяся лишь в пополнении денежного обращения Боспора более крупными номиналами, а именно: двойными денариями, имеющими знак * В (вес 16,5 г, 52 экз.); денариями со знаком * (вес 10,50 г, 55 экз.); драхмами со знаком РМД (вес 10 г, 58 экз.). Средний вес сестерция равен 5,5 г (13 экз.).

В этом же периоде был выпущен номинал — двойной сестерций¹ — со знаком qS (96), впервые введенный в денежное обращение Боспорского царства. Вес уникального экземпляра, известного некогда А. Бертье-Делагарду, равен 8,58 г.

В третьем периоде (196—210 гг.) вес золотого статера составляет 7,70 г; вес двойного денария понижается до 10 г (44 экз.); вес денария остается почти тем же — 10 г (10 экз.); вес драхмы понижается до 7—7,5 г (12 экз.), а вес сестерциев повышается до 7 г (9 экз.). Следовательно, Савромат II не только увеличил номинальную стоимость меди в несколько раз, но и вновь значительно понизил вес всех нововведенных номиналов.

Однако никакой реакции на подобное явление в чеканке меди со стороны Рима не последовало. Таким образом, мы не можем вслед за А. Зографом утверждать, что Рим неоднократно призывал боспорских царей к осторожности в чеканке меди или не один раз напоминал им об этом⁶⁶. А. Зограф объясняет такое положение дел тем, что самому Риму было в это время не до Боспора. Более того, появление надчеканок на медных монетах второго периода и изображения головы Септимия Севера в штемпеле монет, выпущенных в третьем периоде, он расценивает как санкцию Рима на подтверждение их номинальной стоимости⁶⁷. Но, принимая это предположение А. Зографа, мы должны признать, что Рим санкционировал обращение этой медной боспорской монеты условной стоимости. Именно это обстоятельство никоим образом не согласуется с теорией А. Зографа о том, что императоры зорко следили за выпуском медной монеты боспорскими царями и не допускали выхода ее за известные пределы⁶⁸, и что держаться подобного образа действий их побуждала забота об устойчивости курса как римского денария и провинциальных драхм, обращавшихся в пограничных с Боспором областях, так и самого статера.

Итак, мы считаем несостоятельной концепцию А. Зографа относительно того, что Рим строго следили за выпусками меди на Боспоре, к чему будто бы его побуждала забота о соответствии номинальной ценности боспорской меди римским нормам одноименных монет. Результаты исследования медной чеканки последующих царей Боспора подтверждают наше мнение.

При Рискупориде III (210—226) из меди чеканятся только денарии. Ни двойных денариев, ни номинала в 2 сестерция, введенных Савроматом II,

⁶⁵ А. Н. Зограф. Реформа монетного дела..., стр. 288.

⁶⁶ А. Н. Зограф. Античные монеты..., стр. 200.

⁶⁷ А. Н. Зограф. Реформа денежного обращения..., стр. 301.

⁶⁸ А. Н. Зограф. Античные монеты..., стр. 203.

Рискупорид III не выпускает. Отсутствуют в его чеканке и сестерции. Вес денариев Рискупорида III колеблется от 8 до 9 г. Наибольшее количество денариев весит 9 г (из 165 экз.). Вес статеров Рискупорида III составляет 7,60 г (из 101 экз.).

Статеры Котия III (227—234), правившего после Рискупорида III, очень плохого качества и низкого веса — 7,25 г (из 135 экз.). Одновременно с ним в 229—231 гг. чеканит свои монеты столь же плохого качества Савромат III. В последние годы правления Котия III возобновляется чеканка двойных денариев, которые, будучи номинально вдвое выше денариев Рискупорида III, по своим весовым данным остаются на уровне этого номинала — вес двойных денариев Котия III равен 9 г (из 44 экз.). Они на 7,5 г легче двойных денариев Савромата II 186—196 гг.

Исследование А. Зографом золотой чеканки боспорских царей привело его к выводу, что римские власти поощрительно относились к выпускам золотых статеров и даже настаивали на их необходимости.

Мы согласны с этим выводом ученого, так как вполне понятно, что, помимо доходов, которые получали при этом императоры, обмен обращавшегося в соседних провинциях денария на боспорский статер был очень выгоден для денария. Это полбжение А. Зографа сохраняет свое значение и по сей день, точно так же, как остается в силе и его заключение, что смена правителей на римском престоле влекла за собой изменения в политическом положении боспорских царей, отражавшиеся в монетном деле Боспора.

Так, смерть Нерона и гражданские войны 68—69 гг. повлекли за собой ослабление империи, в результате чего Боспор вернул себе независимость и возобновил чеканку золотых и медных монет, запрещенную Нероном. С приходом к власти Тита Рискупорид II получил право на чеканку монет совершенно особого типа, с которого начинается новая эра в монетном деле Боспора. В правление Домициана и Траяна происходят изменения в типологии боспорских медных монет, выразившиеся в выпуске Савроматом I медных монет с портретами этих императоров. В основе появления столь необычных типов лежала изменившаяся политика римских императоров по отношению к Боспорскому царству⁶⁹.

Пятилетний перерыв в чеканке монет царем Реметалком по времени совпадает со вступлением на престол императора Антонина Пия. Чрезвычайно обильная золотая чеканка Евпатора в первые годы его правления объясняется политикой Марка Аврелия, выплачивающего определенные денежные суммы царю Боспора, шедшие на военные цели. Прекращение этих выплат повлекло за собой изменения в монетном деле Евпатора, при котором эмиссии медных монет значительно сокращаются, а процентное содержание золота в статере заметно уменьшается.

Все указанные выше изменения в боспорском монетном деле — яркий пример тому, как внешняя политика римских императоров влияла на ход и развитие монетного дела вассального царства. Но, исходя из этого положения, обыкновенно делают вывод, что все изменения в монетном деле Боспора вызваны изменениями в монетном деле Рима, и даже Зограф был уверен в том, что ухудшение качества боспорской золотой монеты являлось прямым и неизбежным следствием порчи серебряной монеты в Риме⁷⁰. Мы же считаем, что реформа Савромата II была обусловлена изменениями, происшедшими в экономической и политической жизни Боспора, но никак не могла быть вызвана понижением веса римского денария и ухудшением состава его металла, поскольку до сих пор на территории Боспора не найдено кладов римских денариев интересующего нас времени.

Для позднего времени у нас имеются сведения, позволяющие утверждать, что римские монеты не обращались на территории Боспора. Так,

⁶⁹ Н. А. Фролова. Боспор и Рим в конце I — начале II в. н. э. по нумизматическим данным. — ВДИ, 1968, № 2, стр. 133—143.

⁷⁰ А. Н. Зограф. Реформа монетного дела..., стр. 306; К. В. Голенко. Второй Патрэйский клад (1951). — НЭ, 1. М., 1960, стр. 240—241.

К. Голенко, опубликовавший ряд кладов позднебоспорских монет, приходит к выводу, что анализ этих кладов и монет, которые находят при археологических раскопках боспорских городищ, показывает, что римская монета не участвовала в денежном обращении Боспора даже после прекращения выпуска медной монеты ⁷¹.

Вопрос о том, что изменения в монетном деле Боспора связаны с понижением содержания серебра в денарии, отпадает. В то время как в Риме после реформы Нерона денарии превратились в монеты условной стоимости, на Боспоре чеканка золота и меди приобретала широкие размеры. Но, с другой стороны, когда со второй половины правления Траяна (после 107—111 гг.) до момента вступления на престол императора Каракаллы денарии Рима являлись монетами полной металлической ценности ⁷², в монетном деле Боспора проявляется тенденция к понижению золотого содержания в статере и уменьшению веса основного номинала меди — сестерция, при полном отказе от чеканки дупондия. Особенно ярко эта тенденция проявляется в попытке Евпатора провести монетную реформу и в реформе денежного обращения Савромата II. Следовательно, монетное дело Боспора развивалось по своим собственным законам, тесно связанным с внутригосударственной экономической и политической жизнью. Подобная независимость в развитии монетного дела одного из вассальных государств Рима представляет собой исключительное явление в истории древнего мира, что, безусловно, объясняется тем особым положением, которое занимал Боспор в Римской империи.

Для характеристики денежного обращения Боспора важное значение имеют находки монет на территории царства и за его пределами.

Напомним, что территория Боспорского царства в начале I в. н. э. была весьма обширной. В дошедшей до нас надписи говорится, что боспорский царь Аспург властвовал над всем Боспором, Феодосией, синдами, майтами, тарпитами, торетами, пессами и танаитами и подчинил себе скифов и тавров ⁷³. Таким образом, начиная с I в. в состав Боспорского царства входила значительная часть Крыма. Примерно ту же территорию занимал Боспор до конца II — начала III в. н. э., об этом говорят нам надписи царя Савромата II ⁷⁴ и его сына Рискупорида III ⁷⁵, который именовался царем Боспора и тавро-скифов. Надпись 222 г., найденная в Старом Крыму ⁷⁶, свидетельствует о том, что границы Боспора в это время проходили к западу от Старого Крыма ⁷⁷. На этой территории и за ее пределами было найдено несколько кладов золотых и медных монет царей Боспора, свodka которых была составлена Е. Е. Люценко ⁷⁸.

В 1846 г. в Керчи был найден кувшин с монетами Реметалка различных типов ⁷⁹. В 1867 г. на горе Митридат было найдено 96 статеров царей Боспора — Котия II, Реметалка, Евпатора, Савромата II, Рискупорида III и Котия III ⁸⁰. На территории Таманского полуострова на берегу Лабы в станице Усть-Лабинской в 1849 г. было найдено 600 монет Савромата I, Котия II, Реметалка, Евпатора, Савромата II, Рискупорида III и Котия III ⁸¹.

⁷¹ К. В. Голенко. Второй Патрэйский клад (1951).— НЭ, 1. М., 1960, стр. 240.

⁷² S. V o l i n. State and Currency of the Roman Empire to 300 A. D. Stockholm, 1958, стр. 213.

⁷³ КБН, 40-ИРЕ, II, 36.

⁷⁴ КБН, 1237-ИРЕ, II, 423.

⁷⁵ КБН, 1008-ИАК, 63, 1917, стр. 11, № 3; КБН, 50-ИРЕ, II, 42, ср. В. Ф. Г а й д у - к е в и ч. Боспорское царство, стр. 335—336

⁷⁶ КБН, 953-ИРЕ, IV, 194.

⁷⁷ И. Т. К р у г л и к о в а. Боспор в позднеантичное время, стр. 10.

⁷⁸ Е. Е. Л ю ц е н к о. Описание кладов с древними монетами, найденными на Керченском и Таманском полуостровах и частью в Новороссийском крае, стр. 9—53.

⁷⁹ Т а м же, стр. 9.

⁸⁰ Е. Е. Л ю ц е н к о. Указ. соч., стр. 12—13.

⁸¹ Т а м же, стр. 28; А. Н. З о г р а ф. Находки античных монет на Кавказе.— ТОНГЭ, 1. Л., 1945, стр. 52—53, № 2; Е. А. П а х о м о в. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, вып. V. Баку, 1949, стр. 19, № 1366.

В 1852—1953 гг. в районе Анапы было куплено у горцев до 100 монет Савромата I, Котия II, Реметалка, Евпатора, Савромата II и Рискупорида. Общее количество найденных монет осталось неизвестным⁸².

Около 300 боспорских монет, из которых большая часть принадлежала монетам Савромата II с изображениями подвигов Геракла (типа: Бур. ХХХ, 233—238)⁸³, было найдено в 1834 г. в Титаровке на Ахтанизовском лимане в кувшине. При выезде из Керчи на Феодосийскую дорогу в 1863 г. был найден клад из 25 монет царей Котия III, Рискупорида IV и Инифимея⁸⁴.

В 1868 г. на берегу Донца, в нескольких километрах от Гниловского городища, был найден клад боспорских статеров Савромата и Евпатора⁸⁵, содержащий более 200 монет хорошей сохранности. На этом же Гниловском городище в августе 1958 г. С. М. Марковым был найден клад из 32 статеров царей Евпатора, Савромата II и Рискупорида III. Среди них статеров: Евпатора — 7 экз.: 452 г. б. э., 457 г. (2 экз.), 459 г. (3 экз.), 461 г.; Савромата II — 19 экз.: 476 г., 484 г., 486 г., 489 г., 491 г. (3 экз.), 492 г., 493 г. (2 экз.), 494 г. (4 экз.), 495 г. (4 экз.), 496 г.; Рискупорида III — 6 экз.: 508 г. (2 экз.), 510 г., 512 г. (2 экз.), 513 г.

В 1960 г. около Краснобатареинного городища в 3—4 км от хутора Павловского Крымского района Краснодарского края был найден клад золотых боспорских монет в количестве 89 экз.: Савромата I, Котия II, Реметалка и Евпатора. Клад охватывает 118—170 гг. н. э.

Данные находок кладов дают нам ценные сведения о территории распространения и обращения статеров царей Боспора: в нее входили Керченский полуостров, Таманский полуостров, Северный Кавказ и район Нижнего Придонья. Изучение кладов показало, что мы не имеем ни одного случая совместной находки боспорских статеров и римских денариев.

Известный материал дают монетные находки из раскопок городов Боспора и их некрополей — Пантикапея, Мирмекия, Тиритаки, Илурата, Фанагорин, Кеп, Гермонассы, Патрея, а также Танаиса. Они позволяют судить о составе денежного обращения Боспора, о реальном присутствии в денежной массе середины I—II вв. н. э. монет из драгоценных металлов — боспорских статеров и римских денариев. Количество монет, найденных при раскопках боспорских городов и их некрополей, свидетельствует об интенсивности чеканки того или иного правителя.

Так, медных монет Котия I на Боспоре найдено 32 экз. — в Кехах, Фанагории, Гермонассе, Тиритаке, Мирмекии, Илурате, Патрее, Пантикапее и Танаисе⁸⁶.

Монеты Рискупорида II (68/69—93) встречаются не часто — нам

⁸² Е. Е. Люценко. Указ. соч., стр. 29; А. Н. Зограф. Находки античных монет..., стр. 52—53, З. А. Зограф приводит общее число монет — 800 экз.; Е. А. Пахомов. Указ. соч., V, стр. 37.

⁸³ Е. Е. Люценко. Указ. соч., стр. 36, № 7.

⁸⁴ Там же, стр. 10, № 5.

⁸⁵ Е. Е. Люценко. Указ. соч., стр. 53.

⁸⁶ Н. А. Фролова, Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Кеп 1958—1963 гг. — НиС, 2. К., 1965, стр. 168—194, № 38, 68, 170, 188, 337, 348; Д. Б. Шелов. Находки монет в Фанагории в 1947—1957 гг. — НЭ, III. М., 1962, стр. 56—130, № 235, 370, 847, 1110, 1282; Л. Н. Казаманова. Монеты из раскопок Гермонассы в 1955—1956 гг. — НЭ, II. М., 1960, стр. 46—57, № 71—76; А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекии. — МИА, № 4. М.—Л., 1941, стр. 157—172, № 34, 49, 223, 287; е го же. Описание монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекии в 1935—1940 гг. — МИА, № 25. М.—Л., 1952, стр. 363—385, № 8, 2329, 2490, 2682; Л. Н. Белова. Монеты из раскопок Тиритаки, Мирмекии и Илурата в 1946—1953 гг. — МИА, № 85. М.—Л., 1958, стр. 330—352, № 69, 298; К. В. Голенко. Монеты из случайных находок в Патрее (1947—1950). — ВДИ, 1952, № 3, стр. 147, 155, № 55, 57; е го же. Монеты из находок в Патрее. — НиС, 3. К., 1968, стр. 159—162, № 7, 12; К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Пантикапея 1955—1961 гг. — НиС, 1. К., 1963, № 375; Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Танаиса 1955—1964 гг. — НЭ, VI. М., 1966, стр. 66, № 18.

известно всего 14 медных монет⁸⁷. Находки монет этого царя зарегистрированы также за пределами Боспора — в Ольвии, Херсонесе и Армении⁸⁸.

Наибольший процент монетных находок, обнаруженных в результате раскопок, принадлежит монетам Савромата I (93—123). В общей сложности их количество превышает 100 экз.⁸⁹

Особо следует отметить находку в Танаисе статера Савромата I 418 г. б. э.⁹⁰ Медные монеты Савромата I обнаружены в Ольвии, Херсонесе, у подножья горы Аю-Даг и в Армении⁹¹.

Монет Котия II (123—132) на территории Боспора найдено всего 18 экз.⁹², за пределами Боспорского царства они были встречены в Херсонесе, среди случайных находок у Аю-Дага, на Кавказе и, предположительно, в Ольвии⁹³.

Монеты Реметалка встречаются при археологических раскопках гораздо чаще монет предыдущего правителя; всего удалось учесть 39 экз.⁹⁴ За пределами Боспора они были обнаружены в Херсонесе и Грузии⁹⁵.

Среди общего числа монетных находок самое меньшее количество бес-

⁸⁷ К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Указ. соч., № 465, 504, 635, 696; А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Тиритак и Мирмекия, стр. 170, № 211, 216; Л. Н. Казанова. Указ. соч., № 77, 78; Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Танаиса, № 4; А. Н. Зограф. Описание монет, найденных при раскопках Тиритак и Мирмекия, № 2445, 2497, 2525, 2531.

⁸⁸ П. О. Бурачков. Указ. соч., стр. 18; А. Н. Зограф. Монеты из раскопок в Ольвии в 1935—1936 гг.— Ольвия, т. I. Киев — Львов, 1940, стр. 227; П. О. Карышковский. Ольвия и Боспор по нумизматическим данным.— КСОГАМ (1962). Одесса, 1964, стр. 143; е го же. Находки римских монет в Ольвии.— НиС, 2. К., 1965, стр. 60; А. М. Гилевич. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса Таврического.— НиС, 3. К., 1968, стр. 44, № 5; Д. Г. Капанадзе. К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным.— ПИСП. М., 1959, стр. 149, № 3.

⁸⁹ К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Указ. соч., № 26, 124, 128, 329, 347, 366, 367, 424, 450, 457, 458, 486, 487, 496, 505, 547, 577, 633, 645, 653, 728, 729; А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Тиритак и Мирмекия, № 10, 37, 51, 66, 69, 215, 219, 222, 246, 290; е го же. Описание монет, найденных при раскопках Тиритак и Мирмекия, № 122, 147, 241, 2249, 2267, 2281, 2301, 2321, 2401, 2433, 2441, 2504, 2547, 2549, 2550, 2551, 2560, 2625; Д. Б. Шелов. Находки монет в Фанагории, № 172, 208; К. В. Голенко. Монеты из случайных находок в Патрээ, № 59, 60; е го же. Монеты из случайных находок в Патрээ в 1951 г.— НЭ, IV. М., 1963, № 120—121; Н. А. Фролова, Д. Б. Шелов. Указ. соч., № 15, 106, 222, 270, 285, 333, 377, 378, 380; Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Танаиса, № 15, 24, 40, 94, 111; Л. Н. Белова. Указ. соч., № 26, 27; Ю. С. Крушкoл. Находки античных монет в Анапском районе.— НЭ, V. М., 1965, стр. 52, № 36; Л. Н. Казанова. Указ. соч., № 79—80.

⁹⁰ Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Танаиса, № 81.

⁹¹ П. О. Карышковский. Находки римских монет в Ольвии, стр. 60; е го же. Ольвия и Боспор..., стр. 143; А. М. Гилевич. Указ. соч., стр. 44 (5 экз.); К. В. Голенко. Находка монет у подножья горы Аю-Даг.— НЭ, IV. М., 1963, стр. 110—119, № 11—12; Д. Г. Капанадзе. Указ. соч., стр. 149, № 4.

⁹² К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Указ. соч., № 379, 394, 449, 578, 696, 709; Д. Б. Шелов. Находки монет в Фанагории, № 240; Н. А. Фролова, Д. Б. Шелов. Указ. соч., № 49, 267, 268; А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Тиритак и Мирмекия, № 45, 238; е го же. Описание монет, № 2449, 2518, 2572; К. В. Голенко. Монеты из случайных находок в Патрээ, № 60, 61; Л. Н. Белова. Указ. соч., № 59, 81.

⁹³ А. М. Гилевич. Указ. соч., стр. 44, № 7 (4 экз.); К. В. Голенко. Находка монет у подножья горы Аю-Даг, стр. 117, № 13, 14; Д. Г. Капанадзе. Указ. соч., стр. 149, № 5; К. В. Голенко. Денежное обращение Колхиды в римское время. М., 1964, стр. 35, № 49; Verzeichnis altgriechischer und römischer Münzen aus dem Nachlasse des Dr. Phil. P. Becker. Berlin, 1881, стр. 31, № 479.

Монета предположительно отнесена к Котию II.

⁹⁴ К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Указ. соч., № 303, 315, 362—364, 439, 446, 731; А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Тиритак и Мирмекия, № 42, 43, 61, 64, 130; е го же. Описание монет, № 156, 173, 2273, 2280, 2363, 2546, 2548, 2558, 2586, 2654; Л. Н. Белова. Указ. соч., № 91, 305; К. В. Голенко. Монеты из случайных находок в Патрээ, № 63—66; Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Танаиса, № 84, 86, 96, 97, 104; Ю. С. Крушкoл. Указ. соч., № 37; Н. А. Фролова, Д. Б. Шелов. Указ. соч., № 255, 256; И. Т. Кругликова. Монеты из поселения у дер. Семеновка.— НЭ, IV, стр. 124, № 103; Д. Б. Шелов. Находки монет в Фанагории, № 398

⁹⁵ А. М. Гилевич. Указ. соч., № 8; К. В. Голенко. Находка монет у подножья горы Аю-Даг, № 16; Д. Г. Капанадзе. Указ. соч., № 6.

спорно принадлежит боспорскому царю Евпатору (154—170). На территории Боспора обнаружены всего четыре монеты этого царя⁹⁶, за его пределами они не встречены. Такое ограниченное количество медных монет Евпатора среди прочих монетных находок объясняется резким сокращением медных эмиссий на Боспоре, которое было вызвано зарождающимся в это время кризисом в денежном обращении государства.

Монет Савромата II найдено 33 экз. — 31 медная и два статера⁹⁷. В значительно большем количестве, чем монеты предыдущих правителей, они встречаются при раскопках Херсонеса (9 экз.), единичные монеты найдены в Ольвии и на Северном Кавказе⁹⁸.

Монет Рискупорида III обнаружено 70 экз. (в том числе два статера)⁹⁹. Известны находки четырех его статеров на Кавказе, в Херсонесе найдено семь медных монет¹⁰⁰.

Значительно реже встречаются как статеры, так и медные монеты Котия III¹⁰¹. За пределами Боспора монеты Котия III найдены только в Херсонесе¹⁰².

Столь же немногочисленны и монеты Савромата III, разделившего власть над Боспором с Котием III в 229—231 гг.¹⁰³, которые были обнаружены также в Тбилиси и Ольвии¹⁰⁴.

Уменьшение числа находок монет двух последних царей ярко свидетельствуют об ослаблении темпа монетной чеканки на Боспоре.

Единичные находки боспорских монет в Херсонесе, в Ольвии и на Кавказе позволяют прийти к выводу, что на указанной территории монеты Боспора не обращались. Единичные находки иноземных монет могут свидетельствовать о существовании различного рода связей между Боспорским государством и этими городами, а также об интенсивности и продолжительности этих связей¹⁰⁵. На существование экономических и торговых связей Боспора с другими городами Северного Причерноморья указывают и находки

⁹⁶ Д. Б. Шелов. Находки монет в Фанагории, № 510, 1014; А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Тиритак и Мирмекия, № 60.

⁹⁷ К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Указ. соч., № 544, 743; Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Танаиса, № 2, 10, 27, 31, 41—43, 62, 73, 95, 135; Л. Н. Казаманова. Указ. соч., № 82—84; Д. Б. Шелов. Находки монет в Фанагории, № 12, 184, 509, 1283; Н. А. Фролова, Д. Б. Шелов. Указ. соч., № 63, 83, 157; А. Н. Зограф. Описание монет, № 2278, 2279, 2589; е го же. Монеты из раскопок Тиритак и Мирмекия, № 67; Л. Н. Белова. Указ. соч., № 9, 15, 193, 289, 291, 302.

⁹⁸ А. М. Гилевич. Указ. соч., № 9; П. О. Карышковский. Находки римских монет в Ольвии, стр. 60 (2 экз.); Б. Луни. Археологические раскопки 1935—1936 гг. в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа.— ВДИ, 1939, № 3, стр. 210—214; К. В. Голенко. Денежное обращение Колхиды, стр. 35.

⁹⁹ К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Указ. соч., № 127, 219; Д. Б. Шелов. Находки монет в Фанагории, № 777; А. Н. Зограф. Монеты из раскопок Тиритак и Мирмекия, № 40, 46, 189; е го же. Описание монет, № 1, 2293, 2298, 2299, 2339, 2469, 2477; Л. Н. Белова. Указ. соч., № 2, 24, 191, 192, 298; Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Танаиса, № 5, 12, 21, 25, 29, 37, 38, 46, 49, 52, 57, 61, 68, 71, 72, 74—77, 80, 82, 87, 92, 93, 100, 110, 118, 119, 139—141; Н. А. Фролова, Д. Б. Шелов. Указ. соч., № 137, 148, 155, 171, 209, 260, 264, 296; И. Т. Кругликова. Указ. соч., № 104, 109, 114, 127, 142, 146, 148, 150; Л. Н. Казаманова. Указ. соч., № 85, 86; К. В. Голенко. Монеты из случайных находок в Патрзе, № 67, 68; е го же. Монеты из случайных находок в Патрзе в 1951 г., № 125.

¹⁰⁰ Д. Г. Капанадзе. Указ. соч., № 7, 8; Б. Луни. Указ. соч., № 213; А. М. Гилевич. Указ. соч., № 11.

¹⁰¹ Д. Б. Шелов. Монеты из раскопок Танаиса, № 63; К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Указ. соч., № 373; Л. Н. Белова. Указ. соч., № 95, 296; И. Т. Кругликова. Указ. соч., № 139; Д. Б. Шелов. Находки монет в Фанагории, № 1, 152, 736; Н. А. Фролова, Д. Б. Шелов. Указ. соч., № 315.

¹⁰² А. М. Гилевич. Указ. соч., № 12.

¹⁰³ И. Т. Кругликова. Указ. соч., № 113, 119; К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Указ. соч., № 374; Д. Б. Шелов. Находки монет в Фанагории, № 653; А. Н. Зограф. Описание монет, № 20, 159.

¹⁰⁴ Д. Г. Капанадзе. Указ. соч., № 9; П. О. Карышковский. Находки монет Римской империи в Ольвии, стр. 60, прим. 48.

¹⁰⁵ В. А. Анохин. Монетное дело Херсонеса, стр. 51; П. О. Карышковский. Ольвия и Боспор, стр. 143—145

на его территории монет Тиры 193—211 гг. н. э.¹⁰⁶, а связи Боспора с кавказским побережьем прослеживаются вплоть до второй половины III в. н. э.¹⁰⁷ При посредничестве Танаиса в торговый обмен были вовлечены в римское время не только кочевые племена и оседлое земледельческое население Придонья, но и алано-сарматские кочевые племена Нижнего Поволжья. От Боспора через приволжские и каспийско-приаральские степи проходил торговый путь на Восток. В более позднее время по этой дороге осуществлялась связь и со Средней Азией¹⁰⁸.

Иногородных монет, найденных на Боспоре, немного. Обнаруженная в Пантикапее монета Гераклеи Понтийской¹⁰⁹ свидетельствует о связях и о важном значении торговых отношений Боспора с городами Малой Азии. Это подтверждают и многочисленные посвятельные надписи, поставленные жителями этих городов в честь боспорских царей¹¹⁰. При раскопках И. Т. Кругликовой в с. Ново-Отрадное была найдена большая бронзовая монета Адриана, чеканенная в Александрии Египетской¹¹¹.

Во времени Антонина Пия относится и одна провинциальная монета, происходящая из раскопок Пантикапея¹¹². Возможно, что этим же временем следует датировать и клад каппадокийских тетрадрахм, найденных на Кавказе около станицы Адагумской¹¹³.

Таким образом, используя материалы находок кладов на территории Боспора и сопоставляя их с результатами систематизации монетных находок, полученных в результате археологических работ, мы приходим к выводу, что основную массу денежного обращения Боспора составляли золотые и медные монеты. Боспорская медь выполняла функции разменной монеты, а функции средства обращения и меры стоимости принадлежали только золотым царским статерам. В отличие от Херсонеса, где обращение римских денариев подтверждается целым рядом нумизматических и эпиграфических данных¹¹⁴, отсутствие римских денариев в денежном обращении Боспора не подлежит сомнению. Мы не можем согласиться с предположением А. Зографа о возможном участии в денежном обращении Боспора римского серебра¹¹⁵, поскольку до сих пор на всей территории Боспора не найдено ни одного клада римских монет, нет их и среди кладов царских статоров, а денарии, встречающиеся в культурных слоях боспорских городов, настолько редки, что делать на основании этих находок вывод об участии их в денежном обращении Боспора нельзя. На тех же основаниях мы вынуждены отрицать участие в денежном обращении Боспорского царства и провинциального римского серебра.

Итак, несмотря на зависимость Боспора от Рима, который назначал царей на боспорский престол (Страбон, VII, 4, 7) и осуществлял контроль над его золотой чеканкой, монетное дело Боспора было подчинено в целом законам своего государства, отражало финансово-экономическую политику каждого боспорского правителя и, по всей видимости, не зависело от общего хода развития монетного дела Рима и всех происходящих в нем изменений.

¹⁰⁶ Л. Н. Казамаanova. Указ. соч., № 100.

¹⁰⁷ Д. Г. Капанадзе. Указ. соч., стр. 150.

¹⁰⁸ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское государство, стр. 374, прим. 43.

¹⁰⁹ К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Указ. соч., стр. 25, № 438, табл. VI.

¹¹⁰ С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. М.—Л., 1953, стр. 153, сноска 2. Дает перечень эпиграфических памятников, свидетельствующих о связях Боспора с южным и западным Причерноморьем; ср.: М. И. Максимова. Античные города юго-восточного Причерноморья. М.—Л., 1956, стр. 350—352.

¹¹¹ В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР, стр. 65, № 614; И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время, стр. 193.

¹¹² К. В. Голенко, Д. Б. Шелов. Указ. соч., № 444.

¹¹³ Е. Е. Люценко. Указ. соч., стр. 30, № 5, ср.: В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР, стр. 39, № 1.

¹¹⁴ В. А. Анохин. Монетное дело Херсонеса в I—III вв. н. э., стр. 50.

¹¹⁵ А. Н. Зограф. Реформа денежного обращения, стр. 288; е го же. Античные монеты..., стр. 200, 203, 206.

НАКАНУНЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

И. Г. СПАССКИЙ

(Ленинград)

Русские монеты X—XI вв. — драгоценные памятники истории русского, украинского и белорусского народов. Трудно переоценить значение этих старейших реликвий русской государственности в самых разных аспектах исторического познания. По сравнению с возникавшей в тот же период и примерно в равных условиях начальной чеканкой других государств средневековой Европы первые монеты Руси представляют едва ли не единственное в своем роде явление, настолько ясно звучит в них идея суверенности молодой славянской державы, поднявшейся на берегах Днепра. Идейная нагрузка как будто превалирует над непосредственными экономическими побуждениями к созданию этих монет.

Целая галерея древнейших русских портретов, сохранившихся на этих монетах, таит в себе интереснейшие проблемы художественного творчества Руси X—XI вв., а огромное собрание древних надписей на монетах тем ценнее, что одно и то же речение повторяется в них сотни раз, почти полностью охватывая при этом весь состав азбуки. Исследователя денежного обращения эти монеты обогащают в самых различных отношениях; подобно радиоактивным изотопам, примешиваясь к кладам иноземной монеты, они помогают фиксировать движение масс монетного металла на Руси и уход его за рубежи. Очень своеобразно перекрещиваются в них очевидные влияния византийской и куфической монеты — одна дает образ, вторая форму. Интересную проблему представляет металл сребреников, в подавляющем большинстве медных, а не серебряных монет. Не удивительно, что со времени появления первых экземпляров этих монет интерес к ним не угасал.

В то же время ни один раздел русской нумизматики не осваивался ею в такой длительной борьбе мнений, как монеты древней Руси. В сомнениях и спорах рождалось признание этих монет русскими, а решение вопросов конкретной атрибуции, следовательно, датировки монетных типов и установления длительности чеканки в целом и тому подобное, стало уделом нескольких поколений ученых, создававших все более надежную методику исследования.

В 90-х годах XVIII в. в Киеве в течение десятка лет объявлялись одна за другой ранее никому неведомые, разные, но близкие друг другу две древние монеты с написанным по-русски именем Владимира — золотая и серебряная. Тогда же стала известна в московской коллекции А. И. Мусина-Пушкина серебряная монета с изображением св. Георгия на одной стороне и великолепно выписанной надписью «Ярославле серебро» вокруг непонятной фигуры на другой. Владелец монеты утверждал, что и она найдена в Киеве в 1792 г.

Казалось бы, чего проще было увидеть в этих находках монеты древнерусского государства! Однако перелом в пользу такого «простого» решения произошел лишь в середине XIX в., а в конце XVIII — оно было совсем не ко двору тогдашней исторической науке, так как противоречило только что сложившейся теории об удивительных кожаных деньгах древней Руси, которая будто бы до конца XIV в. о металлической монете и понятия не имела.

Во второй половине XVIII в. лучшая нумизматическая коллекция России — собрание Кунсткамеры Академии наук — давала довольно полное представление о прошлом денег послемонгольской Руси начиная с последней четверти XIV в. Рукописные копии составленного в 60-х годах XVIII в. каталога этой коллекции несколько десятков лет служили единственным научным руководством по истории денег на Руси. Историки XVIII в. один за

другим склонялись к мысли, что ранее названного рубежа в русской нумизматике простиралась безрадостная пустыня. При этом вырисовывалась как будто вполне определенная картина появления первых русских монет: наиболее старые из них с мешаниной русских и татарских надписей, а то и с одними татарскими, примыкая к собственно татарским монетам, выглядели как бы их порождением. Высказывалось даже убеждение, что и чеканка монеты на Руси началась не по своей воле, а по принуждению татар.

Очень уклончивая в части сколько-нибудь конкретных характеристик своего главного предмета теория кожаных денег видела их то кожными, то меховыми: в натуре их никто не знал. Кожу, должно быть, резали на кусочки и штемпелевали; пушнина могла обращаться не так в целом, как в виде никуда не годных лоскутов — мордочек, ушек и т. п. Свои утверждения эта теория обосновывала безапелляционным толкованием письменных источников. Летописи раскрывали широкую картину существовавшей с глубокой древности развитой счетно-денежной терминологии с разнообразными счетными и платежными единицами — гривнами кун и гривнами серебра, кунами, ногатами и резанами, мордками и лобцами и т. п. Элементарнейшее словотолкование находило для себя материал повсюду.

Серебряные гривны-слитки, только-только становившиеся тогда известными по счастливо сохранившимся от уничтожения находкам, легко «вписывались» в творимую картину. Время для внедрения этой странной теории в сознание образованной части общества конца XVIII — начала XIX в. было самым подходящим: древние кожаные деньги так легко было представить себе по аналогии с появившимися в 1769 г. и безропотно принятыми рынком ассигнациями — бумажными деньгами! Самим создателям теории в их житейской практике то и дело приходилось уточнять, как производится платеж: «серебром» или «ассигнациями». Между теми и другими складывались определенные гибкие и изменчивые соотношения. Почему же не могло точно так же обстоять дело когда-то с гривнами серебра и гривнами кун?

Как последние пережитки кожаных денег выглядели в XVIII — начале XIX в. упоминаемые документами сравнительно недавнего прошлого «кожаные жеребья» — суррогаты денег конца XVII в. Простое объяснение «очевидного» противоречия между данными письменных источников и будто бы полным отсутствием материальных памятников монетного обращения и предлагало учение о кожаных деньгах¹.

Что касается древних иноземных монет — будь то арабские или византийские, средневековые западные X—XII вв. или более поздние, вплоть до татарских, — представленные в той же Кунсткамере исключительно материалом русских находок, то осмысления последнего обстоятельства тогда даже в самом зачаточном состоянии еще не существовало. Находки кладов представлялись делом не поддающегося объяснению случая. Татарские монеты могли быть только монетами татар, арабские — арабов, и ничего более!

В начале XIX в. теория кожаных денег была утверждена писательским талантом и громадным научным авторитетом Н. М. Карамзина. Спокойно и доходчиво он разъяснял, что «казна от времени до времени выпускала новую кожаную монету, т. е. с новым клеймом»². Не вспоминались ли при этом читателям устраивавшиеся по воле Павла I торжественные сожжения перед сенатом груд обетшавших ассигнаций? Упомянув о ставшей ему известной находке клада серебряных «рублей» (новгородских полтин), историк объяснял, что, зная цену серебру, «предки наши еще довольствовались вместо денег лоскутами кожными или кунами»³.

¹ И. Г. С п а с с к и й. Очерки по истории русской нумизматики. — «Нумизматический сборник» (Труды ГИМ, т. XXV). М., 1955, стр. 91—108.

² Н. М. К а р а м з и н. История государства Российского, т. I. СПб., 1816, прим. 524.

³ Н. М. К а р а м з и н. История государства Российского, т. IV. СПб., 1817, прим. 250.

Следует отметить, что именно Карамзин в том самом году, когда последнее высказывание было опубликовано, познакомившись с киевскими золотой и серебряной монетами Владимира, высказал уверенность в их подлинности и принадлежности России и лишь затруднялся решить, какому Владимиру следует приписать эти монеты или «медали»⁴, но его книги — для домашнего чтения и школы — долго продолжали рассказывать о кожаных деньгах древней Руси.

Ставшие привычными названия «златник» и «сребреник» не подлинны: они лишь подобраны в лексике летописей, а последние никак не отметили появление первых русских монет в конце X в. Этот исторический факт установила нумизматика только на основе своего материала и методики, но далось ей это открытие не легко и завершилось не скоро. Если бы дело заключалось только в установлении факта! Требовалось не только расшатать доверие к «кожаным деньгам» и опровергнуть общепринятую историческую концепцию отечественных ученых, но одновременно и заполнять обнажавшуюся пустоту там, где мерещился прежде древнерусский «ассигнационный банк».

Чтобы ощутить прямую связь с экономикой Руси IX—XII вв. огромной массы чужеземного монетного серебра, захороненного на просторах нашей страны в виде кладов, и увидеть полное соответствие этого материала данным письменных источников, то есть узнать в нем древнерусские платежные средства, оказалось чрезвычайно полезным и даже необходимым проникнуться сперва уверенностью в существовании, хотя бы самом кратковременном, собственных древних монет — более древних, чем «русско-татарские»!

Борьба мнений о спорных монетах, количество которых в первой половине XIX в. понемногу возрастало, протекала более в общении и переписке ученых и любителей древностей, чем в печати. Библиография вопроса для первых десятилетий после его возникновения очень скромна. Но у сторонников русской принадлежности монет Владимира и Ярослава к тому времени, когда в их руках оказался такой довод, как знаменитый Нежинский клад сребреников в 1852 г., незаметно для них самих возник прочный «тыл», созданный успехами русской ориенталистики. Исследования Х. Д. Френа и его учеников, посвященные находкам арабских монет на территории России, сами собой вели к признанию очень раннего рождения на Руси потребности в монете-серебре для собственного обращения и тем самым полной вероятности и возможности попыток в определенный момент создать собственную монету.

Не удивительно, что среди киевских коллекционеров ранее всего сложилось убеждение в принадлежности киевским князьям замечательных монет. Две из них длительное время оставались в Киеве, третья (монета Ярослава) находилась в Москве у А. И. Мусина-Пушкина. О ней знали понаслышке, да по самым кратким упоминаниям в печати, и не было никаких оснований сомневаться в правильности утверждения владельца монеты о том, что она была найдена тоже в Киеве среди привесок к иконе в какой-то церкви. Лишь значительно позже в «Ярославлем серебре» пришлось признать новгородскую чеканку. Повторные находки неизменно указывали на север, да и по фактурным признакам оно имело мало общего с киевскими монетами (см. табл., 2).

В настоящее время имеются и некоторые другие основания сомневаться в правильности сведений об обстоятельствах, времени и месте находки этой монеты. Дата «1792» не сходится с утверждением о том, что Мусин-Пушкин получил свой сребреник от графа Г. И. Головкина, которому кто-то прислал его из Киева: Головкин умер пятью годами ранее указанной даты!⁵ К тому же

⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. II. СПб., 1816, прим. 56

⁵ К. Калайдович. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собраниях российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. — «Записки и труды Общества истории и древностей российских», часть II, отд. 2-е. М., стр. 7—10; П. Дологов. Российская родословная книга, ч. VI. СПб., 1857, стр. 362.

Древнерусские монеты:

1 — златник Г. Ф. Бунге — М. В. Могилянского (зарисовка 1820-х годов со слепка); 2 — «Ярославле серебро»; 3—6 — сребреники Владимира четырех типов; 7 — сребреник Святополка; 8, 9 — сребреники с именем «Петр», двух типов; 10 — златник Пинского клада 1804 г.

недостоверность коллекционерских легенд о происхождении принадлежащих им памятников, не исключая и выдающиеся по редкости монеты — факт, хорошо известный исследователям, а сомнительность такого рода утверждений, исходивших именно от Мусина-Пушкина, — такой же факт⁶.

В конце XVIII — первой половине XIX в. в среде киевских ученых и любителей нумизматики естественно складывались настроения ожидания и готовности к новым находкам. Это сыграло свою роль в так счастливо сложившейся судьбе Нежинского клада. Имя Владимир, стоявшее на двух «киевских» монетах, чаще всего раскрывалось там как Владимир Святославич. Но Н. М. Карамзин, ранее всего познакомившийся с «Ярославлем серебром»,

⁶ Л. А. Дмитриев. История открытия рукописи «Слово о полку Игореве». — В сб.: Слово о полку Игореве — памятник XII века. М.—Л., 1962, стр. 406 и след.

высказал предположение, что «может быть, Ярослав первый (то есть — первым. — И. С.) хотел иметь собственные серебряные деньги»⁷. Если Ярослав — зачинатель русской чеканки, то серебряные монеты и златник с именем Владимира скорее всего достаются Мономаху, тем более, что к его времени относится известное упоминание летописи о разбрасывании сребреников при перенесении мощей Бориса и Глеба (1115 г.). Кроме того, такой известный древний источник, как «Слово о полку Игореве», дважды упоминает «русское золото» — в одном случае, как видно, монетное: оно звенит в ожерельях «готских дев».

Сведения о киевских находках гораздо более достоверны. В ноябре 1796 г. киевский ученый аптекарь Г. Ф. Бунге случайно увидел и купил золотую монету с именем Владимира у загулявшего, как видно, на радостях козака корпуса пеших стрелков, распущенного по домам после двухлетней муштры. Призыв в корпус производился с Черниговщины, Киевщины и Полтавщины⁸. Г. Бунге даже выяснил, что монету новобранцу подарила на прощанье его мать. Несмотря на предложения из Петербурга и Москвы, монета прочно осела в Киеве и стала местной достопримечательностью. По слепкам и рисункам, по переписке и неопределенным упоминаниям в печати многие узнали о ней еще до опубликования ее с изображением в 1816 г.⁹ В том же году она перешла к другому киевскому коллекционеру М. В. Могиланскому. Он вскоре поехал с нею в Петербург, и там с первым златником и с подобной же серебряной монетой познакомился Н. М. Карамзин (табл., 1).

Еще до приобретения златника Могиланский перекупил у киевского любителя древностей купца В. Прянишниковца серебряную монету Владимира отличной сохранности, незадолго до того найденную на крестьянском огороде в Борисполе, близ Киева. На ее лицевой стороне, как и на златнике, изображен князь, сидящий на троне, но на другой изображена непонятная фигура, подобная находящейся на монете Ярослава. Эта же фигура присутствует и на златнике, но там она изображена в миниатюре над плечом князя. Златник недолго тешил тщеславие нового владельца, в 1821 г. он потерял его. К счастью, монета Могиланского уже давно не была уникальным экземпляром, только мало кто знал об этом. Еще в 1805 г. только что назначенный в Эрмитаж хранителем русских монет Ф. И. Круг очень туманно высказался за принадлежность к Руси нескольких золотых монет, находившихся в Эрмитаже среди византийских¹⁰. Однако Эрмитаж тогда был настолько недоступен, что слова Круга для читателей его книги на многие годы остались загадкой; а имел он в виду четыре златника Владимира, донныне находящиеся в Эрмитаже вместе с тремя, прибавившимися позже.

Исследование записей в старейшем каталоге римских и византийских монет, начатом в XVIII в. и законченном в начале XIX в., позволило установить, что этих монет тогда еще не было в Эрмитаже. С 1804 г. уже велась книга поступлений и первая же ее запись зафиксировала доставку из Пинска клада золотых византийских монет: в нее записали только 12, нужных для коллекции, а восемь были отделены как «дублеты» уже имевшихся, или же как вторые экземпляры самого клада. Учета дублетов тогда еще не существовало, но в 1838 г. по случаю смерти хранителя Е. Е. Келера была составлена полная опись золотых монет. Помечая в ней все, что прошло по книге поступлений с 1805 до 1838 г., автору удалось выявить пополнение 1804 г. и датировать Пинский клад по младшим монетам серединой XI в. (табл., 10).

Среди отделенных в 1804 г. «лишних» монет могли быть не только византийские, но и русские, если они были тех же четырех пар штемпелей,

⁷ Н. М. Карамзин. Указ. соч., прим. 56.

⁸ ПСЗ 1830 г., т. XXIII, № 17 200; т. XXIV, № 17 566.

⁹ А. Воейков. О найденных древних русских монетах. — «Вестник Европы», 1816, ч. 87, стр. 316; «Вестник Европы», 1816, ч. 88, стр. 242.

¹⁰ F. K r u g . Zur Münzkunde Russlands. SPb., 1805, 51; (Ф. К р у г . Критические замечания о древних русских монетах. СПб., 1807, стр. 64).

которыми чеканены четыре оставленных в музее златника. По условиям тогдашнего хранения они могли уйти из музея в петербургские частные коллекции. Действительно, в 1822 г. у двух известных коллекционеров столицы Я. Я. Рейхеля и Н. П. Румянцева почти одновременно появились и вскоре приобрели широкую известность два златника Владимира. Оба чеканены одной и той же парой штемпелей, представленной и одним из эрмитажных экземпляров. Наиболее вероятно, что они происходили из «дублетов» Пинского клада 1804 г.

Вслед за тем еще один петербургский коллекционер стал в 1823 г. обладателем сребренника Владимира, несколько отличавшегося по типу от бориспольского экземпляра, но с такой же «загадочной фигурой» на оборотной стороне. Было известно, что монета найдена в Ростовской губернии, и теперь нетрудно догадаться, что ее нашли на Цымлянском городище, где издавна копались местные жители, добывая для своих надобностей великолепный кирпич из остатков стен древнего Саркела — Белой Вежи (в Новочеркасском музее находится второй цымлянский сребренник, добытый при раскопках конца XIX в.).

«Загадочный знак» монет в течение многих лет задавал массу забот его истолкователям: чего только в нем не открывали! Забыв, как он поставлен над плечом князя на златниках, вертели его так и этак и видели в нем то якорь, то паникадило, то предмет вооружения вроде алебарды, то трехбашенный портал храма, то шатер, то птицу и т. п. Уверенность в наличии в нем некоего сюжета сохранялась очень долго.

В 1838 г. в разрытой могиле близ г. Юрьева (Тарту) нашли второй экземпляр «Ярославля серебра», доставшийся С. Г. Строганову, известному любителю древностей. Каждая новая находка, получая известность, увеличивала число сторонников признания спорных монет русскими. «Пропандистами» этих монет вскоре стали чрезвычайно активные в те годы московские и петербургские торговцы древностями, наводнявшие антикварный рынок подделками древних монет: публикация 1816 г. дала им образцы для репродуцирования. В 40-х годах XIX в. пошли в ход и гальваноконии.

Разоблачение подделок было на руку скептикам, которых было тоже немало. Чем большее распространение получало «заблуждение умов» относительно древнерусских монет, тем им казалось более необходимым положить ему конец. Случай представился после выхода в 1836 и 1837 гг. обзорной книги по русской нумизматике на французском и русском языках С. де Шодуара. Он упомянул в ней все известные ему экземпляры спорных монет, изложив существующие мнения о них, но кроме монет Владимира и Ярослава в книгу попала еще одна новинка — монета Святослава¹¹.

В 1828—1829 гг. в Петербурге появились завезенные из Болгарии серебряные болгарские монеты царя Святослава (1296—1323) со славянскими надписями. Кое-кто сгоряча поспешил объявить их русскими, поэтому не обошли их вниманием и фабриканты подделок. Один из самых восторженных и бестолковых адептов русских монет Г. И. Лисенко (1784—1842)¹² заказал граверу таблицу с такой новоприобретенной подделки, приписав последнюю черниговскому князю Святославу Ярославичу. С таким определением она вошла и в книгу Шодуара.

Начиная с 1840 г. одна за другой выходили публикации Я. Я. Рейхеля, считавшегося в Петербурге крупнейшим авторитетом в области европейской нумизматики, одного из учредителей Археолого-нумизматического общества и владельца богатейшей коллекции, не уступавшей во многом эрмитажной (в ней был златник). Принадлежность Руси спорных монет опровергалась Рейхелем походя, как нечто само собою разумеющееся.

¹¹ S. de Chaudoir. Aperçu sur les monnaies russes et sur les monnaies étrangères qui ont en cours en Russie, vol. I. Paris, 1836. С. де Шодуар. Собрание изображений. СПб., 1837.

¹² См.: И. Г. Спасский. Указ. соч., 87—91.

В 1849 г. в статье о монетах южных славян, возвращая Болгарии ее Святослава, Рейхель не удержался от соблазна «сбыть» на Балканы и Владимира и приписал его монеты какому-то малоизвестному сербскому правителю¹³.

Помещенная в одном томе со статьей Рейхеля, статья ориенталиста П. С. Савельева, доказывавшего возможность существования собственной монеты древней Руси¹⁴, очень проигрывала из-за упоминания о злосчастной монете Святослава. Но торжество Рейхеля было недолгим. Прошло только два года, и в печати замелькали сообщения о находке близ Нежина большого клада древнерусских серебряных монет с различными именами. Довод о случайном заносе в Россию немногих отдельных южнославянских монет отпадал, а уже место находки говорило само за себя: сразу же вспоминались летописные Уненеж и Нежати́на нива.

В мае 1852 г. сын государственного крестьянина Сергей Бо́рис пахал в полуверсте от северной окраины Нежина, с. Магерки. Лемех раздавил горшок, в борозду посыпались монеты. Собрав около 170 шт., подросток отнес их отцу. На другой день выбрали из земли еще три десятка. О находке заговорили; ближайшее начальство — волостной писарь — потребовало монеты себе, и началась их распродажа. Но слух не миновал и лицей князя Безбородко, несколько монет оказались у проф. М. А. Тулова. Понимая важность находки, он немедленно известил о ней управление учебного округа в Киеве.

До учреждения в 1859 г. Археологической комиссии забота о находимых на государственных землях кладах лежала на министерстве народного просвещения. Через него они должны были доставляться в Академию наук, поэтому учебным округам это дело было хорошо знакомо. Присланные образцы монет произвели в Киеве такое впечатление, что в Нежин за кладом поскакал сам помощник попечителя М. В. Юзефович, захвативший с собой и хранителя университетского минцкабинета проф. Я. Я. Волошинского.

Нежин всполошился. Городничий Плиханов, немедленно уведомив о прибытии гостей черниговского губернатора П. И. Гессе, привел в действие полицию. Оставшиеся у писаря монеты перешли к Юзефовичу, но тем временем губернатор потребовал свою долю. Он поджидал ее так же, как в Киеве ждал Юзефовича с монетами генерал-губернатор Д. Г. Бибиков: оба уже знали, что осенью Киев посетит царь, следовательно, не минует и Чернигов. Возможность поднести ему русские древности для только что открытого в торжественной обстановке нового здания Эрмитажа представлялась очень удачной.

Принялись за клиентов писаря. Совсем немногим, самым почтенным гражданам удалось сохранить для себя по монетке-другой. Юзефович увез до сотни монет; 31 он отдал в минцкабинет Волошинскому, получил свою долю Бибиков. В Киев шли письма с просьбами из Петербурга и Москвы, и мало кому можно было отказать. После всех раздач у Юзефовича в специально заказанной укладочке остались 43 заповедных монеты. На министерство и Академию наук он, как видно, махнул рукой! Городничему удалось собрать для губернатора 25 сребреников. Гессе поскорее отослал их в Харьков профессору университета А. И. Зернину для составления «ученого описания», а из Нежина тем временем дослали еще несколько, но к проезду царя монеты и описание в Чернигов не успели. В Киеве же Николай I принял от Бибикова пять монет и велел отослать в Эрмитаж, где они присоединились к четырем златникам и были записаны в каталог как русские монеты. При-

¹³ Собрание русских медалей, изданное по высочайшему повелению Археологической комиссией. СПб., 1840, стр. V; Я. Р е й х е л ь. Монеты западных славян. — В кн.: Записки С.-Петербургского археолого-нумизматического общества, т. I. СПб., 1849; Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg, bd. IX, 1843, № 159; bd. I, 1842, стр. 1.

¹⁴ П. С. С а в е л ь е в. Примечание о славянских монетах с именами Владимира, Святослава и Ярослава. — В кн.: Записки С.-Петербургского археолого-нумизматического общества, т. I.

сылка вслед за тем 28 монет из Чернигова уже большого впечатления не произвела.

В Нежине по следам Юзефовича прошел еще один искатель — киевский антиквар-торговец Должиков. Тайком он добыл с десяток монет: его записка, предлагающая кому-то шесть нежинских сребреников по 100 руб. за штуку, хранится в Эрмитаже вместе с рукописью и прорисовками монет Зернина и многими другими упоминаемыми ниже документами рукописного собрания нумизматической библиотеки. Еще чуть позже приезжал в Нежин по поручению С. Г. Строганова его подчиненный граф Д. М. Толстой. В письме шефу он сообщил, что с великим трудом добыл только восемь монет: все начисто подобрал Юзефович. Поиски на ниве Бориса ничего не дали — даже ни одного черепка от брошенного там сосуда отыскать не удалось.

Интерес Строганова к кладу диктовался не только коллекционерской страстью. По-видимому, у него уже была даже не одна нежинская монета: ведь он был коллегой киевского попечителя, только гораздо более влиятельным. Попечитель московского округа и председатель Общества истории и древностей при Московском университете (а несколькими годами позже — председатель Археологической комиссии), С. Строганов имел собственное мнение о древнерусских монетах и как раз накануне находки Нежинского клада отдал в печать свою статью о них¹⁵. Вернуть ее уже было невозможно. Строганов вполне серьезно считал себя особо ответственным за судьбы отечественной археологии и нумизматики и сурово относился ко всякого рода непредусмотренному начальством «самоуправству» по этой части¹⁶. Находка клада была явно несвоевременна.

Уже в конце 1852 г. Я. Я. Волошинский, изучив все собранные в Нежине Юзефовичем монеты, закончил описание 31 сребреника минцкабинета. Клад содержал, прежде всего, многие ранее неизвестные разновидности, причем появились «загадочные знаки», каких раньше не знали, — с неодинаковыми отрогами. Статья с литографированными по рисункам Г. Шнейдера таблицами вышла в 1853 г. во втором томе «Трудов комиссии... для описания губерний Киевского учебного округа»¹⁷, оказавшемся, к сожалению, и последним. Деятельно участвовавший в этом издании Юзефович рассчитывал продолжить там же публикацию всех остальных собранных им монет. Об этом свидетельствуют подготовленные Г. Шнейдером еще шесть таблиц того же формата: они охватывают все сребреники Юзефовича и Бибикова, включая даже предназначавшиеся царю и разосланные разным лицам.

Правильно разделив монеты на типы, Я. Волошинский предположительно приписал их пяти князьям. Два с наиболее достоверным чтением имени Владимира он отдавал Владимиру Святославичу и Мономаху. На монетах нового типа с ранее неизвестным асимметричным знаком читалось имя Святополк, Волошинский видел в нем Святополка Окаянного. Раз уже было известно «Ярославле сребро», да еще найденное будто бы в Киеве (экземпляр Мусина-Пушкина), отсутствие в кладе монет Ярослава представлялось невозможным; ему отдавался еще один тип с особенно неразборчивыми надписями. Наконец, последний, со знаком, подобным святополкову, предлагалось приписать Юрию Долгорукому. Я. Волошинскому принадлежало очень ценное наблюдение: одна монета оказалась перечеканенной из другой, иного типа. Этот вполне объективный систематизационный признак, умноженный впоследствии новыми находками, в дальнейшем сослужил очень важную службу (табл., 4—9).

¹⁵ И. М. Снегирев и С. Г. Строганов. «Ярославле сребро». — В кн.: Древности Российского государства, издаваемые по высочайшему повелению, отдел V, М., 1853, стр. 89—90.

¹⁶ Н. И. Веселовский. История имп. Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования, 1846—1896. СПб., 1900, стр. 289.

¹⁷ Я. Волошинский. Описание древних русских монет, принадлежащих минцкабинету университета св. Владимира из числа найденных близ Нежина в мае месяце 1852 г. — В сб.: Труды комиссии, высочайше учрежденной при имп. университете св. Владимира для описания губерний киевского учебного округа, т. II. К., 1853, и отд. издание.

Я. Рейхель умер в 1856 г., так и не высказавшись, но С. Строганов очеркал свой экземпляр книги Я. Волошинского самыми ядовитыми вопросительными и восклицательными знаками! Ведь в его статье утверждалось, что как серебро Святослава, так и золото и серебро Владимира «ученой критикою давно уже отнесены к ряду, принадлежащему царям болгарским», а далее доказывалось, что Карамзин был неправ, признавая начинателем чеканки киевского Ярослава Владимировича: «не зная ни болгарского, ни сербского царя Ярослава, невольно останавливаемся на Ярославе Владимировиче Галицком Осмомысле 1153—1183. Как союзник Мануила, сестра которого (так! — И. С.) вышла за императора греческого Алексия, он имел близкое сношение с Византиею и чеканка греческих монет того времени могла служить образцом для галицких...». «Ярославле серебро», считал Строганов, и было ближе всего к византийским монетам XII в.

В Эрмитаже хранится датированная 1854 г. рукопись С. Строганова, заглавие которой показывает, в каком виде предполагалось публиковать этот отклик на исследование Я. Волошинского — в «модной» тогда форме письма к собрату-ученому: «Письмо графа С. Г. Строганова к О. М. Бодянскому, г-ну профессору Московского университета...». В декабре 1850 г. сам Строганов получил от Бодянского такое же «письмо» — «О древних русских и славянских монетах», написанное, вероятно, в надежде на зависевшее от Строганова опубликование, но надолго оставшееся в рукописи¹⁸. Ответ на него Строганова неизвестен. О чем же писал Бодянский?

Сам он определял свою статью как замечания на «Монеты южных славян» Рейхеля и на нескольких страницах вскрыл необоснованность отнесения «Владиминова злата» к западнославянской чеканке, но за этим шла сокрушительная критика статьи П. С. Савельева и, вообще, любых высказываний о принадлежности России спорных монет — всех, без исключения! «Ярославле серебро», по его убеждению, было корнем зла и «первообразом» всей плеяды зловередных подделок. «Целых полвека потрачено столькими учеными и любителями нумизматики русской, чтобы только доказать подлинность злата и серебра наших первых христианских великих князей, и вот, в то самое время, когда, казалось, дело было покончено навсегда, является скептик с своими сомнениями. Так, я не только не верю подлинности злата и серебра Владимира, но доказываю подлог того и другого»¹⁹. Коллекционерам, начиная с Могилянского, а более всего Мусину-Пушкину, предъявляются обвинения в недобросовестности, как, впрочем и современникам — «А., Ш. и З.». «В подобных обстоятельствах гораздо отраднее быть неверным Фомой, чем доверчивым Еремой!» — заключает Бодянский.

На обертке рукописи Строганова приписано в 1856 г.: «остається в полной силе». Автор идет в ней дальше, чем в поспешной публикации 1853 г. «Ярославле серебро» — уже без прежних оговорок — монета Ярослава Осмомысла, однако реабилитированы злато и даже серебро Владимира: их, оказывается, чеканил сын Осмомысла, Владимир Ярославич! Только они оба, испытавшие на себе благодетельное влияние высокой культуры Западной Европы и Византии, и были способны обзавестись собственной монетой, однако из серебра Владимиру принадлежит единственно бориспольский сребреник! Как видно, и идеи Бодянского попали на добрую почву: Нежинский клад Строганов признавать не желает и «закрывает» его, объявляя все его монеты очевидными подделками! Вполне в ученой манере, осмеянной Гоголем в «Мертвых душах», он вскрывает его загадку: клад состоит совсем не из монет, а содержит «медали» или «жетоны», наготовленные, как это принято у униатов и католиков, «при торжестве обретения мощей равноапостольного князя в 1636 году митрополитом Могилой...». Однако, может быть, «жетоны» являются даже попросту подделками того времени киевских «искусных

¹⁸ Письмо О. М. Бодянского к графу Сергию Григорьевичу Строганову о древних русских и славянских монетах. Сообщил А. А. Титов. ЧОИДР, 1885, кн. I, и отд. издание.

¹⁹ Там же, отд. издание, стр. 29.

промышленников», чтобы выдавать их за реликвии, «найденные близ Десятинной церкви...»*.

Именно в 1856 г., возвращаясь с войны из Крыма, С. Строганов и сам побывал в Нежине. Знатный гость, разумеется, посетил лицей. М. А. Тулова там уже не было: в 1853 г. М. Юзефовича повысили в должности, назначив попечителем округа, а М. Тулова сделали его помощником. Граф не преминул поделиться своими идеями с «ученой братьей». Это видно из адресованного ему письма от присутствовавшего на собеседовании инспектора лицея Ф. С. Морачевского, который, отчитываясь о выполнении поручения графа, вступил с ним в спор. «К чему было прятать жетоны или медали, ... для чего нужно было собрать их столько одному лицу?»

Поручение касалось изготовления оттиска с монеты, принадлежавшей нежинскому аптекарю Отто Цигре. Последний, узнав о заинтересованности С. Строганова в его монете, письменно сделал ему тонкое предложение: если граф разрешит, монету незамедлительно доставит ему корнет Адольф Цигра, давно мечтающий «хотя единый шаг службы сделать под руководством г. графа...». С. Строганов сохранил письмо и протирку монеты — благодаря чему она опознается в теперешней коллекции Эрмитажа. А Цигра-младший так и не сделал шага, о котором мечтал, и до смерти остался в своем скромном чине²⁰.

Для Нежина памятью о нарушивших его покой событиях остались, в конце концов, лишь три сребреника, записанные в 1855 г. в каталог милицейского кабинета лицея²¹, да еще, может быть, название Нежатинская, присвоенное тихой улице, ведущей от городского вала к Широкой улице, к Нежин-озеру. На старых планах и в описаниях города до середины XIX вв. оно еще отсутствует.

В 1852 г. из двухсот монет клада достоянием музеев стала едва третья часть их, но почти все остальное надолго закрепилось в сравнительно немногих руках, почти избегнув дальнейшего движения из коллекции в коллекцию. Больше половины монет вскоре же после находки было зафиксировано хорошими рисунками или протирками, благодаря чему первоначальный состав клада надежно восстанавливается почти полностью²².

После Нежинского клада новый монетный материал в течение четверти века почти не прибывал, зато среди считанных новинок впервые появился сребреник небывалого вида: композиция обеих его сторон была ближе всего к златникам, только исполнение значительно грубее. Как и на златнике, здесь одну сторону занимает изображение князя со значком над плечом, другую — изображение Пантократора (табл., 3). Самым важным было в этот период открытие двух первых кладов иноземных монет (западноевропейских денариев), включавших как примесь древнерусские — в Ленчице (Польша) и в Шваане (Мекленбург)²³. Общая датировка сокрытия кладов первой половиной XI в., естественно, распространяется и на примесь. Однако в ближайшие годы после опубликования Нежинского клада общие вопросы древ-

* С. Г. Строганов был очень чувствителен к подделкам; многие годы вокруг него кормился целый рой поставщиков подделок, пока Рейхель не открыл ему глаза на собранные им фальсификаты. Теперь они составляют основу эрмитажной коллекции подделок.

²⁰ Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко, изд. 2-е, исправленное и дополненное, отд. 2-е. СПб., стр. CLIX.

²¹ И. И. Козловский. Отчет о состоянии коллекций института кн. Безбородко к 1 января 1918 г.— «Известия Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине», т. XXXII. Нежин, 1918, стр. 16.

Нумизматическая коллекция была подарена лицейю одним из его попечителей и пополнялась на месте. В 30-х годах XX в., после того как в ней похозяйничали взломщики, была передана в Лаврский музей, но до воровства некоторые особо ценные монеты находились уже в государственном хранилище. В послевоенные годы они опознаны автором этих строк и в настоящее время находятся в Эрмитаже.

²² М. П. Сотникова. Нежинский клад сребреников 1852 г. Реконструкция состава.— НиС, 4, 1971.

²³ А. А. Ильин. Топография кладов древних русских монет X—XI вв. и монет удельного периода.— «Труды Нумизматической комиссии ГАИМК», вып. V, 1925

нерусской чеканки обсуждались в лучшем случае походя, в связи с нелепой дискуссией, завязавшейся вокруг найденной в Швеции монеты первого экземпляра, так называемого скандинавского подражания «Ярославу серебру». Недавно перебравшийся в Петербург берлинский нумизмат Б. Кене на этой монете вычитал имя и титул Олега. Отчаянно защищая свое немедленно опубликованное «открытие», он вовлек в обсуждение многих русских и иностранных авторов, а грубые выпады адресовал хранителю минцкабинета А. А. Кунику²⁴.

В одной из статей Кене, печатавшихся в его берлинском журнале, впервые было высказано мнение о чеканке «Ярослава серебра» в Новгороде, хотя в следующей публикации она приписывалась Киеву²⁵. Одна из этих статей была ответом на уже знакомое нам «письмо» С. Строганова: дополненное критикой версии о «монете Олега», оно, наконец, нашло адресата²⁶. Кене деликатно изложил свои сомнения в правильности атрибуций графа, отметив, что приписываемый им Владимиру Галицкому сребреник из бывшей коллекции Лисенко кажется ему подделкой. Выпущенное в 1860 г. фундаментальное исследование А. А. Куника было посвящено в основном «Ярославу серебру»²⁷, другие типы древнерусских монет рассматривались в нем очень слабо.

Вопрос о древнерусских монетах был окончательно разрешен в монографии И. И. Толстого (1858—1916)²⁸. В течение нескольких лет при помощи своего наставника в нумизматике Х. Х. Гиля он собрал грандиозную коллекцию сребреников, превосходившую оба тогдашних музейных собрания, вместе взятых. Учитывая вынужденные обмены, на которые иной раз приходилось идти ради получения более интересного экземпляра, в коллекции И. Толстого перебивало до 80 монет. Основу толстовского собрания составили в 1877 г. 43 сребреника М. Юзефовича. Потерпев неудачу с публикацией их в Киеве, он хранил их 20 лет, не расставшись ни с одним.

Выход в свет монографии не остановил собирателя — он продолжал скупать где возможно древнерусские монеты. Через год после его смерти эта нумизматическая коллекция древнерусских монет в августе 1917 г. была передана в дар Эрмитажу сыном собирателя И. И. Толстым (1880—1954)²⁹.

Убедившись в серьезности намерений юного И. Толстого — в 1877 г. ему было 19 лет, — А. А. Куник оказал ему всемерную поддержку в занятиях. К четырем десяткам сребреников и златников Эрмитажа прибавились выписанные на время все монеты Киевского университета. Монеты представляли И. Толстому и некоторые коллекционеры. Так, известный польский нумизмат К. Стрончинский прислал сребреник Ленчицкого клада, златник прислал одесский коллекционер Н. Н. Мурзакевич, впоследствии подаривший эту монету Одесскому музею; охотно помогал И. Толстому в приобретении монет своей коллекции киевлянин С. В. Бодилевский. (В 1904 г. он подарил свои монеты Киевскому музею.)

Допустил И. Толстого к своим сребреникам и С. Строганов, собравший к тому времени не меньше дюжины их.

Около 150 древнерусских монет, серебряных и золотых, были собраны в один свод, сравнены, исследованы и опубликованы. В ходе работы Толстой

²⁴ Ст. Владимиров [В. В. Стасов]. Научный скандал.— «Русский вестник», т. 27, 1860, стр. 46—50.

²⁵ В. в. К ö h n e. Die ältesten Münzen Russlands.— ZMSW. Berlin, 1859—1862, стр. 249—256; В. d e К o e h n e. Réponse à S. E. M. le Comte Stroganoff, sur sa lettre concernant les plus anciennes monnaies russes.— Там же, стр. 301—304.

²⁶ Comte Serge Stroganoff. Lettre à Monsieur le Conseiller d'État B. de Koehne sur les plus anciennes monnaies russes.— ZMSW, стр. 204—207.

²⁷ А. К у н и к. О русско-византийских монетах Ярослава Владимировича с изображением св. Георгия Победоносца. СПб., 1860.

²⁸ И. И. Т о л с т о й. Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПб., 1882.

²⁹ И. Г. С п а с с к и й. Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики.— НЭ, VIII, 1970, стр. 197—200.

встречался с разного рода непредвиденными обстоятельствами, следствием чего и были несколько «Дополнений», прибавлявшихся к уже печатавшейся книге. Наиболее крупной неожиданностью, тем более приятной, что она подтверждала его концепцию, было появление в поле его зрения (не ранее 1877—1878 гг.) сребреников Киевского клада 1876 г. Он состоял только из монет с Пантократором на оборотной стороне; ни одной «нежинской» не было.

Судьба найденного в Киеве клада была менее счастливой, чем Нежинского. Из его монет, которых, как считают, было около 120, не уцелело и половины³⁰. Завернутый в вышитую древнюю ткань, сразу же брошенную за ненадобностью, скипевшийся ком монет нашли землекопы, срывавшие косягор в одном дворе на Вознесенском спуске. Часть монет искрошили, пытаясь выламывать их из кома. Невежественный владелец монет не сразу сообразил, какое ему привалило счастье, а монеты тем временем растаскивали, чуть ли не для переплавки, и запоздавшим любителям нумизматики мало что осталось... С. В. Бодилевский помог И. И. Толстому приобрести несколько монет.

Состав обоих кладов вместе представлял всю кратковременную чеканку Киева конца X — начала XI в. в серебре. Открытая И. И. Толстым перечеканка «киевского» раннего сребреника в более поздний указывала последовательность смены типов, ставя на более раннее место монеты с Пантократором. В свою очередь, последние по композиции, несомненно, соответствуют типу златников, следовательно, они-то и занимают место в самом начале серии киевских монет. При этом первый тип сребреника отличается от всех последующих еще и особым соотношением осей композиции штемпелей (♯): видимо, был какой-то перерыв в чеканке до выпуска следующих трех типов с именем Владимира (2-й, 3-й и 4-й — ††). Их последовательность четко определяется перечеканками.

Как и Я. Я. Волошинский, И. И. Толстой не представлял себе киевскую чеканку без монет Ярослава, «Ярославле серебро» с первым мусинпушкинским экземпляром представлялось и ему киевской монетой. Не придавая значения особенностям формы «загадочных знаков», он приписал Ярославу две разновидности сребреников, имеющих знак того же типа, что и на монетах Святополка, хорошо представленных в Нежинском кладе, но с размещенными по-особому непонятными легендами у портрета. И. Толстой предлагал чтение обеих как по-разному искаженное имя «Георгий». Признавая киевскую чеканку Ярослава, он все же ограничивал ее 1017 г. Единство и предельная собранность во времени и в пространстве всех изучаемых монет были вполне очевидны для исследователя — в отличие от его критиков.

Задача, стоявшая перед И. Толстым, понятна сегодняшнему читателю, но, судя по критическим выступлениям, плохо усваивалась современниками, жаждавшими кистины в последней инстанции». До окончательных решений требовалось объединить весь известный монетный материал, собрать полную библиографию вопроса, отсеять случайное, сопоставить главные точки зрения по основным вопросам и обсудить наиболее перспективную методику исследования, достойную значения темы, наметив таким образом пути дальнейшей разработки. Уже почти сто лет монография Толстого «Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского» успешно выполняет эту задачу. Первый отклик в печати на книгу Толстого принадлежал С. Строганову. Датированная 6 марта 1882 г. его статья сопровождается примечанием редактора журнала о настоятельном желании покойного автора напечатать ее именно в «Zeitschrift für Numismatik»: подписав статью, С. Строганов прожил еще только две недели и умер 22 марта в возрасте 87 лет. Мертвый хватает живого! Он оставался целиком во власти вопросов, волновавших его в 1853 г., и был очень задет равнодушием И. Толстого к его мнениям и советам. Вникнуть в концепцию автора он был не в состоянии; в его представлении слова и мысли Толстого перемешивались с давно забытыми вы-

³⁰ М. П. Сотникова. Сребреники Киевского клада 1876 г.— НиС, 3, 1968.

сказываниями Волошинского и Куника. Задачей рецензента оставалось доказать, что вывод Толстого о византийской иконографической основе композиции изученных монет «не выдерживает критики», и, таким образом, разоблачить поддельность нежинских «жетонов». В качестве иллюстраций в статье неизвестно зачем повторялись рисунки к «письму», адресованному му Кене — изображения подлинной и поддельной монет ³¹.

В том же томе журнала находится и краткий ответ Толстого ³². Корректно, пункт за пунктом он разобрал высказывания оппонента, отмечая его погрешности и так же кратко перечислил свои доказательства подлинности и принадлежности древней Руси изученных монет. Но критика Строганова имела для Толстого гораздо большее значение, чем могло бы казаться: с того времени он полностью переключился на глубокое исследование византийской нумизматики.

Самым слабым звеном атрибуции Толстого было отнесение двух типов сребреников к чеканке Ярослава. С них начинали все критики — киевляне Н. П. Чернев и Н. И. Петров, а позже и хранитель московского Исторического музея А. В. Орешников. Петров читал на одной разновидности имя Димитрий ³³, Чернев, по крайней мере на одной, — Петр. Критика последнего имела «любительский» характер, особенно он недоумевал по поводу обращения И. Толстого к материалу кладов смешанного состава и приемов их датировки. Исходя из своеобразно понимаемого «топографического метода», киевские сребреники он отдавал Владимиру Мономаху, а нежинские — черниговскому князю Владимиру Давидовичу (1139—1151) ³⁴. Спорили и о том, кто изображен на монетах — князь или святой.

Через одиннадцать лет, посвященных углубленным занятиям византийской нумизматикой, Толстой вернулся к вопросу о роли византийской монетной иконографии в свободном, «не рабском» создании монетного типа киевскими резчиками штемпелей ³⁵. Особое внимание он уделил на этот раз прототипу златника: он видел его в номисме Василия II и Константина VIII (976—1025). Здесь зависимость от византийского типа была наиболее очевидна, тогда как общий тип сребреников в значительной мере был уже созданием русских монетчиков. Этот же взгляд Толстой кратко сформулировал еще в 1886 г. в докладе на VI Археологическом съезде ³⁶.

Опубликовав в 1893 г. еще несколько новых монет, к общим вопросам древнерусской чеканки он больше не возвращался. Как ни восставали оппоненты против его классификации древнерусских монет, она оставалась единственно возможной, и им ничего не оставалось, как пользоваться ею, подставляя в нее угодные им имена.

Еще одной приятной неожиданностью, встретившейся И. И. Толстому «под занавес», стал быстрый прирост числа златников Владимира. Не считая потерю М. В. Могилянского, в течение долгого времени их было известно только шесть. Выше все они упоминались: к четырем эрмитажным «пинским» златникам в 1858 г. прибавился пятый, купленный со всей коллекцией запальных монет у наследников Я. Я. Рейхеля, а шестой, подаренный Н. П. Румянцевым Ф. И. Кругу, во времена И. И. Толстого находился уже в коллекции Академии наук (он вернулся в Эрмитаж только в 1931 г.). Вопросом об их происхождении И. И. Толстой, по-видимому, не занимался, но в 1882 г. сверх шести названных он опубликовал еще два, появившихся только что. С. В. Бодилевский купил златник в Киеве у базарного простака-торговца

³¹ Comte Serge Stroganoff. Le trésor de Néjin.— ZfN, X. Berlin, 1883.

³² Graf Iwan Tolstoj. Der Münzfund von Njeschin.— ZfN, X. Berlin, 1883.

³³ Н. И. Петров. Монеты великого князя киевского Изяслава Ярославича (1059—1078).— Труды IX Археологического съезда в Вильно, т. I. Вильно, 1894.

³⁴ Н. П. Чернев. Заметки о древнейших русских монетах.— «Вестник истории и археологии», вып. VI. СПб., 1888.

³⁵ И. И. Толстой. О древнейших русских монетах X—XI вв.— «Записки имп. Русского археологического общества», т. VI. СПб., 1893.

³⁶ И. И. Толстой. Знамя первых наших христианских великих князей.— Труды VI Археологического съезда в Одессе, т. I. Одесса, 1886, стр. 268.

за ничтожную цену в 1878 г. Второй, как уже указывалось, прислал одесский коллекционер Н. Н. Мурзакевич без каких-либо сведений о происхождении, но эта присылка и связанная с нею переписка влекут за собою много нового.

В статье 1893 г. И. И. Толстой публикует еще два новых златника. Один — его собственный экземпляр, «приобретенный покупкой в Одессе», второй — великого князя Георгия Михайловича (эта монета теперь принадлежит Государственному историческому музею). Хорошо известно, что покупки монет для И. И. Толстого и князя систематически осуществлял Х. Х. Гиль. Учитывая еще и местожительство Н. Мурзакевича, можно не сомневаться, что обе монеты были куплены в Одессе, вероятно, одновременно — в 1886 г. — и скорее всего за одинаковую цену — 1300 руб., как это известно относительно златника великого князя³⁷. Нить к разгадке подозрительного скопления златников в Одессе дает письмо Н. Мурзакевича А. Кунику от 3 февраля 1881 г. В нем сообщается, что златник был куплен «в 1863 г. с двумя золотыми византийскими за 16 рублей». Возможность ошибки в дате исключается упоминанием о предложении С. Строганова, поменять эту монету на другие в 1865 г., когда Н. Мурзакевич приезжал в Петербург³⁸. Сопутствовавшие златнику византийские монеты делают несомненным приобретение монет из первых рук, у находчика клада, открытого где-то в Причерноморье и расхвачанного коллекционерами и торговцами-антикварами: с последними уже и пришлось иметь дело петербургским знатым коллекционерам.

Подобно пинской находке, это был клад золотых византийских монет, в котором находилось и несколько русских златников. Ряд соображений убеждает, что это мог быть лишь известный по литературе золотой клад первой половины XI в. с берегов реки Конки, недалеко от Кинбурна, миновавший Археологическую комиссию и ставший достоянием местных причерноморских коллекционеров. П. О. Бурачков, завладевший несколькими десятками монет этого клада, упоминает о нем в своей статье, а в ранее составленном им же списке кладов Новороссии изложены и обстоятельства находки и распродажи монет клада группой пастухов³⁹. Письмо Н. Мурзакевича называет точную дату находки — 1863 г., а одинаковая датировка обоих кладов соответствует датировке златников И. И. Толстым.

О происхождении и возможной принадлежности к Кинбурнскому кладу златника, оказавшегося в 1878 г. на киевском базаре, можно лишь гадать. Может быть он, как исключение, происходит даже из Киевского клада сребреников 1876 г.? Золото и серебро редко смешиваются в кладах, но полностью исключить такую возможность нельзя. Предположение же о вторичном приобретении потерянной в Киеве монеты Могилянского отпадает: сохранный рисунками форма ее кружка совсем иная.

Разброд мнений и поиски комбинаций имен для заполнения созданной И. И. Толстым классификации монетных типов затянулись надолго. Вскоре после статьи И. И. Толстого 1893 г. губернский статистик из Вятки П. М. Сорокин обратился к опубликованной в монографии 1882 г. догадке А. Куника о смысле «загадочных фигур» (...«нужно бы исследовать, не представляет ли она собою семейное знамя, фамильный знак...»)⁴⁰. Основываясь на непосредственном наблюдении народного быта вотяков, П. Сорокин предполагал, что знаки, сохранные древнерусскими монетами, являются знаками соб-

³⁷ ЦГИАЛ, ф. 530, оп. 1, № 93 («Сведения о суммах, затраченных на приобретение монет», 1903).

³⁸ Архив АН СССР, ф. 95, оп. 2, № 615, л. 10.

³⁹ П. О. Бурачков. О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах, ему принадлежащих. — ЗООИД, т. IX, 1875 (статья датирована 1873 г.); Архив ЛОИА, ф. 28, 1880, № 22, л. 48; В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. — «Археология СССР. Свод археологических источников», вып. Е4—4. М., 1962, клады № 158 (Запорожская обл.) на р. Конке и № 467 (Херсонская обл.). — один и тот же. Составитель топографии не заметил приписку Е. Люценко на последней странице списка кладов, называющую автора части списка — П. О. Бурачкова.

⁴⁰ И. И. Толстой. Древнейшие русские монеты..., стр. 185.

ственности и могут подчиняться тем же правилам изменения при наследовании, что и знаки вотяков ⁴¹.

Идея П. Сорокина на многие годы захватила А. Орешникова, увидевшего в ней средство опровергнуть классификацию и атрибуции И. И. Толстого. «Если будет доказано, что это родовые знаки, то едва ли можно будет оставить принятую до сих пор классификацию в том виде, как она есть, т. е. разделяющую все известные монеты между троими князьями..», писал он в 1896 г., здесь же объясняя, чем именно не удовлетворяет его И. И. Толстой: «Допустив, что татарское иго приостановило на некоторое время развитие русской жизни во всех ее проявлениях, в том числе и чеканку русской монеты, рождается, однако, вопрос, почему же между Ярославом, последним князем, по принятой классификации чеканившим монеты, и временем нашествия татар внезапно прекращается выпуск монеты, хотя в этом промежутке времени было немало князей, которые могли продолжить начатую уже чеканку собственной монеты» ⁴².

А. Орешников первым обратился к собиранию и исследованию материала по княжеским знакам на разных предметах — керамике, кирпичах, памятниках прикладного искусства, печатях, положив начало обширной литературе этого вопроса, но невольно сужал эту проблему, имея в виду чисто нумизматические задачи и опровержение концепции идейного противника. С большим одобрением он отзывался о критике И. И. Толстого Н. Петровым и Н. Черневым и расхваливал «топографический метод» последнего, но решения вопросов классификации в удобном ему духе ожидал лишь от исследования родовых знаков ⁴³.

И. И. Толстой умер в 1916 г., и в следующем же году А. В. Орешников опубликовал статью, содержащую несколько пристрастную критику, для которой характерно не так рассмотрение и оценка значения сделанного, как перечисление того, что, по его мнению, надлежало бы сделать Толстому (вплоть до изучения арабских монет!), да иногда нарочитое непонимание довольно ясных высказываний Толстого. Прямые же претензии сводятся к тому, что «отнесение гр. Толстым монет к Владимиру Святому, Святополку Окаянному не доказательно и в то же время непонятно, так как преемникам Ярослава, его сыновьям Изяславу, Святославу, Всеволоду и сыну последнего Владимиру Мономаху гр. Толстой не счел возможным относить монеты, объясняя это беспорядочной эпохой нашей истории, начавшейся вслед за смертью Ярослава. На самом же деле падение и обеднение Киевской земли началось с половины XII в...». ⁴⁴

Свою мечту доказать несостоятельность классификации И. И. Толстого А. Орешников вынашивал многие годы. Хранящаяся в Эрмитаже его переписка 1920-х годов с А. А. Ильиным демонстрирует почти болезненную неприязнь к Толстому и его систематизационным идеям. В 1927 г. появилась статья хранителя европейских монет отдела нумизматики Эрмитажа Н. П. Бауера, разделявшего и углублявшего взгляды Толстого. В частности, он для обоснования датировок привлекал ставшие известными после Толстого многие новые клады со сребрениками, находившимися среди иноземных монет, и развивал методику их датировки. Для А. Орешникова в Н. Бауере оживал старый идейный противник, что вполне очевидно при чтении его рецензии на эту статью. Снова в ней упоминаются родовые знаки и возлагаемые на них надежды ⁴⁵.

⁴¹ А. В. Орешников. Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах.— «Археологические известия и заметки», № 10. М., 1894.

⁴² А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 года. Российский исторический музей. Описание памятников. М., 1896, стр. IX.

⁴³ Там же, стр. 2.

⁴⁴ А. В. Орешников. Задачи русской нумизматики древнейшего периода.— ИТУАК, № 54, 1917. Симферополь, стр. 14—15 (отд. оттиск).

⁴⁵ Н. П. Бауер. Древнерусский чекан конца X и начала XI в.— «Известия ГАИМК, т. V, 1927. Рецензия А. В. Орешникова в «Seminarium Kondakovianum», II. Прага, 1928, стр. 365—366.

В 1930 г. в «Известиях Академии наук» по представлению академика С. А. Жебелева была помещена статья А. Орешникова «Классификация древнейших русских монет по родовым знакам». Сопоставляя разновидности знаков на монетах, а отчасти и на других предметах, автор стремился обосновать единую линию усматриваемого им развития знаков в роду Рюриковичей, исходя из того, что самый ранний из них находится на Новгородском «Ярославлем серебре»⁴⁶. Классификация выглядела следующим образом: в Киеве чеканку начинает Изяслав-Дмитрий Ярославич (1054—1078, один из типов сребреников Ярослава по Толстому, приписанный Изяславу Н. И. Петровым). Сын Изяслава Ярополк-Петр в 1077—1078 гг. чеканит свои монеты в Вышгороде или для Вышгорода (второй тип сребреника Ярослава по Толстому, чтение имени «Петр» предложено Черневым). В Киеве после Изяслава чеканку продолжает Святополк-Михаил Изяславич (1093—1112, монеты Святополка Окаянного по Толстому). Между тем, для черниговского княжения Владимира Мономаха (1078—1094) чеканились «на Киевском монетном дворе» златники и сребреники, а с 1094 по 1113 г. сребреники нового типа уже для Переяславского княжения, и в 1113 г. тип их снова меняется по случаю перемещения Владимира в Киев. Последовательность типов сребреников Владимира определяется выявленными И. И. Толстым перечеканками, начинающимися с монет с изображением Пантократора.

Судя по упоминавшейся переписке, А. Орешников болезненно переживал осторожное отношение к его классификации тех, от кого ожидал признания, — Н. П. Лихачева, А. А. Ильина. Второй более по мягкости, чем по убеждению, готов был согласиться с какими-либо частностями, чтобы примирить обе классификации, а для А. Орешникова это как раз и было доказательством неприятия «станового хребта» его теории, что еще пуще раздражало его. Может быть, он и сам иногда гнал от себя мысль, что в его построении не все выглядит так стройно, как хотелось бы.

Логика развития знака, в какой-то момент получившего уточняющее определение «знака Рюриковичей», довольно нескладно накладывалась на комбинацию подобранных по имени князей. Внешние данные монет заставили пойти на признание единого «Киевского монетного двора», выполняющего заказы разных князей. От вклада единомышленников — Н. Петрова и Н. Чернева мало что оставалось: как ни расхваливал А. Орешников «топографический метод» последнего, а пришлось вывернуть его показания наизнанку — «киевские» сребреники отдать в Чернигов, «черниговские» отнять у Владимира Давидовича и определить в Переяславль и в Киев. Только и оставалось, что рассуждения о непознаваемости кладов. Но после 1925 г. одна за другой появлялись работы Р. Р. Фасмера, делавшие все более очевидной удивительную «анатомию» кладов, и неприятие их датирующего значения начинало выглядеть как-то странно. Наконец, нельзя было не понимать, что И. И. Толстой был виднейшим специалистом России по византийской нумизматике, поэтому «по-строгановски» отмахиваться от его положений в этой части было не просто.

А. Орешников умер в 1933 г. Последняя его работа издана посмертно⁴⁷. Рукопись помечена 1932 г., но едва ли она вполне удовлетворяла его — недоработки в ней ощутимы. Снова он «отчитывает» за «идеализм» Куника, Толстого и Бауера: ему представлялось нелепым усматривать какую-либо связь между введением христианской религии и началом монетной чеканки в ряде государств Европы — это чистая случайность, только экономические побуждения могут стоять за нею. Достается и А. А. Ильину — за то, что он определяет принадлежность монет «по чувству».

Некоторое время могло казаться, что признание теории А. Орешникова пришло после его смерти: сочувственное предисловие к книге 1936 г., ча-

⁴⁶ А. В. Орешников. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. — «Известия АН СССР» (отделение гуманитарных наук), 1930, № 3.

⁴⁷ А. В. Орешников. Денежные знаки домонгольской Руси. — «Труды ГИМ», вып. VI. М., 1936.

стичное признание Б. А. Рыбаковым атрибуций монет (Владимира Мономаха) и логики стилистического развития «знаков Рюриковичей»⁴⁸, молчание А. А. Ильина и Н. П. Бауера... Но в послевоенные годы концепция Толстого — Бауера была изложена в весьма авторитетном издании⁴⁹, и сомнения и споры стали уделом нового поколения ученых.

Опубликованная в 1956 г. диссертация В. Л. Янина отвергала возможность каких-либо компромиссных решений. Принимая атрибуции И. И. Толстого с теми поправками, которые были внесены не так продолжателями, как самим ходом времени, В. Л. Янин заметил: «Более правильным является отождествление Петра (имя, которое можно читать на обеих разновидностях «монет Ярослава» — И. С.) со Святополком, так как княжеские знаки... последнего принципиально — по своей схеме — не отличаются от знаков на монетах Петра. Различия между ними носят чисто орнаментальный характер и выражены не более ярко, чем различия между вариантами знаков на монетах Владимира»⁵⁰.

Рождался интерес к технологическому аспекту памятников нумизматики⁵¹, и в подходе к ним А. Орешникова становилось явным выискивание принципиальной значимости там, где в действительности имел место не связываемый ничем, кроме меры умения, «произвол» монетчика. Определенную растерянность демонстрировали работы Н. Д. Мец. Ее статья 1960 г. оставалась в кругу вопросов, волновавших когда-то Чернева и Петрова: кто и как изображался на монетах — без серьезного учета реальных образительных возможностей монетчика. В оценке значения деталей знаков Н. Мец оставалась на позициях А. Орешникова, воспринимая крест у Святополка, якорь (?) — Петра и полумесяц — «Димитрия», как «дифференцы» античных монет. Высказыванию Янина она противопоставляла сомнительное суждение о якобы существовавшем постоянстве соотношений языческих имен с крестильными. Однако и для Н. Мец уже было неприемлемым отношение А. Орешникова к кладам. Она видела в них закономерное явление древней экономики, поддающееся достаточно точным датировкам. Как выход из противоречий Н. Мец предлагала считать чеканку Владимира и его сыновей одновременной, но и для этого требовалось найти еще одного — Петра⁵².

Во второй статье Н. Мец признала невозможным относить спорные типы сребреников к чеканке Изяслава и Ярополка, но продолжала спор с В. Яниным, настаивая на «принципиальном значении» деталей, по которым различаются княжеские знаки Святополка и обоих спорных типов⁵³.

В. Янин вернулся к вопросу о знаке Святополка в одной из последних работ — монографии об актовых печатах древней Руси. Исключительность раздела, посвященного печатам архаической традиции, заключается в том, что атрибуция и описание печатей тесно переплетаются с рассмотрением в определенном аспекте монет. По наблюдению В. Янина, печати «обнаруживают большую близость к синхронным им монетным типам, которые, в сущности, представляют собою своеобразную сферу применения княжеского штемпеля... Близость булл архаической традиции типу раннего русского чекана ведет к взаимному подтверждению обеих групп этих памятников... Это сходство лишний раз подтверждает и правильность принятой сейчас даты чеканки древнейших русских монет»⁵⁴.

⁴⁸ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.— СА, вып. VI, 1940.

⁴⁹ Б. А. Романов. Деньги и денежное обращение.— В кн.: История культуры древней Руси, т. I. М.— Л., 1948.

⁵⁰ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

⁵¹ Анализ технических данных в нумизматике.— КСИИМК, вып. 39, 1951.

⁵² Н. Д. Мец. Сребреники из с. Митьковки.— СА, 1960, № 1.

⁵³ Н. Д. Мец. Неизданные сребреники Государственного исторического музея.— НИС, 1, 1963.

⁵⁴ В. Л. Янин. Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. I. Печати X — начала XIII в. М., 1970, стр. 34—41.

В этой связи можно отметить — именно с точки зрения канона древнерусской печати — быструю и радикальную перестройку композиционной схемы первоначального монетного типа: присутствующий сперва только в антураже княжеского портрета знак уходит на другую сторону и занимает ее всю, устранив изображение божества. При этом может, пожалуй, не случайно, что если на златниках и на сребрениках первого типа нимб окружает только голову Пантократора, то при изменении композиции монетного типа он переходит на лицевую и охватывает голову князя. В средневековом искусстве роль нимба была иной, чем позже. Наличие нимба на монетном портрете могло бы подсказывать догадку о раздвоении смысла: и изображение князя, и образ его патрона. Однако и детали изображений, и совершенно конкретный смысл легенд делают сомнительным такое толкование. Не стоит ли за этим лишь традиция печати, требовавшая изображения святого, точно так же, как именно вислая печать (которой противопоставлено «прокинутое» соотношение осей композиции ее сторон), побудила отказаться от прежней постановки штемпелей в щипцах и перейти на прямую?

Касааясь возражений Н. Мец, В. Янин приводит высказывание А. Орешникова, который признавал, что «резчики родовых знаков (на штемпелях — И. С.) не наблюдали строго за точностью рисунка знака, а варьировали по своему усмотрению в нижней его части» (последняя оговорка понятна: для Орешникова знаки Святополка, Димитрия и Петра различаются лишь по деталям верхней части!). В. Янин доказывает, что как раз основной абрис знака в целом и является определяющим, а не декоративные детали, а, кроме того, знак Святополка, существенно отличный от знака Владимира и вытекающего из последнего знака Ярослава, «базируется на иной основе — знаке Ярополка Святославича»⁵⁵. Уже одно это делает беспочвенными поиски владельцев для вариантов «с дифферентами».

Таким образом, сфрагистика вносит очень существенный вклад в обоснование датировки древнерусской монетной чеканки. Но рядом с ней теперь выступает и археология. До недавнего времени «дары» ее не имели конкретного в части датировок характера: таковы оба сребреника с городища Белой Вежи — их датировка может быть ограничена лишь 1117 г. — уходом беловежцев в Черниговское княжество. Почти безнадежен Митьковский комплекс находок, добытый самодельными раскопками. Но два сребреника Владимира — счастливая добыча Днепровской археологической экспедиции Б. А. Рыбакова на реке Стугне — благодаря самому характеру исследованного городища имеют безупречную датировку рубежом X—XI вв.⁵⁶

Наконец, можно отметить, что признание И. И. Толстым Киева единственным центром чеканки и так раздражавшая его оппонентов уверенность в чрезвычайной кратковременности этой чеканки находят подтверждение в наблюдениях автора этих строк. Особенностью всех без исключения типов южной чеканки является изготовление монетных кружков на редкость странным способом отливки в двухсторонних формах. Об этом свидетельствуют многочисленные свищи и разного рода «недоливы», выявленные на монетах⁵⁷. Этот прием мог быть только очень кратковременным.

Со времени опубликования исследования И. Толстого прошло 90 лет. Научная концепция книги в ее основных положениях выдержала испытание временем и получила дальнейшее развитие и обоснование. Каталог же, охвативший около 150 монет, устарел: во-первых, он и не мог претендовать в тех условиях на полноту — ведь уже в 1882 г. вне его оставалось не меньше сотни монет обоих кладов, затаившихся у неведомых или недоступных владельцев. После Великой Октябрьской социалистической революции

⁵⁵ В. Л. Янин. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. I, стр. 40.

⁵⁶ А. А. Медынцева. Сребреник из Заречья на Стугне. — СА, 1965, № 1; е е же. Сребреники из Новгорода Малого. — СА, 1969, № 4.

⁵⁷ И. Г. Спасский. Насушные вопросы изучения русских монет X—XI вв. — «Сообщения Государственного Эрмитажа», вып. XXI. Л., 1961.

перестройка музейной сети и национализация крупнейших частных собраний сосредоточили в немногих музеях фонд древнерусских монет и возникли наиболее благоприятные возможности для создания полного сводного каталога. Такая работа недавно закончена в Эрмитаже. Составленный М. П. Сотниковой каталог включает немногим более 300 монет: от «двоения» гарантируют максимально полные «биографии» монет, прослеживающие их движение из рук в руки и, конечно, изображения. Остается неизвестной судьба примерно 60 монет⁵⁸, в том числе целиком одного музейного собрания (Киевской духовной академии). Можно предполагать, что часть этих потерь после опубликования каталога еще выявится, видимо, за границей.

ВИЗАНТИЙСКАЯ СФРАГИСТИКА В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ РОССИИ

В. А. ГАВРИЛЕНКО

(Львов)

Византийские печати на территории Советского Союза известны с древних времен. Об этом свидетельствуют частые находки византийских сфрагистических древностей в Крыму, Закавказье и других районах СССР.

Первые письменные свидетельства о византийских печатях также относятся к начальному периоду нашей истории. В крупнейшем историческом произведении Киевской Руси «Повести временных лет» под 945 г. записано известие об опечатывании византийскими чиновниками паволок, купленных русскими купцами в Царьграде¹.

Как исторические памятники византийские печати начали рассматриваться только в конце XVIII в. В 1785 г. был издан учебник по дипломатике профессора Львовского университета Г. Улиха (1743—1794), одна из глав которого посвящена сфрагистике. Излагая историю сфрагистики, автор вкратце характеризует византийские буллы². Несколько позже Е. А. Болховитинов (1767—1837) упоминает византийские печати в своей работе «Примечания на грамоту Мстислава...», сравнивая их с русскими сфрагистическими памятниками³. Поставив византийские печати в ряд исторических памятников, Улих и Болховитинов тем самым положили начало изучению византийской сфрагистики в отечественной историографии.

В середине XIX в. византийскими печатями заинтересовалось Русское археологическое общество. В 1850 г. хранитель нумизматического отделения Эрмитажа Б. В. Кене (1817—1886) прочитал на заседании общества доклад «О металлических печатях, называемых обыкновенно «буллами», в котором познакомил членов общества с золотыми и серебряными печатями Византии⁴. Б. В. Кене составил небольшую коллекцию молдавских булл, изданную с его согласия французским ученым Э. Миллером⁵.

Коллекцию византийских булл собрал другой член Археологического общества, Ж. Сабатье (1792—1870). Они опубликованы в его двухтомном

⁵⁸ М. П. Сотникова. Неразысканные экземпляры русских монет X—XI вв. К корпусу древнейших русских монет.— «Труды Государственного Эрмитажа», т. XII. Л., 1971.

¹ Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Л., 2 изд., 1926, стр. 48.

² Praelectiones diplomaticae, quas in usum auditorum suorum ex Gatterero, Eckhardo et Grubero adornavit Godefridus Uhlich e Scholis Pisis diplomaticae et numismaticae in Universitate leopolitana professor. Leopoli, 1785, стр. 76—83.

³ Митр. Евгений. Примечания на грамоту великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода Мстиславовича, удельного князя Новгородского, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю.— ВЕ, 1818, ч. 100, № 15—16, стр. 237.

⁴ ЗРАО; 1851, т. 3, протоколы, стр. 5—6.

⁵ E. Miller. Bulles byzantines de la collection de m. le baron de Köhne et de diverses autres provenances.— RN, 1867, стр. 416—434.

труде по нумизматике Византии и Рима ⁶, а также в отдельной статье, вышедшей во Франции ⁷.

Ж. Сабатье первым среди европейских ученых попытался разобраться в императорских печатях, но в его работе допущены ошибки в определении некоторых памятников. В нескольких случаях он вместо печатей издал монеты и тессеры императоров. В 1856 г. Ж. Сабатье продал свою коллекцию, насчитывавшую более 70 экземпляров, графу С. Г. Строганову ⁸. Коллекции Кене и Сабатье — Строганова снискали широкую известность в Европе, они относились к числу наибольших для того времени собраний византийских печатей.

Интересные сведения о византийской сфрагистике содержатся в книге библиотекаря Русского археологического общества А. Б. Лакиера (1825—1870) «Русская геральдика». Автор одним из первых обратил внимание на сходство византийских и русских сфрагистических памятников, однако, преувеличивая иностранное влияние, А. Лакиер создает теорию о геммоглиптическом происхождении русских печатей. Он писал: «...относительно печатей заметим, что в древней России резчиков не было, поэтому монеты и печати для князей или должны были делаться в Византии, или состоять из гемм..., в именные ободочки вставленных...» ⁹.

Несмотря на ошибочные теоретические установки, книга А. Лакиера сыграла значительную роль в развитии сфрагистических знаний и способствовала популяризации византийских печатей в России.

Работой Лакиера завершается первый период в изучении византийской сфрагистики. На протяжении этого периода были заложены основы византийской сциллографии, но малочисленность сфрагистических памятников не позволила широко развернуть исследования, ограничивала тематику.

В 70—80-х годах XIX в. русское византиноведение вступило в период своего расцвета. Большие сдвиги наметились в публикации письменных и эпиграфических источников, что в свою очередь заставило обратить пристальное внимание на разработку специальных исторических дисциплин, без которых невозможно было правильно определять и научно объяснять первоисточники.

На развитие византийской сфрагистики в России положительное влияние оказали также находки моливдовулов на территории бывших византийских колоний в Крыму: Феодосии, Керчи, возле деревни Партенит (у горы Аю-Даг) и особенно в Херсонесе Таврическом.

Раскопками в Херсонесе руководили К. К. Косцюшко-Валюжинич, Н. И. Репников и Р. Х. Лепер. Они собрали и ввели в научный оборот более 200 моливдовулов и пломб, много византийских гемм, перстней. Большую роль в пополнении сфрагистической базы сыграл К. Косцюшко-Валюжинич, производивший раскопки в 1888—1907 гг. Сообщения о сфрагистических находках регулярно помещались в отчетах об археологических работах в Херсонесе, публикуемых в изданиях Археологической комиссии ¹⁰.

Около 20 печатей из раскопок Херсонеса поступили в Археологическую комиссию, впоследствии они были переданы в Эрмитаж ¹¹.

Значительных успехов в собирании сфрагистического материала добились коллекционеры-любители.

Византийские печати коллекционировали собиратели древностей.

⁶ J. S a b a t i e r. Iconographie d'une collection choisie de cinq mille médailles romaines, byzantines et celtibériennes, t. 1—2. SPb.— Paris, 1847—1856.

⁷ J. S a b a t i e r. Plombs, Bulles et Sceaux byzantins.— RA, 1858, t. 15, p. 1, стр. 82—100.

⁸ Н. И. Веселовский. История имп. Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. СПб., 1900, стр. 29.

⁹ А. Л а к и е р. Русская геральдика.— ЗРАО, 1854, т. 7, отд. 1, стр. 91, 134.

¹⁰ ОАК за 1888—1898 гг.; ИАК, вып. 1, 2, 4, 9, 16, 20, 25, 33, 42.

¹¹ АЛОИА, ф. 1, 1890 г., № 26, л. 170; Эрмитаж. Отдел нумизматики. Книга поступлений 44, запись 268.

Н. А. Леопардов¹², Я. Я. Волошинский¹³, К. В. Болсуновский¹⁴, нумизмат И. И. Толстой¹⁵. Небольшое собрание византийских моливдовулов из находок в Керчи составил И. А. Терлецкий¹⁶.

Начало серьезной научной разработки крымских сфрагистических находок было положено профессором Новороссийского университета В. Н. Юргевичем (1818—1898). В 1886 г. он опубликовал статью о печатях херсонесского стратига Георгия Цулы и архиепископа Михаила¹⁷. Не имея специальной подготовки в области сфрагистики, Юргевич допустил ряд ошибок в чтении надписей и трактовке назначения печатей, однако, несмотря на это, его работа была значительным явлением в дореволюционной сфрагистике. В ней впервые высказана мысль о местном происхождении херсонесских печатей и сделана попытка связать изучение сфрагистических памятников с историей.

Исследование сфрагистических памятников Херсонеса Юргевич продолжил в других работах¹⁸, где подробно описал 14 византийских моливдовулов. Благодаря работам Юргевича сфрагистическое собрание Одесского музея изучено во всей полноте и хорошо известно исследователям сфрагистики.

В 1887 г. И. И. Толстой (1858—1916) подводит итоги исследования печатей Херсонеса, он подробно описывает 17 сфрагистических памятников, читает их легенды, указывает на место находки и приобретения. Наряду с крымскими находками в статье изданы печати из коллекции автора, приобретенной в Константинополе у А. Мордтмана, и сфрагистические памятники, опубликованные в иностранной литературе¹⁹.

Довольно большая работа по изучению и популяризации византийских сфрагистических древностей была проведена археологическими съездами. На VI археологическом съезде, состоявшемся в 1884 г. в Одессе, Ф. И. Успенский сообщил об оловянных печатях, употреблявшихся в Византии для опечатывания землемерных веревок²⁰. На девятом и одиннадцатом съездах византийские моливдовулы были представлены на выставках археологических памятников²¹.

В исследовании византийских сфрагистических памятников принимали участие ученые многих стран. Взаимное ознакомление с результатами исследований, с изданным фактическим материалом положительно сказывалось на развитии византийской сфрагистики. В России большую работу в этом направлении провели журналы «Византийский временник», «Археологические известия и заметки», «Известия Археологической комиссии» (прибавления к вып. 1—66), на страницах которых публиковались обзоры и рецензии о вышедших за границей работах, помещались сообщения о наиболее важных находках.

¹² Отчет о деятельности Церковно-археологического общества за 1895 г. К., 1896., стр. 6.

¹³ Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках. Изд. Н. Леопардова и Н. Чернева, серия 1, вып. 3—4. К., 1891, стр. 15—16, табл. 9—10.

¹⁴ Прибавление к Каталогу выставки при IX Археологическом съезде. Вильна, 1893, стр. 22—23.

¹⁵ ЗРАО, 1887, т. 2 (новая серия), стр. 38.

¹⁶ К. Болсуновский. Каталог предметов, выставленных в университете св. Владимира во время XI Археологического съезда в Киеве. К., 1899, стр. 8—9.

¹⁷ В. Н. Юргевич. Две печати, найденные в византийском Херсонесе в 1884 году.— ЗООИД, 1886, т. 14, стр. 1—21.

¹⁸ В. Н. Юргевич. Свинцовые печати, принадлежащие музею общества.— ЗООИД, 1889, т. 15, стр. 41—46; е г о ж е. О свинцовых печатях византийских, хранящихся в музее Одесского общества истории и древностей.— ЗООИД, 1898, т. 21, протоколы, стр. 39—41.

¹⁹ И. И. Толстой. О византийских печатях Херсонской фемы.— ЗРАО, 1887, т. 2 (новая серия), стр. 28—43.

²⁰ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры.— В кн.: Труды VI Археологического съезда, 1888, т. 2. Одесса, стр. 285—286.

²¹ Прибавление к Каталогу выставки при IX Археологическом съезде. стр. 22—23; К. Болсуновский. Каталог предметов..., стр. 3—9.

Значительное влияние на развитие византийской сфрагистики в России оказал капитальный труд французского ученого Г. Шлюмберже «Византийская сигиллография»²².

Под непосредственным влиянием этой работы написана статья И. И. Толстого «Случай применения византийской сфрагистики к вопросу по русской нумизматике». Сравнивая византийские сфрагистические памятники с русскими монетами, Толстой подробно изучил несколько десятков византийских печатей с изображениями Георгия-Победоносца²³.

Печать Феофании Музалон, опубликованная Г. Шлюмберже, легла в основу сфрагистического этюда Х. М. Лопарева «Византийская печать с именем русской княгини»²⁴. На основании свидетельств летописей, агнографических источников и данных легенды печати Лопарев считает Феофанию Музалон женой черниговского князя Олега Святославича. Печать Феофании неоднократно привлекала внимание наших исследователей, ей были посвящены заседания Русского археологического общества (доклад Х. М. Лопарева)²⁵ и Русского генеалогического общества (сообщение Н. П. Лихачева)²⁶.

Таким образом, в конце XIX в. византийская сфрагистика в России сделала некоторые успехи. Но сфрагистические работы этого этапа имели фактографический характер, исследователи сфрагистики главное внимание уделяли накоплению фактического материала, его описанию и публикации. Однако проведенная работа не прошла бесследно, она дала возможность приступить к систематизации сфрагистических материалов.

На рубеже XIX—XX вв. византийская сфрагистика вступает в следующий период своего развития. Глубокий идейный кризис, охвативший буржуазную историческую науку в эпоху империализма, отразился также на развитии этой отрасли знаний. В сфрагистике симптомы кризиса проявлялись во все возрастающем разрыве между темпами накопления фактического материала и его научно-теоретической обработкой, отказе буржуазных ученых от обобщения изучаемых материалов, ограниченном использовании данных сфрагистики для объяснения исторических явлений, что, в конечном итоге, вело к превращению сфрагистических исследований в самоцель.

Однако, несмотря на наличие кризисных тенденций, византийская сфрагистика в рассматриваемый период добилась ряда крупных успехов. Это противоречие в развитии сфрагистики объясняется сложным характером кризиса буржуазной историографии. В годы кризиса некоторая часть буржуазных историков отказывается от решения общеисторических проблем и уходит в область узкоспециальной тематики²⁷. Переключение научных интересов способствовало оживлению сфрагистических штудий.

Большие успехи были достигнуты в приращении материальной базы сфрагистики. Русские коллекции византийских моливдовулов в это время насчитывали более 12 тыс. экз. Накопление материала способствовало расширению тематики, заставляло непрерывно совершенствовать технику исследований. При всем субъективном отказе от любого вида обобщений буржуазные ученые вынуждены были обращать пристальное внимание на классификацию и систематизацию печатей, без которых трудно было разобратся в стремительно возрастающем материале.

Таковы общие черты, характеризующие византийскую сфрагистику в третьем периоде, в той или иной степени они проявлялись в научной деятельности каждого в отдельности исследователя печатей.

Большой вклад в развитие византийской сфрагистики в России внес Русский археологический институт, основанный в 1895 г. в Константинопо-

²² G. Sch l u m b e r g e r. Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884.

²³ Труды VII Археологического съезда в Ярославле в 1887 г. М., 1891, т. 2, стр. 73—81.

²⁴ ВВ, 1894, т. I, стр. 159—166.

²⁵ ЗРАО, 1897, т. 9, вып. 1—2, стр. LXX.

²⁶ ИАК, прибавление к вып. 56, 1914, стр. 17.

²⁷ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963, т. 3, стр. 240.

ле. Вокруг института объединилась большая группа любителей древностей, которые наряду с другими памятниками собирали и изучали византийские печати. Среди коллекционеров-любителей выделялись Г. П. Беглери и П. Годэн, подарившие институту несколько серий византийских моливдовулов. Много печатей было найдено археологами института во время раскопок в Болгарии, Македонии и других областях бывшей Византийской империи. Значительное количество было куплено на антикварном рынке. Менее чем за 20 лет сотрудники института собрали 5270 моливдовулов *, ряд золотых и медных печатей. Научной обработкой этой богатой сфрагистической коллекции занимался известный византист, ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе Б. А. Панченко (1872—1920).

В 1900 г. на заседании института он сделал доклад «О византийских печатях как историческом источнике», ставший своеобразной программой ученого при исследовании византийских сфрагистических древностей²⁸. Б. Панченко считал печати наиболее достоверными памятниками при определении званий, титулов, должностей, чинов и имен исторических деятелей. Он призывал изучать византийскую сфрагистику: «Там где не хватает надписей, и являются на помощь печати. Самый чувствительный пробел ими заполняется, в самую досадную брешь наших сведений о Византии печати становятся целыми рядами»²⁹. Доклад Б. Панченко был первой попыткой изучения истории византийской сфрагистики в России, в нем содержались краткие сведения о русских исследователях печатей и давался обзор коллекции института. Мысль о том, что печати являются серьезными историческими источниками, Б. Панченко развивает в других своих работах: «ΒΑΣΙΛΙΚΟΣ ΠΙΣΤΙΚΟΣ»³⁰ и «Памятник славян в Вифинии VII века»³¹. В первой статье моливдовулы используются для определения неизвестных ранее терминов, во второй — изучается печать начальника славянской военной колонии в Малой Азии.

В статье «Памятник славян в Вифинии VII века» Б. Панченко разрабатывает новый метод исследования печатей. Он подробно изучает особенности изображений, проводит палеографический анализ легенд, сопоставляет исследуемую печать с большим кругом сфрагистических и нумизматических памятников. На основании обозначенного в легенде индикта, иконографических и исторических данных автор датирует моливдовул 650 г. Таким образом, печать представляет собой первый след славянства в Малой Азии и свидетельствует о значительном политическом влиянии славян в Византии.

Самым крупным исследованием Б. Панченко по византийской сфрагистике является «Каталог моливдовулов», опубликованный в 1903—1908 годах³². В этой работе ощущается заметное влияние идеалистического философского направления — позитивизма, для которого было характерно отрицание теоретических обобщений и сведение научных исследований к подбору и регистрации отдельных фактов и явлений. В «Каталоге моливдовулов» Б. Панченко, пренебрегая группировкой и классификацией, описывает печати в порядке поступления их в коллекцию института. Довольно метко эту публикацию охарактеризовал представитель византийской сфрагистики в России Н. П. Лихачев, который писал, что Б. А. Панченко «больше указывал путь для будущих исследователей, чем сам решал вопросы»³³.

Все же, несмотря на инвентарный характер, «Каталог моливдовулов» имеет большую научную ценность, в нем описано 500 византийских сфраги-

* Подсчет произведен автором на основании данных годовых отчетов института.

²⁸ ИРАИК, т. 7, 1901, стр. 215—226.

²⁹ Там же, стр. 217.

³⁰ Там же, стр. 40—55.

³¹ ИРАИК, т. 8, 1903, стр. 15—62.

³² Б. А. Панченко. Каталог моливдовулов коллекции Русского археологического института в Константинополе. — ИРАИК, т. 8, 1903, стр. 199—246; т. 9, 1904, стр. 341—396; т. 13, 1908, стр. 78—151.

³³ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 246, оп. 1, ед. хр. 50, л. 5

стических памятников, подробно разобраны их легенды, термины, изображения. Описания некоторых печатей сопровождаются краткими исследованиями об административной системе и должностных лицах Византийской империи. Автор сопоставляет изучаемые печати с археологическими находками, живописью, произведениями мелкой пластики.

В 1905 г. Б. Панченко составил главу о византийских печатях и монетах для большой коллективной работы института «Материалы для болгарских древностей Абоба-Плииска»³⁴, в которой детально изучил моливдовулы, найденные во время раскопок в древней столице Болгарии. В статье высказывается мысль о том, что печати с большим успехом могут использоваться при датировке археологических памятников, находящихся в одном с ними слое.

Б. Панченко принадлежит также статья о печатях византийских должностных лиц VIII—XII вв., найденных на Южном берегу Крыма, у горы Аю-Даг³⁵.

Из других работ, опубликованных в «Известиях Русского археологического института в Константинополе», назовем небольшую статью Г. П. Беглери о печати последнего трапезундского императора Давида (1458—1462)³⁶.

Наиболее видным представителем византийской сфрагистики в России был Н. П. Лихачев (1862—1936). Его деятельность отличалась необычайной разносторонностью научных интересов. Изучая византийскую сфрагистику, ученый много внимания уделял собиранию печатей.

Н. Лихачев составил крупнейшее в мире частное собрание византийских печатей. Он приобрел известные в Европе коллекции Г. Шлюмберже, В. Френера, Ферсдена, Фотиада-паша. Установив связь с антикварами Константинополя, Вены, Парижа и Венеции, Лихачев скупал «львиную долю» сфрагистических памятников на антикварном рынке³⁷. Коллекция Лихачева насчитывает более 6700 византийских моливдовулов*, около 100 матриц, штемпелей и перстней³⁸, много гипсовых слепков, изготовленных по лучшим образцам Британского музея, Парижской национальной библиотеки, Афинского музея, Археологического института в Константинополе. В одном из своих писем Н. Лихачев писал, что «одна лишь коллекция А. Сорлэн-Дориньи не попала ко мне в руки и осталась недоступной, но этим собранием пользовался Шлюмбергер в своем корпусе»³⁹.

Отдельного курса византийской сфрагистики Н. Лихачев не читал ни в Петербургском университете, ни в Археологическом институте, где он преподавал некоторые исторические дисциплины. Но в его лекциях по дипломатике и документальному источниковедению содержались довольно полные сведения о византийских печатях⁴⁰. Н. Лихачев разделял ошибочные теории культурных кругов, заимствований и т. п., господствовавшие в буржуазной исторической науке. В своих лекциях он трактовал византийскую сфрагистику как связующее звено между сфрагистическими памятниками Месопотамии и средневековыми печатями Руси, Венеции, Ватикана, Южной Фран-

³⁴ Б. А. Панченко. Византийские печати и монеты.— ИРАИК, т. 10, 1905, стр. 291—300.

³⁵ Б. А. Панченко. Шесть моливдовулов из Парфенита.— ИАК, т. 18, 1906, стр. 160—164.

³⁶ Г. П. Беглери. Печать трапезундского императора Давида.— ИРАИК, т. 8, стр. 247—248.

³⁷ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 246, оп. 1, ед. хр. 119, л. 4.

* В настоящее время коллекция Н. Лихачева хранится в Государственном Эрмитаже — около 6500 экз. и Московском государственном историческом музее — более 200 экз.

³⁸ АЛОИА, ф. 2, оп. 1, 1922, № 14, л. 7.

³⁹ В. Л. Янин. К столетию со дня рождения Н. П. Лихачева.— СА, 1962, № 2, стр. 11.

⁴⁰ Обозрение преподавания наук в имп. С.-Петербургском университете... за 1894—1902 г. СПб.,... 1895—1903; Н. П. Лихачев. Дипломатика. Лекции, читанные в Археологическом институте. СПб., 1901; Западная и русская дипломатика и сфрагистика Древнего Востока. По программам и чтениям проф. Н. П. Лихачева... составил Я. И. Трусович. СПб., 1907.

ции. «Традиция, освященный обычай в дипломатике и сфрагистике играют немалую роль, и мы должны постоянно иметь их в виду, равно как и вопрос о заимствовании и подражании в области формы документов и печатей», — писал Н. Лихачев⁴¹.

Н. Лихачев принадлежал к той части буржуазных историков, которые в поисках выхода из идейного тупика, создавшегося в науке в период ее кризиса, стихийно искали путь к научному освещению истории. Но, выдвинув много интересных и важных научных положений, намного опережавших современный ему уровень науки, ученый не смог до конца преодолеть тяготевшие над ним традиции. Это привело к тому, что в своих сфрагистических работах Н. Лихачев нагромождает большое количество разнородных материалов, сталкивает противоречивые мнения и подчас умалчивает о собственных выводах⁴².

Н. Лихачев понимал ограниченность фактографического метода исследований и стремился к обобщению изучаемых материалов, однако подлинно научных обобщений нельзя было построить на изживших себя методологических принципах. Поэтому, проведя анализ огромного количества сфрагистических памятников, исследователь отказался от его синтеза. В одной из своих рукописей он писал: «Все внимание на критику источников, анализ. Синтез только на основании свода»⁴³.

Отмечая декларативный характер многих научных установок Н. Лихачева, нужно все же видеть главное в его работах, которое определяется ленинским принципом, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками»⁴⁴.

В 1899 г. выходит первая работа Н. Лихачева по византийской сфрагистике «Печати патриархов константинопольских»⁴⁵. Уже в этой работе проявляется недюжинная эрудиция автора, его стремление к широким построениям. Лихачев подводит итоги изучения византийской патриаршей печати, датирует и классифицирует исследуемые памятники. В основу его системы деления печатей положены не отдельные случайные признаки, а их совокупность, внутренний анализ памятников. Такой подход к классификации не был ранее известен в сфрагистике, предшественники Н. Лихачева, как правило, делили печати по внешним признакам: по форме, материалу, способу клеймения и прикрепления (система Г. М. Гротефенда), по наиболее общим элементам изображений (система Ф. К. Гогенлоэ-Вальденбурга) и др.

В следующей статье «Некоторые старейшие типы печати византийских императоров» исследователь изучает другую обширную отрасль византийской сфрагистики — моливдовулы монархов IV—XI вв.⁴⁶ Ознакомившись с фактическим материалом из коллекций Британского музея, Русского археологического института в Константинополе, Османского музея, некоторых частных собраний и критически изучив зарубежную и отечественную литературу, ученый создал широкое, аргументированное исследование. Н. Лихачев считал, что употребление печатей при документах возникло постепенно из обычая товарных пломб. Он пришел к заключению, что старейшие печати византийских монархов не были личными, среди них наблюдается стремление к типизации и наследственности изображений, но их нельзя также признать печатями византийской империи, так как на них нет единой государственной эмблемы.

⁴¹ Н. П. Л и х а ч е в. Древнейшая сфрагистика. Из лекций по дипломатике, читанных в имп. Археологическом институте за 1904/5 уч. год. Зав. изданием слушатель ... М. И. Белавенец. СПб., 1906, стр. 4.

⁴² В. Л. Я н и н. К столетию..., стр. 16.

⁴³ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 246, оп. 2, ед. хр. 12, л. 12.

⁴⁴ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 178.

⁴⁵ ТМНО, 1899, т. 2, вып. 1, стр. 43—66.

⁴⁶ НС, т. 1, 1911, стр. 497—539.

Большой фактический материал по византийской сфрагистике собран в одной из работ Н. Лихачева, изданной в 1911 г.⁴⁷ Автор использует печати для изучения изобразительного искусства Византии, в частности для объяснения иконографических типов. В книге воспроизведены 327 византийских моливдовулов, около 150 печатей из коллекции автора описаны и определены впервые.

К этой работе тесно примыкает двухтомная монография Н. П. Кондакова (1844—1925)⁴⁸. Лихачев и Кондаков первыми среди русских исследователей начали рассматривать печати как полноценные произведения искусства.

Перед первой мировой войной Н. П. Лихачев совместно с А. В. Орешниковым и С. И. Чижевским напечатал 26 таблиц снимков византийских печатей для «Сфрагистического альбома», издание которого было начато еще в начале века. В альбоме представлено 349 репродукций византийских моливдовулов. Впоследствии Н. Лихачев описал и подготовил к печати 100 с лишним таблиц византийских сфрагистических памятников⁴⁹. Таблицы «Сфрагистического альбома» не вышли в свет, но их тираж сохранился в архиве Института археологии АН СССР (Ленинградское отделение). Описание таблиц предпринято Н. Лихачевым в 30-х годах в работе «Моливдовулы греческого Востока», она также не была издана и хранится в Архиве АН СССР⁵⁰.

Подводя итоги изучения византийской сфрагистики в дореволюционной России, следует отметить, что отечественные ученые собрали и научно обработали огромный фактический материал. Большое внимание они уделяли совершенствованию методики научного исследования печатей, проблематике дисциплины. Н. Лихачев сделал попытку обобщить изучаемый материал, и хотя эти обобщения имели формальный характер, сводились к систематизации и классификации сфрагистических памятников, они знаменовали собой крупный шаг вперед в развитии византийской сфрагистики.

Отечественная византийская сфрагистика дооктябрьского периода занимает видное место в мировой историографии. Без привлечения работ Н. П. Лихачева, Б. А. Панченко и других немыслимо ни одно серьезное исследование по византийской сфрагистике как в Советском Союзе, так и за рубежом.

РУССКИЕ БОЕВЫЕ НАГРАДЫ ЗА ПОЛТАВСКОЕ СРАЖЕНИЕ

В. А. ДУРОВ
(Москва)

Развитие русского наградного дела в первой четверти XVIII в. характеризуется коренной перестройкой всей наградной системы, которую смело можно назвать реформой. Учреждение в самом конце XVII в. первого русского ордена св. Андрея Первозванного, появление ряда других новых знаков отличия — особых боевых медалей, нагрудных царских портретов (очень почетной награды, по своему значению стоявшей между медалью и орденом), а также наградного оружия с соответствующими надписями на нем¹ — вот основные нововведения того времени. При этом соблюдается

⁴⁷ Н. П. Лихачев. Историческое значение итало-греческой иконописи. СПб., 1911.

⁴⁸ Н. П. Кондаков. Иконография богородицы, т. 1—2. СПб., 1914—1915.

⁴⁹ Архив АН СССР в Ленинграде, ф. 246, оп. 1, ед. хр. 119, л. 5.

⁵⁰ Там же, ед. хр. 119, 579 л.

¹ Л. Н. Кузнецова. Памятники Полтавского сражения в Ленинградском артиллерийском историческом музее. — В сб.: Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сб. статей. М., 1959, стр. 417—418.

традиция, характерная для русского наградного дела — награждение всех участников кампании или сражения².

27 июня 1709 г. произошла Полтавская битва, предreshившая исход всей Северной войны в пользу России, все участники которой были щедро награждены.

О русских наградах петровской эпохи, в том числе и за Полтавское сражение, имеется довольно большая литература как дореволюционного³, так и советского времени⁴.

В книге «Журнал или поденная записка... Петра Великого»⁵, составленной на основе подлинных документов петровского времени и сохраняющей значение как источника до сегодняшнего дня, о награжденных за Полтавское сражение написано следующее: «...Генерал князь Репнин пожалован кавалериею... Генералу фельдцейхмейстеру Брюсу дана кавалерия... Генералу Аларту дана кавалерия... Генералу лейтенанту Ренселю дана кавалерия *... и всех штабных и обер-офицеров жаловал государь золотыми портретами с алмазы и медалями золотыми же по достоинству их чинов; а солдатам медали серебряные»⁶.

Из этого перечисления видно, что полтавские награды были трех видов: ордена («дана кавалерия»), наградные портреты Петра I и медали. В таком порядке мы и рассмотрим их подробнее.

В самом конце XVII в. в России был учрежден орден св. Андрея Первозванного, в течение всей первой четверти XVIII в. остававшийся единственным русским орденом**. В самом раннем известном нам проекте его устава, составленном при непосредственном участии Петра в 1720 г., говорится, кому и за что должна выдаваться эта награда: «...В воздание и награждение одним за верность, храбрость и разные нам и отечеству оказанные заслуги, а другим для ободрения ко всяким благородным и геройским добродетелям; ибо ничто столько не поощряет и не воспламеняет человеческого любочестия и славолубия, как явственные знаки и видимое за добродетель воздаяние»⁷.

Из этих слов видно, какое большое значение придавал Петр I знакам отличия вообще и, в частности, ордену Андрея Первозванного. Но жаловалась эта награда весьма скупо. За весь десятилетний «дополтавский» период

² Подробнее об истоках этого обычая см.: И. Г. С п а с с к и й. «Золотые» — воинские награды в допетровской Руси.— Труды Государственного Эрмитажа, IV. Л. 1961, стр. 92—134.

³ См., например, Ю. Б. И в е р с е н. Медали на деяния императора Петра Великого... СПб., 1872; В. П. С м и р н о в. Описание русских медалей. СПб., 1908, № 163—214 и др.

⁴ А. Н. Л у п о л. Нумизматические памятники Полтавского сражения в собрании Государственного исторического музея.— В сб.: Полтава. К 250-летию Полтавского сражения, стр. 408—415; И. Г. С п а с с к и й. Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л., 1963, стр. 109—112; Л. С. П и с к у н о в а. Награждение медалями за Гангутский бой 27 июля 1714 года.— Труды Государственного Эрмитажа, IV, стр. 135—140; Е. С. Щ у к и н а. Медальерное искусство в России XVIII века. Л., 1962, стр. 5—42; Е. С. Щ у к и н а. Медали. Памятники русской культуры первой четверти XVIII века в собрании Государственного ордена Ленина Эрмитажа. Каталог. Л.— М., 1966, стр. 119—142 и др.

⁵ Журнал или поденная записка... Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштадского мира, ч. I—II. СПб., 1770—1772.

* И. И. Голиков называет в числе новых андреевских кавалеров также Ренна (И. И. Г о л и к о в. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России..., т. IV, изд. 2. М., 1838, стр. 82), но это ошибка. Генерал-лейтенант К.— Э. Ренн (Ренне) за Полтавский бой был только произведен в полные генералы, орден же св. Андрея Первозванного ему был пожалован позже, во время Прутского похода 1711 г. за взятие его отрядом города Браилов.— (Журнал... Петра Великого, ч. I. СПб., 1770, стр. 347—348; Письма и бумаги Петра Великого, т. I—VII. СПб., 1887—1918, т. II, вып. 2, стр. 104, № 4704, 4705).

⁶ Журнал Петра Великого, ч. I, стр. 239. Кроме того, многие офицеры и генералы были повышены в чинах, пожалованы деревнями и большими суммами денег. Деньги были выданы также солдатам (см. т а м ж е).

** Женский орден св. Екатерины, учрежденный в 1714 г., был пожалован при жизни Петра только одной Екатерине I.

⁷ Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденовских статутов, изд. 2-е. СПб., 1892, стр. 100.

существования первого русского ордена его кавалерами стали всего лишь 13 человек, в том числе и сам Петр *. За Полтаву же этой награды были удостоены сразу четверо **. Этим еще раз подчеркивалась исключительная важность полтавской победы для хода всей Северной войны.

Знаки ордена Андрея Первозванного, выданные за Полтавское сражение, до нас не дошли. Вообще известен всего лишь один знак этого ордена

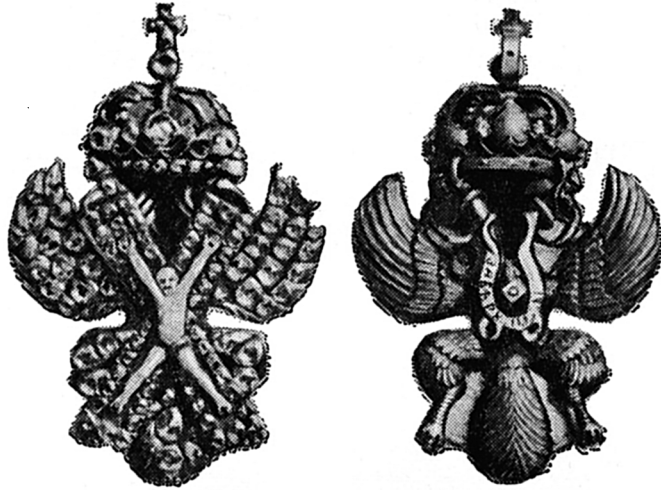

Рис. 1. Знак ордена Андрея Первозванного.

петровского времени, хранящийся в Алмазном фонде СССР и принадлежавший, как традиционно считается, самому Петру I (рис. 1) ***.

Петр I, как известно, был удостоен ордена Андрея Первозванного в 1703 г. за руководство операцией по взятию двух шведских военных кораблей в устье Невы ⁸. Судя по знаку, в первые годы XVIII в. финифтью покрывалось только изображение св. Андрея, остальные же детали, в том числе и собственно «андреевский» крест, который в дальнейшем получил синий цвет, оставались золотыми ****. По статуту знак ордена должен был украшаться

* Кроме 12 кавалеров, которых перечисляет в своей работе Д. Бантыш-Каменский (Д. Бантыш-Каменский. Историческое собрание списков кавалеров четырех российских императорских орденов. М., 1814, стр. 57—68), был еще один. В августе 1700 г. в Оружейной палате изготовили «кавалерский крест... в посылку мультянскому (молдавскому — В. Д.) господарю Константину Брынковяну» (ЦГАДА, ф. 396, № 34 668, л. 1—2).

*** В черновике письма Петра I Ф. Ю. Ромодановскому от 13 июля 1709 г. перечислены пятеро, которым следовало дать орден Андрея Первозванного «за баталию» (Письма и бумаги Петра Великого, т. 9, вып. I, стр. 287, № 3312). Кроме известных нам уже четырех генералов в этом списке назван «министр Долгорукий» — кн. Г. Ф. Долгорукий, командовавший в период полтавских событий отдельным русским отрядом, не дававшим соединиться разрозненным силам шведов. До этого Г. Ф. Долгорукий в качестве русского посла-министра находился в Польше, ситуация в которой тогда во многом определяла обстановку во всей Европе. Из письма Петра видно, что очень сложная миссия в Польше, которая выпала на долю Г. Ф. Долгорукого, была оценена наравне с заслугами генералов — героев Полтавы. Д. Бантыш-Каменский, называя Г. Ф. Долгорукого в числе кавалеров ордена, также не связывал это награждение с военными событиями.

** Единственное издание, где были приведены изображения лицевой и оборотной сторон этого ордена (Алмазный фонд СССР, вып. второй. М., 1925, табл. XXVIII, фото 38, 39), вышедшее тиражом всего лишь в 300 экз., в настоящее время является библиографической редкостью. Для большинства читателей знакомство с этой публикацией представляет известную трудность, поэтому мы решили воспроизвести в настоящей работе взятые из нее фотографии ордена.

⁸ Журнал... Петра Великого, т. I, стр. 72—74.

**** В одном из распоряжений по изготовлению крестов ордена Андрея Первозванного, относящихся к январю 1709 г., говорится о финифти лишь «в тело святого Андрея», сам же крест должен был оставаться золотым (ЦГАДА, ф. 160, д. 2, л. 1—1 об.).

алмазами на сумму 85 руб.⁹ Но число алмазов, украшающих знак, могло быть увеличено либо за счет самого нового кавалера, либо, в исключительных случаях, за счет казны. Стоимость алмазов, вмонтированных в знак ордена, принадлежавшего Петру I (их более ста), явно превышает 85 руб.¹⁰

Внимания исследователей фактически не привлек один проект, по которому предполагалось учреждение особого «кавалерского креста» оригинального рисунка для награждения специально участников полтавского сражения.

В Центральном государственном архиве древних актов в Москве хранятся несколько документов, связанных с этим неосуществленным проектом.

Первый из них — копия письма канцлера Г. И. Головкина, посланного дьяку Посольского приказа М. И. Ростодамову¹¹. Письмо датировано 19 июля 1709 г., то есть написано меньше чем через месяц после полтавской победы. Приводим текст этого документа.

«Михайло Иванович. Посылается при сем рисунок креста кавалерского. У нумера I знаменуе наружная сторона того всего креста, самый крест синего цвета, а изображение святого Андрея наподобие тела, корона с кольцом, за которое привязывать. И орлы золотые. № 2. Другая сторона того же всего креста, крест на той другой стороне оставить просто золотой, а литеры черные. Вели против того рисунка сделать таких крестов семь, да семь же крестов малых, каковы делал в нынешнем 1709-м году иноземец Вестфаль. Золотые червонные на дело тех крестов дать из Посольского приказа из тех, которые посланы с Воронежа с секретарем Степановым.

И из обонх из больших и из малых по одному вели сделать поскорее и пришли ко мне чрез почту какую наискорее возможно. И потом достальные сделав, также пришли.

Граф Головкин

Из обозу от Решетилки
июля в 19 день 1709 г.

Подаю июля в 26 день
в Москве подъячий Жадаев

Учинить по сему
письму немедленно».

Следующее по времени составления письмо Г. Головкина, в котором снова упоминаются «кавалерские кресты» за Полтаву, относится к августу того же 1709 г. и также адресовано М. Ростодамову¹². Приводим отрывок из него, относящийся непосредственно к теме настоящей работы.

«...Из кавалерийских крестов, о которых я к тебе прежде сего писал, чтобы вновь сделать семь больших да семь малых. Один крест из больших вели сделать немедленно и пришли ко мне на почте, где я буду обретаться, прочие кресты определенное число прикажи делать также с поспешением...

Граф Головкин

Из Киева августа
13 дня 1709 года»

И, наконец, последний, третий известный нам документ относится к сентябрю 1709 г.¹³ От него сохранился лишь отрывок, вернее приписка к основному тексту. Ни автор письма, ни его корреспондент не указаны, но по содержанию этого фрагмента видно, что написан он тем же Г. Головкиным и снова адресован М. Ростодамову:

«Р. С. Крестов кавалерийских большой руки по посланному от меня образцу делать не вели, а надобно вместо тех сделать семь крестов таким образцом, как тот же Вестфаль делал зимою, со изображением орла двоеглавого. И наперед того деланы такие же про царское величество и про князя Александра Даниловича Меншикова, только б ныне те семь крестов сделаны были без алмазов, и один, сделав на образец, пришли сюда ко мне, а достальные до повторительного моего письма не делать.

Только между тем вели малые шесть крестов делать по прежнему моему письму. 1709 года сентября в 18 день с почтою».

⁹ Исторический очерк русских орденов..., стр. 103.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 396, д. 34 395.

¹¹ ЦГАДА, ф. 160, д. 1, л. 164—164 об.

¹² ЦГАДА, ф. 160. Письма разных лиц на русском языке, д. 1, л. 183, 184.

¹³ Там же, л. 195—195 об.

Как видно из текста документов, речь здесь идет о неосуществленном проекте особой награды.

В рисунке знака ордена Андрея Первозванного есть элементы, общие с кавалерским крестом, о котором говорится в приведенной нами переписке. Изображение св. Андрея, наложенное на так называемый андреевский крест, составляет основу композиции в обоих случаях. Основное различие здесь состоит в том, что в письмах говорится не об одном орле, как на знаке ордена св. Андрея, а о нескольких («и орлы золотые»). Подчеркивается, что Вестфаль делал зимою кресты ордена св. Андрея «с изображением орла двоголавого», то есть отличающиеся от упомянутого в переписке креста. Кроме того, в проекте новой награды говорится об «андреевском» кресте синего цвета, а не золотом, какой был до этого времени на знаках ордена Андрея Первозванного.

Что же могла представлять собой неутвержденная награда и для награждения кого она предназначалась?

Это должен был быть очень высокий знак отличия, так как крест его назван в документах «кавалерским», как знаки ордена св. Андрея Первозванного. Более того, его предполагалось сделать большим по величине, чем знаки единственного русского ордена, что также говорит о значительности награды.

Подлинные проектные рисунки «полтавского» креста в настоящее время неизвестны, однако известен знак, дающий, по нашему мнению, достаточно полное представление о не дошедшем до нас памятнике.

Это так называемый нагрудный полковой знак лейб-гвардии Преображенского полка, рисунок которого скопирован с несохранившегося эскиза. Знак этот, предназначенный для ношения всеми офицерами и солдатами полка как во время прохождения военной службы, так и в отставке, был учрежден 25 июня 1909 года¹⁴, то есть за два дня до 200-летнего юбилея Полтавской битвы. Естественно, что авторы проекта этого знака захотели как-то отразить в нем полтавские события, в котором Преображенский полк принимал активное участие, и использовали, вероятно, находившийся в их распоряжении подлинный проектный рисунок «полтавского» креста. Судя по имеющимся в нашем распоряжении экземплярам нагрудного знака Преображенского полка, он является копией неутвержденной награды за Полтаву. Приводим его описание.

Лицевая сторона. Андреевский крест синей эмали. По краям креста золотой * ободок. На синем кресте золотой крест той же формы, но меньшего размера, с наложенным на него изображением св. Андрея. Между верхними концами большого креста находится золотая царская корона с золотым же ушком в верхней части. По бокам между нижними концами большого креста — три золотых двуглавых российских орла.

Оборотная сторона. Золотые большой крест, корона и орлы. На кресте надпись черной эмалью: «за веру и верность» ** (рис. 2).

На знаке Преображенского полка есть и «крест синего цвета», и «литеры черные», и «золотая корона» с кольцом, «за которое привязывать», с деталью, присутствие которой на полковом знаке, крепившемся к мундиру с помощью винта, не имеет практического смысла, если только не предположить, что это результат точнейшего копирования рисунка петровского времени.

Нагрудный знак Преображенского полка дает, таким образом, полное представление о не дошедшем до нас, либо, скорее всего, вообще не изготовленном памятнике времени Полтавской битвы.

¹⁴ Е. Н. Ш е в е л е в а. Каталог отечественных орденов, медалей и нагрудных знаков (Артиллерийский музей). Л., 1962, стр. 225.

* Слово «золотой» в описании обозначает лишь цвет, но не качество металла.

** Этот знак является единственным нагрудным знаком русской армии, имеющим изображения на оборотной стороне, что можно объяснить лишь стремлением авторов как можно более точно и полно скопировать первоначальный рисунок.

Особым видом наградных знаков первой четверти XVIII в., предназначенных для ношения, являются миниатюрные портреты Петра I, так называемые персоны, которые от имени царя давались лицам, отличившимся на военном или гражданском поприще*.

Выявление случаев получения именно такой награды оказывается довольно сложным делом, так как в документах «портретами», а также «персонами» часто называются и живописные миниатюры, и наградные золотые или серебряные медали, на лицевой стороне которых всегда было изображение Петра I. Живопись на миниатюрах накладывалась на металлическую золотую или серебряную основу, что вносит дополнительную путаницу при работе с документами. Наградные портреты всегда украшались рамкой из

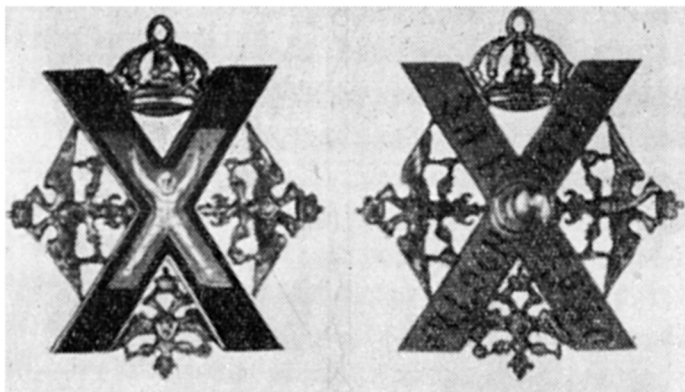

Рис. 2. Нагрудный знак Преображенского полка.

драгоценных камней, но известны и наградные золотые медали, которые также вставлены в оправу из драгоценных камней, например офицерская медаль за сражение при Калише в 1706 г., украшенная алмазами и аквамаринами¹⁵.

Хотя упоминания об изготовлении портретов (так мы будем в дальнейшем называть миниатюрные живописные наградные изображения Петра I) встречаются в документах с самого начала XVIII в.**, первым из известных нам конкретных военных событий, за которые были выданы эти награды, оказывается сражение при Лесной в 1708 г.*** Кроме наградных золотых медалей, изготовленных на Монетном дворе, за этот бой было выдано некоторое количество «нарядных» золотых «персон», украшенных алмазами. Эти портреты, оцененные в 873 руб. 33 коп. каждый, были куплены у золотых дел мастера А. Т. Соколова¹⁶.

Известна наградная персона Петра I, украшенная драгоценными камнями. Она выдана за сражение при Лесной, о чем свидетельствует надпись

* Этот обычай сохранялся впоследствии на протяжении всего существования Российской империи, причем получение портрета обязательно отмечалось в послужном списке награжденного среди прочих наград — орденов и медалей.

¹⁵ Е. С. Щ у к и н а. Указ. соч., стр. 24.

** В январе 1702 г. с Монетного (Кадашевского) двора были отпущены деньги на финифтные портреты с алмазами (ЦГАДА, ф. 160, д. 31, л. 260 об.); в ноябре 1704 г. за 20 000 рублей были куплены «у иноземца у Захарья Дикса» «5 персон государевых с алмазами» (ЦГАДА, ф. 160, д. 31, л. 7) и т. д.

*** Н. Г. Устрялов опубликовал документы, в которых говорится об изготовлении 300 портретов, украшенных алмазами, ценой от 50 до 500 руб. каждый, которые были выданы за победу при Калише в 1706 г. (Н. Г. У с т р я л о в. История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 2. СПб., 1863, прилож. VI, № 49 и 50). Но в этих «портретах» скорее всего следует видеть украшенные алмазами золотые медали, подобные той, о которой говорилось выше.

¹⁶ Письма и бумаги Петра Великого, т. IX, вып. 2, стр. 1088.

на обороте (в настоящее время находится в США). Видимо, это и есть одна из «нарядных персон», купленных у А. Т. Соколова *.

«Золотые портреты с алмазами», упоминаемые в «Журнале Петра Великого» среди прочих наград за Полтаву, несомненно, являются наградными портретами Петра I, так как здесь же особо названы золотые медали¹⁷. В письме Г. И. Головкина к М. И. Ростодамову, посланном из Люблина 4 сентября 1709 г., сообщается следующее: «Сего числа писал я к князю Матвею Петровичу (полковник М. П. Гагарин, московский комендант.— В. Д.), чтобы он приказал на Москве купить портретов царского величества, а именно один в тысячу, один в пятьсот, один в триста и один в двести рублей...»¹⁸

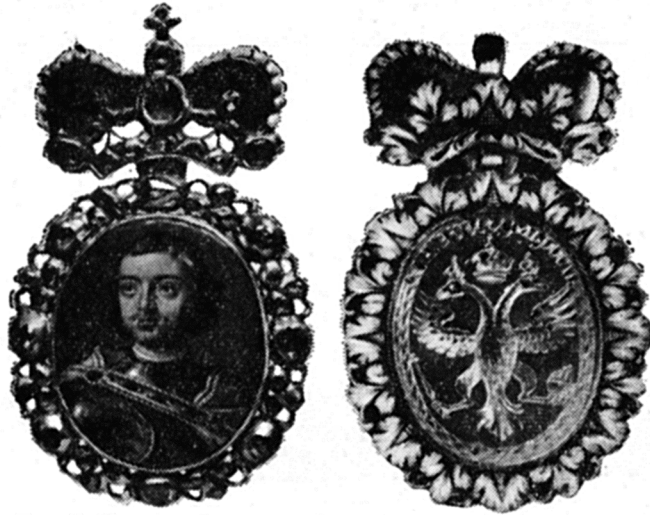

Рис. 3. Наградной портрет Петра I.

В случае, если готовых портретов не окажется, предписывалось их «сделать нарочно» и прислать как можно скорее.

Вполне возможно, что речь здесь идет о наградных портретах за Полтавское сражение, со времени которого прошло менее двух месяцев. Если это так, то портреты должны были получить лишь немногие избранные.

В Государственном историческом музее хранится наградной портрет Петра I, выданный за военные заслуги. Об этом говорит надпись на оборотной стороне портрета «LA VERTU — ХРАБРОСТЬ» ** (рис. 3). Выше мы уже говорили о другой награде этого типа — портрете «За Лесное». В настоящее время из знаков отличия — портретов, относящихся определенно к военным наградам, нам известны лишь эти два памятника ***. Возможно, что второй из них, находящийся в ГИМ, связан с полтавскими событиями.

* Портреты предназначались в награду высшим военным чинам. Полагать так дает основания один из пунктов доношения, представленного 29 мая 1711 г. Г. Ф. Долгорукому: «...Просит господин генерал-лейтенант Флюк себе и штаб-офицерам своим заслуженного жалованья и за Левенгоупскую под Лесным баталию портрету, за которую будто иным ево братья, генералом давно дано...» (Письма и бумаги Петра Великого, т. II, вып. 1, стр. 252).

¹⁷ Журнал Петра Великого, ч. I, стр. 239.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 160, д. 1, л. 194—194 об.

** Знак этот уже неоднократно воспроизводился в литературе (см., например, Е. С. Овчинникова. Портрет в русском искусстве XVII века. М., 1955, стр. 127; Т. Гольдберг, Ф. Мишуков, Н. Платонов, М. Постникова-Лосева. Русское золотое и серебряное дело XV—XX веков. М., 1967, илл. 42). Как правило, давалось изображение лишь лицевой стороны знака, наиболее интересной в художественном отношении. Для нас же и оборотная сторона представляет большой интерес, так как на ней имеется надпись, позволяющая отнести памятник к военным наградам. С разрешения Отдела драгоценных металлов ГИМ, в котором хранится этот знак, мы приводим его фотографию.

*** Известно довольно большое число финифтяных миниатюр Петра I, но отсутствие соответствующих надписей на оборотной стороне всех портретов, за исключением двух названных выше, не позволяет отнести их к наградам военного характера.

Из числа лиц, награжденных за Полтаву портретами, особо был выделен комендант города А. С. Келин, руководивший обороной крепости. Гарнизон Полтавы, насчитывавший лишь несколько более четырех тысяч солдат и около двух с половиной тысяч вооруженных горожан¹⁹, выдержал трехмесячную осаду и отбил несколько штурмов значительно превосходящих сил шведской армии. За этот подвиг А. Келин был «из полковников пожалован генерал-майором, немалую суммою денег и богато осыпанным (драгоценными камнями.— В. Д.) государевым портретом, и все при нем бывшие отлично же награждены»²⁰.

В литературе существует мнение, что все полковники петровского времени носили миниатюрные портреты Петра I²¹. В связи с этим представляет интерес отрывок из одного документа того времени, опубликованного в конце XIX в.

В Полтавском сражении участвовал бригадир Ф. В. Шидловский, командовавший в этом бою двумя полками — Харьковским и Изюмским²². В росписи его «пожитков», относящейся к 1711 г., перечислены среди прочих следующие предметы: «...Клейноты царского величества: I золотой круг оставлен алмазы на золотой травчатой цепи, а алмазов числом больших и меньших 56, на цепях посередине яхонт червчатой, на конце цепей лал белый; другой круг алмазы наверху корона алмазная же в золоте, алмазов больших и меньших и искор 61; третий тисненный золотой, в нем весу 12 червонных с коронкою, вокруг алмазов больших и меньших 40...»²³.

Первый и третий предмет в этой росписи отнести к портретам нельзя, так как в первом случае назван «золотой... на золотой травчатой цепи», на которой в петровское время носили лишь золотые офицерские медали*, а третий предмет назван «тисненным золотым», то есть медалью, чеканенной, «тисненой» на монетном дворе. Второй же знак вполне мог быть наградным портретом. Здесь мы коснулись еще одной группы наград за Полтавское сражение.

Россия была первой страной, которая начала чеканить** боевые медали современного нам вида, предназначенные для массового награждения солдат и офицеров, опередив в этом отношении на целых полстолетия остальные государства Европы.

Русские наградные медали первой четверти XVIII в. изготавливались в двух металлах — золоте и серебре. Государство, несмотря на отмеченный выше принцип массового пожалования, очень четко различало награждаемых

¹⁹ Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сборник статей. М., 1959, стр. 47.

²⁰ И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России..., т. 4, изд. второе. М., 1838, стр. 82.

²¹ А. А. Васильчиков. О портретах Петра Великого. М., 1872, стр. 117; Памятники русской культуры первой четверти XVIII века в собрании... Эрмитажа. Каталог. М.— Л., 1966, стр. 51.

²² Материалы для служебной деятельности Шидловских в Слободской Украине 1696—1727 гг., собранные и изданные С. И. Шидловским. СПб., 1896, стр. 3.

²³ Там же, стр. 88.

* Наградные портреты Петра I носились в петлице на ленте голубого («андреевского») цвета.

** Русские наградные медали начала XVIII в. чеканились на Кадашевском монетном дворе в Москве, подчинявшемся военно-морскому ведомству. Так как поводом для их появления, как правило, становились события военного характера, то вполне естественно, что медали изготавливались именно на этом дворе, а не на других дворах, подчинявшихся гражданскому приказу Большой казны. Но дело не только и даже не столько в этом. Чеканка больших золотых и серебряных медалей, требующая особых технических приспособлений, была возможна в это время лишь на Кадашевском монетном дворе, обладавшем всем необходимым для этого оборудованием. Технология изготовления медалей была в основном такая же, как и монетная. И по внешнему виду медали, особенно первых лет чеканки, во многом похожи на монеты того времени. Даже штемпели и монет, и медалей вырезали одни и те же мастера — С. Гузн, Г. Гаупт, Ф. Алексеев и др. (см.: Е. С. Щукнина. Медальерное искусство в России XVIII века, стр. 13—26).

по социальному и имущественному положению. Золотые медали предназначались в награду офицерам, серебряные — солдатам и матросам.

О награждении офицеров, участвовавших в Полтавском сражении, золотыми медалями сообщают многие источники²⁴, но никакими сведениями о золотых офицерских медалях за Полтаву и об их изготовлении на монетном дворе мы не располагаем. Серебряные же «полтавские» медали дошли до нас в большом числе, и документов, связанных с их изготовлением на Кадашевском монетном дворе, известно сравнительно много.

Устное распоряжение о награждении участников Полтавского сражения медалями было сделано, как мы знаем, вскоре после этого события, но

Рис. 4. Унтер-офицерская медаль за Полтавское сражение.

официальный указ об их изготовлении последовал лишь 8 февраля 1710 г., причем речь в нем шла только о серебряных наградах для низших чинов — солдат, капралов и урядников (унтер-офицеров) гвардейских Семеновского и Преображенского полков²⁵.

К февралю относится запись, сделанная в приходно-расходной книге Кадашевского монетного двора: «...велено сделать на монетном дворе для урядников, капралов и солдат Преображенского и Семеновского полков за Полтавскую баталию 10 000 рублей»²⁶. Эта не совсем четкая запись уточняется в той же книге несколько далее: «...Взято из монастырского приказа на дело жалованных медалей 10 000 рублей, на которые велено покупать для дела тех медалей серебряного ряда купчинам серебра...»²⁷.

По присланным в адмиралтейскую канцелярию 11 и 20 февраля 1710 г. ведомостям в Полтавском сражении участвовало 4555 нижних чинов Семеновского и Преображенского полков²⁸. Первоначально предполагалось изготовить серебряные медали, равные по цене двум месячным окладам награжденных солдат и унтер-офицеров. Но оказалось, что их оклады, в зависимости от звания и выслуги лет, очень различны, и, чтобы выполнить первоначальное решение, как сообщал в своем письме дьяк адмиралтейского приказа А. Беляев, управлявший Кадашевским монетным двором, пришлось бы вырезать около 30 пар штемпелей, причем некоторые из них были бы «слишком большими... и к тиснению в станах неместительны»²⁹.

В конце концов, после долгой переписки между А. Беляевым и Адмиралтейством, осенью 1710 г. было решено чеканить серебряные полтавские

²⁴ Журнал Петра Великого, т. I, стр. 239; И. И. Г о л и к о в. Деяния Петра Велико-го..., т. 4, стр. 82; Дневник военных действий Полтавской битвы. — Труды Русского военно-исторического общества, т. III. СПб., 1909, стр. 291, 294.

²⁵ П. О. Б о б р о в с к и й. История Преображенского полка, т. II, приложение. СПб., 1904, стр. 65—66.

²⁶ ЦГАДА, ф. 19, д. 128, л. 11 об.

²⁷ Т а м же, л. 15.

²⁸ ЦГА ВМФ, ф. 233, д. 1, л. 7.

²⁹ Т а м же, л. 3—4.

медали в двух весах: урядничьи (унтер-офицерские) — весом в 19 золотников, ценою в 3 рубля 24 алтына 4 деньги «против двумесячной дачи», и солдатские — весом в 10 золотников, ценою в 2 рубля, также равнявшиеся двум средним месячным солдатским жалованьям³⁰. Из купленных для этой цели 20 пудов серебра на Кадашевском монетном дворе было отчеканено 4618 медалей³¹.

Известны как унтер-офицерские («урядничьи»), так и солдатские серебряные медали «За Полтавскую баталию», первые весом в 81 г, вторые — ок. 42 г, что точно соответствует указанным выше нормам в 19 и 10 золотни-

Рис. 5. Солдатская медаль за Полтавское сражение.

ков. Кроме разницы в весе, эти медали различаются и по изображениям. На оборотной стороне «урядничьих» медалей изображено сражение конницы*, солдатских — пехоты (рис. 4,5). Штемпели лицевых сторон унтер-офицерской и солдатской медалей резал С. Гуэн, штемпели оборотных — Г. Гаупт. Они подписали свои работы. Носились медали на голубых «андреевских» лентах в петлице.

Встречаются копии унтер-офицерских «полтавских» медалей, сделанные в более позднее время медальером Б. Скоттом, работавшим в России в середине XVIII в., и его учениками С. Юдиным и Т. Ивановым. Копии солдатских медалей «За Полтавскую баталию» неизвестны.

Таким образом, на примере награждения участников Полтавской битвы мы можем наблюдать процесс сложения новой наградной системы России в начале XVIII в. Вводятся новые формы наград, учреждаемые, как правило, за конкретное выигранное сражение. Несмотря на внешне демократическую форму массового награждения, строго соблюдается иерархический принцип. Классовый характер новой наградной системы остается неизменным.

³⁰ ЦГА ВМФ, ф. 233, д. 1, л. 83.

³¹ ЦГАДА, ф. 19, д. 128, л. 82 об. В течение всей первой четверти XVIII в. наградные медали чеканились монетным двором без ушка, хотя и предназначались для ношения. Это можно объяснить отсутствием технических возможностей для чеканки медалей сразу с ушком. Получивший награду должен был сам приспособлять ее для ношения (первые русские наградные медали, имевшие ушки, были отчеканены лишь в 1760 г., см.: ПСЗ, т. XV, № 11089).

* В литературе, особенно ранней, можно встретить предположение, что «унтер-офицерские» медали являются либо копиями в серебре золотых офицерских наград (см. например: А. Н. Л у п о л. Нумизматические памятники Полтавского сражения в собрании Государственного исторического музея. Сб. Полтава..., стр. 409—410), либо самими этими офицерскими наградами (Ю. И в е р с е н. Медали на деяния императора Петра Великого... СПб., 1872, стр. 26). Конечным недоразумением положили работы Е. С. Шукиной (Медальерное искусство в России в XVIII в. Л., 1962, стр. 22; Памятники русской культуры первой четверти XVIII в. Л., 1966, № 878—879). Мы же лишь дополнили эту атрибуцию известными нам архивными документами.

ЧЕРНИГОВСКИЕ ШКОЛЬНЫЕ МЕДАЛИ XVIII В.

И. Г. СПАССКИЙ

(Ленинград)

Труд А. Ф. Шафонского — описание Черниговщины конца 80-х годов XVIII в.¹ — освещает состояние народного образования в Чернигове как раз накануне открытия там первой светской общеобразовательной школы — народного училища Черниговского наместничества.

«Бедное содержание учителей, а от того и недостаток в хороших учителях и в книгах причиною, что наука и просвещение по сие время в сем краю весьма в худом и бедном состоянии находятся... Лет за сорок назад, когда малороссияне кроме самой Малой России нигде не искали службы, дворянские и самых почтеннейших дети, обучась дома русской грамоты, вступали в латинские школы, и обучаясь там лет десять и больше латинского языка, затруднительного и темного стихотворства, красноречий и философии, будучи уже в возмужалых летах, вступали в гражданскую службу, зачиная оную в бывшей войсковой генеральной канцелярии и после в малороссийской коллегии канцеляристами, не поставляя то себе нисколько за стыд и подлость, но с удовольствием приутопляя себя к заступлению разных должностей. Ныне по неимению еще порядочных гимназий и университетов достаточные дворяне содержат учителями иноземцев, а другие отдают в Москве, Петербурге и других местах в училища, в кадетские разные корпусы, а некоторые посылают в чужие края, так что уже в малороссийских латинских школах одни почти поповские и другие церковнические дети учатся»².

Имевший в виду интересы дворянства, А. Шафонский в своем обзоре не упоминал наиболее многочисленные тогда в городах и селах Украины «русские школы» при церквях, где дьячки и пономари обучали элементарной грамоте детей прихожан. Но в статистической части его труда они отмечаются; в Чернигове их было шесть, в Нежине семь и т. д.³

Когда писал Шафонский, Чернигов находился в ожидании больших перемен в области образования. В связи с секуляризацией монастырских владений и сокращением числа самих монастырей, адресованный Синоду указ от 10 апреля 1786 г. предусматривал для Чернигова «обратить Троицкий Ильинский монастырь для помещения Университета, в сем городе учреждаемого, Пятницкий женский для главного народного училища Черниговского наместничества, заводимого от комиссии об установлении народных училищ»⁴.

Вопрос о создании высшей светской школы на Украине уже не был нов⁵, но осуществление желаний дворянства в этой части впервые казалось таким реальным и близким. Однако и на этот раз университет остался в области благих намерений. Тот же Шафонский писал в 1794 г. в письме А. С. Сулиме: «Об учреждении здесь (в Чернигове.— И. С.) гимназии и университета указ давно вышел, но к тому ни малейшего начала еще нет»⁶. Шафонский, несомненно, имел в виду адресованный комиссии об учреждении училищ

¹ А. Шафонский. Черниговского наместничества топографическое описание, ч. 1, 2. К., 1851. Труд А. Ф. Шафонского завершен в 1786 г., немногие дополнения вносились двумя-тремя годами позже.

² А. Шафонский. Указ. соч., стр. 34, 35.

³ А. Шафонский. Указ. соч., ч. 2, стр. 286, 452; М. Сухомлинов. Училища и народное образование в Черниговской губернии.— ЖМНП, 1864, ч. 121, отд. III, стр. 1—94.

⁴ ПСЗ, т. XXII, № 16 375.

⁵ См.: Л. Миловидов. Проекти вищої школи на Чернігівщині (1760—1803).— Записки Чернігівського наукового товариства, т. I. Праці історично-краєзнавчої секції. Чернігів, 1931, стр. 65—89.

⁶ А. Лазаревский. Четыре письма А. Ф. Шафонского к А. С. Сулиме о порядках обучения в Галльской педагогии, 1794—1797 годов.— Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. 14, вып. 2. К., 1900, стр. 75.

указ от 29 января 1786 г. «О составлении плана для заведения университетов в Пскове, Чернигове и Пензе», в котором предлагалось, «чтоб она приступила к сочинению плана университетам и гимназиям, в разных местах империи... заводимым»⁷. Гимназии в этом указе рассматриваются как первая ступень университетского образования.

Дело учреждения в Чернигове университета, действительно, не только не сдвинулось с места, но тогда уже явно было снято с очереди, поскольку еще в 1790 г. даже предназначавшееся для университета помещение было возвращено церковным властям. Однако вслед за опубликованием указа от 3 ноября 1788 г. «От открытия главных народных училищ в губерниях»⁸ в Чернигове открылось и уже функционировало с 1789 г. в помещениях бывшего женского монастыря св. Параскевы главное народное училище с четырехгодичным курсом обучения. Через полтора десятка лет, в 1805 г., оно было реорганизовано в гимназию. Уездные училища с несколько более скромной программой обучения открылись тогда же в Новгород-Северске, Нежине, Стародубе и Глухове. Во всех этих школах в первые же годы дети дворян составляли до $\frac{2}{3}$ учащихся⁹.

Шафоновский положительно оценивал новую школу. В цитированном выше письме из Чернигова он сообщал: «не держу никакого учителя, и мой сын ходит в публичные классы здешнего главного народного училища, в котором больший мой сын довольно успел и с хорошим основанием поехал» (за границу.— *И. С.*)¹⁰.

Черниговская семинария, прежде именовавшаяся «коллегиумом», но которую по более старой привычке все еще называли «латинскими школами» или просто «школами» (во множественном числе из-за особой структуры)¹¹, с появлением сети подчиненных единой, утвержденной государством, программе губернских и уездных светских училищ, должна была окончательно утратить принадлежавшую ей некогда роль «общеобразовательной» гуманитарной школы для дворянства и бесповоротно определиться как «профессиональное» духовное учебное заведение.

Небольшие частные пансионы в Чернигове или в Нежине, о которых имеются упоминания¹², мало что могли дать новой школе в части опыта по организации учебного и воспитательного процесса,— не говоря уже о семинарии с ее средневековым и нищенским бытом, или, тем более, о «подлых» дьячковских школах, которым дворянская школьная реформа 80-х годов XVIII в. объявляла войну на уничтожение¹³. Опыт этот черпался в Петербурге, куда имели возможность посылать детей для образования обеспеченные дворяне Черниговщины. Своеобразными памятниками такого влияния и являются рассматриваемые ниже редкие нумизматические памятники черниговского школьного дела.

В коллекции русских медалей Отдела нумизматики Эрмитажа издавна хранятся две небольшие серебряные медальки с ушками, привлекающие внимание прежде всего тем, что изготовлены они явно не на Монетном дворе в обычной технике чеканки (как огромное большинство медалей этой коллекции), а способом кустарной отливки с последующей обработкой резцом. На одной стороне медалей находится рельефное изображение герба города Чернигова и наместничества — орел с повернутой вправо коронованной головой сжимает левой лапой конец древка длинного четырехконечного креста, пересекающего наискось грудь орла, с перекрестьем слева от головы;

⁷ ПСЗ, т. XXII, № 16 315.

⁸ Там же, № 16 726.

⁹ М. Домонтович. Черниговская губерния. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1865, стр. 454 и след.

¹⁰ А. Лазаревский. Указ. соч., стр. 75.

¹¹ А. Шафоновский. Указ. соч., ч. 2, стр. 280; Ф. Гумилевский. Историко-статистическое описание Черниговской епархии, кн. 2. Чернигов, 1873, стр. 107—137.

¹² М. Домонтович. Указ. соч., стр. 456.

¹³ М. Сухомлинов. Указ. соч., стр. 7—8.

изображения по-разному обрамлены выпуклыми ободками. На другой стороне обеих находится одинаковая надпись, врезанная вглубь, в трех строках: «За прилѣжаніе и благонавіе», а четвертую заполняет дата: «1794 года» на одной, «1796 года» на другой (рис. 1, инвентарные № 1821 и 1822, вес 8,87 и 8,66 г, диаметр 28 и 30 мм).

Обе медали позолочены: видно, что их носили — позолота поистерлась, а ушко медали 1794 г. заметно потерто пропущенным через него колечком. Вторая медаль только с ушком, без кольца.

Помещенный на медалях герб бесспорно относит их к Чернигову или к Черниговскому наместничеству, и нам ничего не остается, как признать их

Рис. 1. Черниговские школьные медали 1794 и 1796 гг.

сама формула надписи на них. Она непосредственно заимствована из раздела «Ободрения ученикам» в «Уставе народным училищам», утвержденном в 1786 г. «Имена учеников, отличивших себя успехами в науках прилежанием и благонавием, провозглашаются перед всеми присутствующими по окончании каждого открытого испытания, а потом вносит их учитель в записную свою книгу, дабы память их сохранить в пример будущим их товарищам»¹⁴. Однако же в «Уставе» ни слова нет о медалях! Он предусматривает награждение отличившихся только «учебной книгой в хорошем переплете за собственным написанием директора народных училищ, что она такому-то подарена за оказанные успехи, прилежание и благонавию (курсив в тексте указа.— И. С.) от приказа общественного призрения»¹⁵.

Отсюда следует важный для нас вывод о том, что употребление в Чернигове для награждения учащихся медалей взамен книжек относится уже целиком к области местной инициативы.

Награда-книжка является для нас эквивалентом, определяющим скромное значение этих медалей среди воспитательных средств, которыми располагало училище. Надежным показателем являются и явные следы ношения этих медалей. Вполне очевидно, что их могли носить учащиеся, но никак не окончившие училище. Это были внутришкольные знаки отличия, которыми в торжественной обстановке школьных актов награждались лучшие ученики при переводе из класса в класс. Не говоря уже о чувствах, которые испыты-

поощрительными наградами упомянутого выше черниговского главного народного училища. Вопрос о принадлежности их к быту семинарии даже и ставить не приходится: в ее «инфиме» или «грамматике с синтаксисом, поэтике, элоквиции, или в философии», как именовались составлявшие семинарию «школы», просто и места не могло быть для подобных знаков отличия, а возможностей для еще какой-нибудь атрибуции уже не остается. Если же выбирать между черниговским главным и одним из названных выше четырех уездных училищ наместничества, то предпочтение придется отдать первому — тем более, что со знаками отличия одного из уездных училищ мы еще встретимся.

Наиболее убедительным доказательством принадлежности рассматриваемых медалей служит

¹⁴ ПСЗ, т. XXII, № 16 421.

¹⁵ Там же.

вали на акте родители «отличников», именно в классе, в стенах школы, носимая учеником медаль могла гораздо активнее, чем надписанная книга, служить средством «наглядной агитации» за успеваемость.

Наличие двух по-разному датированных медалей показывает, что на них обозначалась не какая-то значительная для училища стабильная дата, вроде года учреждения, а всего лишь год награждения, что, в свою очередь, свидетельствует об «одноразовом» использовании медалей: их давали «насовсем», не рассчитывая на то, что иному неудачнику придется и расстаться с «переходящим призом» и отдать его другому. А уверенный в себе обладатель одной награды мог рассчитывать «заработать» и еще одну при переходе в следующий класс.

Если воинская наградная медаль, являющаяся государственным знаком отличия, предназначенным для ношения награжденным на груди, появилась в России со значительным опережением государств Западной Европы, то школьные поощрительные медали официального характера становятся известными как общее для всей Европы явление более или менее одновременно, к середине XVIII в.¹⁶ С этого времени официальные медали поощрения учащихся быстро внедряются в воспитательную практику учебных заведений Петербурга и Москвы, причем они мало чем отличаются от любых других поощрительных медалей-премий, вроде медалей Вольно-экономического общества, Российской академии или даже первых русских спортивных призов — медалей «Придворной карусели» 1766 г. (конно-спортивных костюмированных соревнований). Их объединяет то, что медали-премии, поощрения задумывались именно как призы, вовсе не рассчитанные на роль носимого знака отличия.

Вслед за первой медалью для учащихся Московского университета, учрежденной в 1754 г. и выдававшейся до конца века с дополнительно обозначенной датой выдачи, появляются медали воспитательного дома в Петербурге (1763) — с надписью «за науки и поведение» и многие другие: для воспитанниц Смольного монастыря, с именами награждаемых и датами (надпись «за отличность»), Горного корпуса (1775), коммерческого училища при воспитательном доме (1772). Особый размах медали-премии получили в Академии художеств после 1765 г.: их надписи — «Приблизившемуся», «Приближающемуся», «Достойному» должны были отмечать разные степени успеваемости, причем чеканка в двух металлах — золоте и серебре — удваивала количество возможных «степеней» этих наград.

Подобная же система наград различной значимости была принята и для кадетов сухопутного шляхетского корпуса (1776). Для морского корпуса известен только один вид медали, но все это без исключения медали-премии, без ушек для ношения. В собрании Эрмитажа они представлены множеством именных экземпляров с разными датами, которые, между прочим, в некоторых случаях также позволяют убедиться, что награждались именно учащиеся, но не оканчивающие.

Интересно отметить, что в сухопутном шляхетском корпусе награждаемым кадетам одновременно с медалью вручали особого рода бутоньерку из лент, фольги и тесьмы для пришивания на мундир¹⁷. Не приходится сомневаться, что такая награда, полученная каким-то учившимся в Петербурге местным «паньчом»-барчуком, вдохновила в 1799 г. новгород-северских дам на раздачу во время годовичного торжественного акта в местном народном училище ученикам «примерного прилежания и благонравия» атласных бантиков для ношения на платье¹⁸.

¹⁶ Медали или, скорее, жетоны совершенно неофициального характера для поощрения старательных учеников на Западе делаются известными довольно рано — уже в XVI в. См.: G. E. Gallеr. Schweizerisches Münz — und Medaillenkabinet, bd. I. Bern, 1781, Schul-pfennige, № 1402—1420.

¹⁷ Н и к о л а е в. Исторический очерк о регалиях и знаках русской армии, т. II, 1725—1801. СПб., 1899, стр. 160.

¹⁸ М. С у х о м л и н о в. Указ. соч., стр. 31.

Совершенно такого же рода вдохновляющий пример можно указать и для интересующих нас черниговских медалей. В Петербурге было единственное учебное заведение, не менее популярное на Украине, чем сухопутный корпус — артиллерийский и инженерный корпус, которое, в отличие от всех других, поощряло успехи своих кадетов медалевидными знаками для ношения на мундире¹⁹. Возникшее в 1762 г. военно-учебное заведение для дворянских детей²⁰ было реорганизовано в 1784 г. в соответствии с проектом, подготовленным генерал-поручиком Мелиссино.

Поощрительный знак корпуса был установлен в том же 1784 г.: об этом говорит изданная тогда же брошюра «О преимуществах к получению

Рис. 2. Поощрительный знак артиллерийского и инженерного корпуса 1784 г.

медали за прилежание и доброе поведение. Печатано при артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе»²¹.

Награда представляла собой серебряный позолоченный медальон овальной формы с накладным вензелем Екатерины II в венке из пальмовых ветвей на одной стороне и словами «за прилежание и хорошее поведение» на другой (рис. 2).

Медальон изготовлялся в ювелирной технике, из двух пластинок, соединенных ободком из шариков, и подвешивался за ушко к петлице мундира посредством цепочки; один экземпляр этого знака в коллекции Эрмитажа сохранил цепочку. Ношение подобной «детской» награды на каких-то лентах выглядело бы как посягательство на высокие права орденов. Вернее всего и в Чернигове медали снабжались цепочкой. За возможные в данном случае два—три года ношения ни лента, ни шнурок не потеряли бы так заметно ушки.

Черниговские медали 1794—1796 гг., подобно приведенному выше отыску А. Ф. Шафонского тех же лет, могут свидетельствовать, что черниговцы не были равнодушны к своему училищу и, ставя его на одну доску со специальными учебными заведениями столицы, выражали удовлетворение его деятельностью. Следует сказать, что в Чернигове конца XVIII в., как и вообще на Украине, еще помнившей «Латинские школы» поры их расцвета, открытие новых училищ для «паньчей» выглядело в некотором роде как возрождение, замена пришедшего в упадок. По-старинному несколько «возвышенное» отношение к школе как почетной корпорации еще в начале XIX в.

¹⁹ Николаев. Указ. соч., стр. 160.

²⁰ ПСЗ, т. XVI, № 11 696.

²¹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. II. М., 1964, № 4760.

сказывалось в таком обычае, как существование школьных знамен: каждый класс располагал своим «значком», за которым следовал в процессиях, подобно цеховой организации²².

К сожалению, документация Эрмитажа в отношении интересующих нас медалей почти ничего не дает. Их не называет каталог, составленный в 1858 г., но в нынешнем каталоге, написанном в 20-х—30-х годах ХХ в. А. А. Ильиным, они записаны как предметы старого дореволюционного фонда, хотя в чистовых книгах поступлений соответствующего периода не значатся.

В черновой записной книге Минцкабинета, в которую с 1859 по 1875 г. записывали для памяти разные сведения, имеется небрежная пометка: «11 декабря 1860. Черниговская медаль, купленная в Париже»²³. Эта запись, однако, не перешла в книгу поступлений, тогда как соседние пометки такого же рода отыскиваются в записи, со ссылками на имеющиеся документы эрмитажного архива. Может иметь значение и отсутствие в этой записи даты самого предмета — признака, столь ценимого нумизматикой. При этом еще следует иметь в виду, что в первой половине XIX в. выражение «черниговская медаль» имело совершенно определенный смысл и очень часто встречалось в тогдашней исторической и археологической литературе, когда говорилось об известном золотом змеевике, найденном около Чернигова в 1821 г., причем огромное распространение имели всевозможные копии его²⁴.

Объяснением отсутствия сведений о появлении интересующих нас медалей в Эрмитаже может быть и то, что с позиций ортодоксальной нумизматики, да еще в императорском музее, они могли представляться «не настоящими», чем-то вроде подделок, поскольку были изготовлены не на Монетном дворе. В Эрмитаже в XIX в. уже формировалось собрание всевозможных поддельных монет и медалей, куда порой попадали и вещи, остававшиеся просто неразгаданными, но оно никаких описей не имело, а поступавшие в него предметы, хотя бы их и дарил кто-нибудь, нигде не фиксировались²⁵. Чтобы провести какой-либо предмет по всем книгам, основной документ должен был пройти через придворную контору и быть доложенным императору; именно поэтому сомнительные в самых разных планах вещи могли быть взяты в Эрмитаж, но никак не оформлялись.

Несмотря на приведенную выше запись, представляется наиболее вероятным, что обе медали попали в Эрмитаж скорее всего вместе, более простым путем (завезены в столицу каким-нибудь черниговцем).

В связи с высказанными выше предположениями следует упомянуть, что Чернигов и Черниговщина в течение нескольких десятилетий имели своего «представителя» среди петербургских любителей нумизматики. Это был Г. И. Лисенко (1784—1842)²⁶, страстно увлекавшийся русскими монетами. С иностранными монетами и даже с русскими медалями, хотя бы и очень редкими, он легко расставался как с обменным материалом. За понадобившиеся ему русские монеты он готов был отдавать все, от фамильных реликвий до документов семейного архива. Именно так ушли от него к сенатору

²² См.: И. М. Долгорукий. Славны бубны за горами или путешествие мое коекуда 1810 г.— ЧОИДР, 1869, кн. 2, стр. 40, 48 (Белгородская семинария, Харьковский коллегиум).

В Одессе, посетив частный пансион иностранца Волсея, Долгорукий обратил внимание на то, что ученики примерного поведения получают для ношения в течение недели особый знак на ленте, который затем передается другому (там же, стр. 150). Подобные «переходящие» поощрения характерны для западной школы, что и не удивительно, так как этот привилегированный пансион — будущий Ришельевский лицей — был созданием иезуитской педагогической школы.

²³ Архив Эрмитажа, оп. 6, «II», № 141.

²⁴ См.: И. И. Толстой. О русских амулетах, называемых змеевиками.— Записки имп. Русского археологического общества, т. III, 1888; А. С. Орлов. Амулеты «змеевики» Исторического музея. Отчет ГИМ за 1916—1925 гг. М., 1926, стр. 26 (9 копий в коллекции ГИМ).

²⁵ См.: И. Г. Спасский. По следам одной редкой монеты. Л.—М., 1964, стр. 47.

²⁶ См.: И. Г. Спасский. Очерки по истории русской нумизматики. Нумизматический сборник (Труды ГИМ, вып. XXV). М., 1955, стр. 87—91.

Ф. А. Толстому грамота царя Михаила Федоровича, автографы Петра I и Феодосия Углицкого. Сохранившийся каталог коллекции Г. Лисенко пестрит записями об обменах*.

Более чем вероятно, что Г. Лисенко и сам был питомцем Черниговского училища в 90-х годах XVIII в. В самом деле, родившийся в с. Дягове Сосницкого уезда сын заседателя Сосницкого нижнего земского суда И. В. Лисенко²⁷, Григорий Иванович появился в Петербурге в 1803 г., 19 лет от роду, с целью приискания службы через многочисленных «родственников и свойственников», в чем и преуспел вполне, обладая довольно приличной подготовкой. В Чернигове у него оставалось немало родни, да и в Петербурге он держался земляков, среди которых нашел себе и душеприказчиков²⁸, которым пришлось быть свидетелями грустного конца коллекции и всего скромного достояния умершего одиноким собирателя: их отсудил, захватил и распродал в Петербурге один из его кредиторов.

Из имущества Г. Лисенко — до или после его смерти — могли уйти и обе медали, если не его собственные, то раздобытые им в Чернигове. Разумеется, это лишь предположение, еще нуждающееся в проверке.

Черниговские медали — наиболее ранние для Украины школьные медали; в других ее учебных заведениях они появятся только в XIX в. Кроме того, они представляют собой интересные памятники украинской медали вообще. Ранее мы знаем ее только в виде дукачей — традиционных женских украшений, изготовлявшихся в мастерских местных ювелиров-золотарей. Но дукачи были только репликами западноевропейских или русских медалей, здесь же черниговский золотарь впервые создает медаль в соответствии с ее назначением.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ БОНЫ УКРАИНЫ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.

А. П. ШИШКИН
(Днепропетровск)

Среди суррогатов денег, выпускавшихся в некоторых областях нашей страны как в дореволюционное, так и в советское время, особое место занимают металлические боны и различного рода жетоны (марки), выполнявшие, главным образом, учетные функции.

Кратковременность и ограниченность их применения, незначительные размеры эмиссий, лаконизм надписей на них и почти полное отсутствие документальных источников привели к тому, что эти любопытные во многих отношениях знаки до сих пор не стали предметом исследования.

В данной статье делается попытка собрать и дать описание известных автору металлических бон, выпускавшихся на территории Украины в конце XIX — начале XX в.

* Один том каталога, озаглавленного «Историко-нумизматическое описание с изображениями русских монет Г. Лисенко», хранится в Отделе рукописей Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (оп. 250, Дестунис), а два тома — в Отделе нумизматики Эрмитажа. См.: т. 2 (в Эрмитаже), л. 9, обмен с Ф. А. Толстым.

²⁷ В. Л. Модзалевский. Малороссийский родословник, т. 3. К., 1912, стр. 139.

²⁸ Отдел рукописей ГПБ, оп. 250, Дестунис, № 216, Завещание Г. И. Лисенко, 1842 г. Душеприказчики — Н. И. Лисенко (1790— в отставке с 1843 г.) и И. И. Домонтович (1815—1895). См.: В. Л. Модзалевский. Указ. соч., т. 3, стр. 140 и т. 2. СПб., 1910, стр. 443; Г. А. Милорадович. Родословная книга Черниговского дворянства, т. II, ч. 3, стр. 184.

«Но боже мой, да останутся труды мои в [России]!» — писал Лисенко в завещании, делая наставления, как реализовать его коллекцию. Желание это исполнилось. Крупные серебряные и медные монеты Г. Лисенко, испорченные массивным клеймом, которое он выбивал на них, встречаются довольно часто. В Эрмитаже недавно удалось опознать по надписям на конвертах массу допетровских монет Г. Лисенко в одном из поступлений 30-х годов XX в.

По-видимому, наиболее ранним выпуском являются монетовидные платежные знаки для Крымского участка Главного общества российских железных дорог.

Создание этого общества было связано с необходимостью постройки сети железных дорог в России, ставшей совершенно очевидной после Крымской войны 1853—1856 гг. Царское правительство намерено было строить железные дороги с привлечением частного капитала, и для этой цели 28 января 1857 г. было создано указанное выше общество, которое обязалось в течение десяти лет построить и затем в течение 85 лет содержать и эксплуатировать семь железных дорог протяженностью более 4000 км.

Поскольку главную роль в обществе играли французские капиталисты, то и на большинство руководящих должностей были приглашены французские инженеры, техники и другие лица, а пост главного директора занял французский инженер Колиньон.

Общество обязалось построить четыре железные дороги: 1) от Петербурга до Варшавы с веткой к прусской границе; 2) от Москвы до Нижнего Новгорода (г. Горький); 3) от Москвы через Курск до Феодосии и 4) от Курска или Орла через Динабург (Двинск) до Либавы (Лиепая).

Со взятыми на себя обязательствами общество не справилось. Финансовые злоупотребления и хищения, нераспорядительность и бесхозяйственность привели к крайней дороговизне сооружения. Только на одну администрацию было израсходовано 32 млн. руб.

В итоге строились только первые две дороги, а от строительства двух других в 1861 г. общество отказалось. К 1868 г. общество уже было должно русскому правительству 89 млн. руб. Такова в кратких чертах бесславная история строительства обществом железных дорог — этой русской «Панамы»¹.

К этому периоду и относится выпуск бронзовых платежных знаков для Крымского участка подрядчиком Троном, который был, по-видимому, одним из французских инженеров.

Знаки эти известны в номиналах 5, 10, 15, 20 и 25 копеек и предназначались для приобретения товаров в лавках общества.

На одной стороне знаков указан номинал, обрамленный лавровыми ветвями, и надпись по окружности — TRONE ENTREPRENEUR — подрядчик Трон.

На другой стороне — надписи: по окружности G^{DE} SOT^E DES CHEMINS DE FER RUSSES — Главное общество российских железных дорог и в центре SECTION DE CRIMEE — Крымский участок (табл. 1., 1)².

Надписи на французском языке явились следствием французского руководства в главном обществе и на участке, хотя язык этот, конечно, был непонятен тем, для кого предназначались знаки, то есть русским и украинским рабочим, строившим железную дорогу.

И. Г. Спасский считает, что эта эмиссия и, возможно, другие, подобные ей, послужили поводом для издания в 1870 г. правительственного закона, запрещающего выпуск и обращение на территории Российской империи каких-либо частных денег³.

Несмотря на запрет, частные боны, в том числе и металлические, периодически появлялись в разных областях государства. Не являлась исключением и Украина. Так, металлические боны применялись в имениях помещиков Глебовых.

В краеведческом музее в г. Бердянске хранится односторонний круглый монетовидный знак из светлой бронзы с надписью ОБИТОЧЕНСКАЯ 100 КОП. ГЛЪБОВОЙ (табл. 1, 2). Село Обиточное Приморского района Запа-

¹ Энцикл. словарь Брокгауза и Эфрона, полутом 16, стр. 782—783, и полутом 22, стр. 772—812.

² Заметка С. И. Чижова в Нумизматическом сборнике, т. II. М., 1913, стр. 331—332; И. Г. С п а с с к и й. Русская монетная система, 4-е изд. Л., 1970, стр. 233.

³ И. Г. С п а с с к и й. Указ. соч., стр. 233.

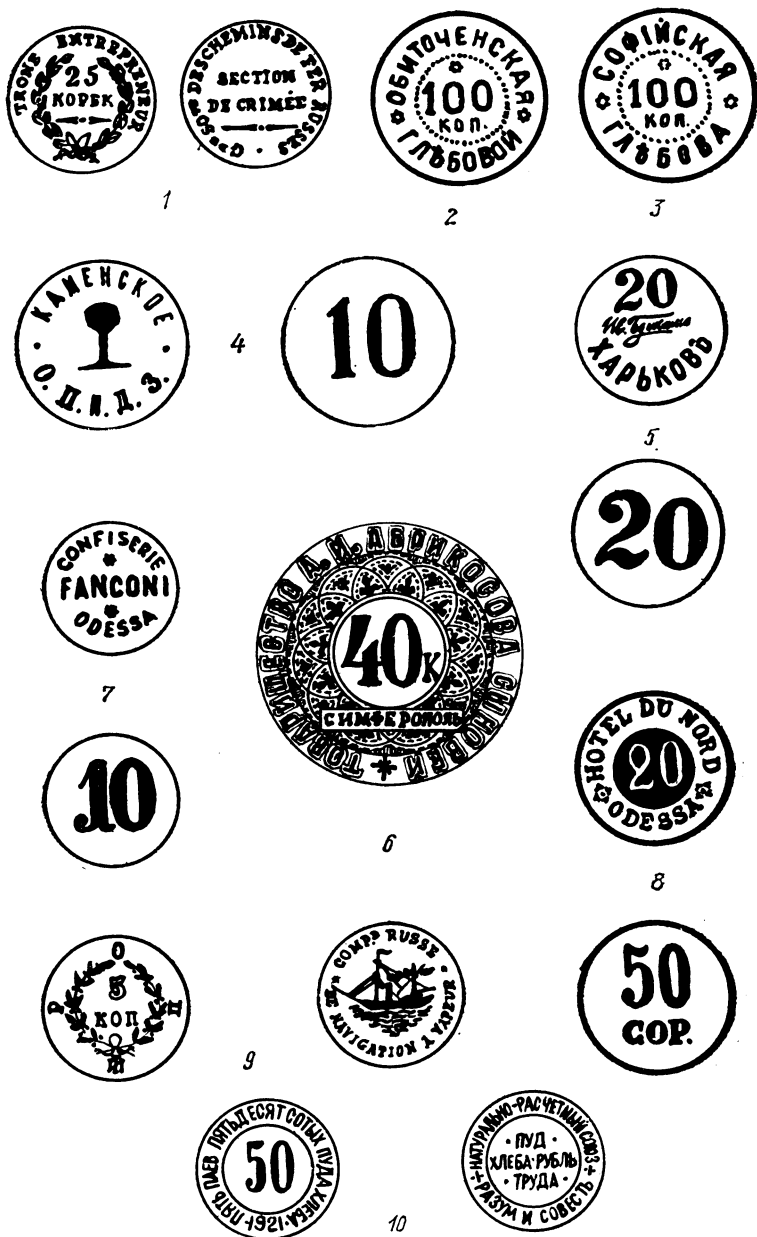

Табл. 1. Платежные знаки:

1 — крымского участка Главного общества российских железных дорог; 2 — лей при Днепровском заводе; 3 — неустановленного владельца, г. Харьков; 4 — г. Одесса; 5 — гостиницы «Северная», г. Одесса; 6 — Российского общества г. Киев; 7 — Криворожского центрального рабочего кооператива; 8 — Венской выставки, г. Одесса; 9 — ресторана Папучиева, г. Одесса; 10 — кафе Ри; 11 — владельца неустановленного заведения,

13

11

12

14

15

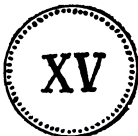
16

17

18

20

19

21

имений Обиточенская и 3 — Софійская; 4 — Каменского общества потребителей — фирмы А. И. Абрикосова, г. Симферополь; 7 — кондитерской Фанкони, парходства и торговли, г. Одесса; 10 — кооператива «Разум и совесть», ричкой экономии; 13—14 — Одесского реального училища; 15 — Промышленшелье, г. Одесса; 18 — Одесского клуба; 19 — фирмы В. Кюк; 20 — конторы г. Одесса.

рожской области принадлежало С. Н. Глебовой⁴ (в настоящее время совхоз «Надежда Республики»).

Известны подобные боны достоинством в 1, 3, 10 и 50 копеек, возможно, были и другие номиналы.

В коллекции В. В. Лукьянова (Ярославль) есть аналогичный знак другого имени с надписью СОФИЙСКАЯ 100 КОП. ГЛЪБОВА (табл. 1, 3). На гладкой оборотной стороне пунсоном выбита цифра 6, вероятно, порядковый номер для учета выпущенных бон.

Эти жетоны должны были подменять денежные знаки внутри имени — ими оплачивался труд сельскохозяйственных рабочих и крестьян. Принимались они только в лавках Глебовых, что давало возможность помещикам извлекать дополнительную выгоду. Такой же характер имеют жетоны Веприцкой экономии. Они представляют собой односторонние бронзовые боны с надписью по окружности ВЕПРИЦКАЯ ЭКОНОМИЯ и цифрой в центре. Нам известны экземпляры с цифрами 15, 20 (табл. 1, 12), 25 и 30, но, вероятно, были и другие.

В местечке Веприк, недалеко от г. Гадяч Полтавской области, было имение, принадлежавшее в конце XIX и начале XX в. Веприцкому промышленному и торговому товариществу на паях, владевшему здесь 2400 десятинами пахотной земли, свеклосахарным и конным заводами. Это товарищество, организованное в 90-х годах XIX в., было акционерным объединением крупных землевладельцев Масюкова, Лещинского и Мельника. Возглавлял товарищество Мельник, имевший банк в г. Гадяч⁵. В настоящее время эти земли принадлежат колхозу «Заповіт Ілліча».

Другим видом металлических знаков, выпускавшихся на Украине, являются марки Каменского общества потребителей при Днепровском заводе — круглые монетовидные знаки из светлой бронзы номиналом 1, 2, 3, 5, 10 и 15 коп., а по некоторым данным еще и 1 руб. Они имеют на одной стороне надпись КАМЕНСКОЕ О. П. п. Д. З. и изображение рельса в сечении, на другой стороне — номинал (табл. 1, 4).

Днепровский завод был построен в с. Каменское (теперь г. Днепродзержинск) в 1887—1889 гг. Южно-Русским Днепровским металлургическим обществом. Потребительское общество при заводе возникло в начале 90-х годов прошлого века. По-видимому, к этому времени относится и выпуск описанных выше знаков.

Нужно отметить, что потребительские общества в России, начавшие создаваться с 60-х годов XIX в., широко применяли так называемую «марочную» систему, заимствованную из Германии. Эта система заключалась в выпуске специальных платежных знаков (марок), часто металлических, но иногда и бумажных, выдававшихся членам — пайщикам. По ним со скидкой отпускались товары и продукты торговцами, с которыми общество заключало договора, а также и в собственных лавках общества. Марочная система давала возможность предоставлять льготы членам общества, а также позволяла вести учет суммы закупок того или иного пайщика, что было необходимо при распределении прибыли общества.

Время применения металлических марок Каменского общества потребителей, вероятно, было непродолжительным, так как старые рабочие и служащие завода (сейчас Днепродзержинский металлургический завод им. Ф. Э. Дзержинского), работавшие в последние годы XIX—начале XX вв., уже не помнят применения марок в то время.

Жетоны различного назначения выпускались и в других городах Украины. В Киеве металлические боны нескольких номиналов выпустила фирма Р. Хмельницкого. Известны бронзовые платежные знаки с неразборчивым факсимиле подписи владельца, цифрой номинала и указанием места

⁴ Россия. Полное географическое описание нашего отечества, под ред. В. П. Семенова, т. 14. СПб., 1898 (далее — Россия...), стр. 623.

⁵ Россия..., том 7. СПб., 1903, стр. 425; Історія міст і сіл УРСР. Полтавська область. К., 1967, стр. 169—170.

выпуска — г. Харьков. Размер их различен в зависимости от достоинства. Известны экземпляры с цифрами 5, 10, 20 (табл. 1, 5), 50 и 3.00.

Широкое распространение подобные знаки получили в Одессе. Некоторые частные учреждения Одессы в дореволюционное время применяли металлические жетоны, не являвшиеся суррогатами денег, а служившие только средством внутреннего учета, например в ресторане, кафе или другом подобном заведении. В начале смены официант получал под отчет эти жетоны на определенную сумму, а в конце смены по ним рассчитывался с кассой. Таким образом, к клиентам они не попадали и в какой-то мере заменяли современные кассовые чеки.

Известны металлические жетоны кафе-кондитерской Фанкони, гостиницы «Северная», Одесского реального училища, ресторана В. Папучиева (табл. 1, 16), ресторана при Промышленной выставке и еще нескольких заведений.

Жетоны кондитерской Фанкони (по ул. Екатерининской 15, теперь ул. Карла Маркса) сделаны из белого металла и известны разных типов. Они имеют цифру номинала (5, 10, возможно, были и другие) и надпись CON-FISERIE FANCONI ODESSA (табл. 1, 7).

Жетоны гостиницы «Северной» (помещалась в доме № 12 по Театральному пер., теперь пер. П. И. Чайковского) изготовлены из светлой бронзы. На одной стороне помещен только номинал (нам известны 10, 15 и 50 коп.), на другой стороне надпись HOTEL DU NORD ODESSA и числа, надчеканенные пуансонами (табл. 1, 8). Последние, возможно, обозначают условный номер официанта в ресторане или номер в гостинице, обслуживаемый этим официантом.

Одесское реальное училище помещалось рядом с кирхой в доме № 2 по Лютеранскому переулку. Известны его металлические знаки с буквами ОРУСП номиналом 1, 2 (табл. 1, 13—14) и 3 копейки ⁶.

В 1910 г. в Одесском парке (теперь парк им. Т. Г. Шевченко) была организована Промышленная выставка, при которой функционировал ресторан, также применявший свои бронзовые платежные жетоны, номиналами 10, 15, 20, 50 и 100 (коп.) с надписью RESTAURANT DE L'EXPOSITION A ODESSA (табл. 1, 15) ^{*}.

Кроме описанных выше нам известны платежные жетоны: с изображением якоря и надписью CAFE RICHELIEU (Кафе Ришелье) на одной стороне и «20» — на другой (табл. 1, 17), принадлежавшие Ришельевской гостинице; жетоны Одесского или Английского клуба с надписью ОДЕССКИЙ КЛУБ 1866 и цифрами X, XV, XX на другой стороне (табл. 1, 18); жетоны филиала варшавской фирмы В. Киок, производившей пиво, с восьмилучевой розеткой и надписью В. КЮКЪ и К° ОДЕССА на одной стороне и номиналом «10» — на другой (табл. 1, 19); восьмиугольный жетон с цифрой «12» и надписью КОНТОРА КОРОБОЧНАГО СБОРА — ОДЕССА на одной стороне и изображением лебедя на другой (табл. 1, 20), связанный со взиманием на одесских рынках особого налога за резку птицы, шедшего на нужды еврейской общины; и, наконец, жетон неустановленного заведения: на одной стороне щит с польским гербом Долэнга (подкова, обращенная шипами вниз, над ней крест, внутри ее стрела, щит увенчан короной с нашлемником в виде птичьего крыла, пробитого стрелой), по сторонам от щита номинал (известны с цифрами 10 и 20), внизу надпись — CIESZKOWSKI (Цешковский), на другой стороне в центре номинал, сверху «1885», внизу «ODESSA» (табл. 1, 21).

К Одессе относятся жетоны Российского общества пароходства и торговли, на одной стороне которых помещен номинал (нам известны 5 коп.),

⁶ В. Соколов, М. Иванов. Каталог частных бон. Дополнение. Ростов-на-Дону, 1926.

^{*} Данные о расположении и принадлежности перечисленных одесских заведений см.: Вся Одесса. Адресная и справочная книга всей Одессы с отделом Одесский уезд на 1911 г. Одесса, 1911 г.

окруженный ветвями, и буквы РОПИТ — Российское общество пароходства и торговли, на другой — изображение парохода, окруженное надписью COMP^{IE} RUSSE DE NAVIGATION A VAPEUR — Русская пароходная компания (табл. 1, 9). Жетоны эти употреблялись на пароходах Российского общества пароходства и торговли, основанного в Одессе в 1857 г.

В период гражданской войны в Симферополе любопытные знаки из жести были выпущены для кондитерских магазинов фирмы «Товарищество А. И. Абрикосова — сыновей».

Знаки окрашены в разные цвета. Изображения и надписи также нанесены краской.

Первый выпуск знаков достоинством 5 и 10 коп. с тремя орлами в центре был синего, красного и желтого цветов. Второй выпуск, 10 коп., с одним большим орлом, был желтого и синего цветов. Третий выпуск, с цифрой номинала в центре, состоял из знаков достоинством 5, 10, 20, 30, 40, 45, 50 и 60 коп. Разные номиналы были разного цвета: 5 коп. — желтого, 20 коп. — темно-зеленого, 10 коп. — темно-вишневого, 40 коп. — светло-зеленого (табл. 1, 6), 45 коп. — красного, 50 коп. — коричневого, 60 коп. — желтого. Обратные стороны знаков окрашены в тот же цвет.

В Симферополе же были выпущены жестяные знаки номиналом 1 коп. сестричеством при Александро-Невском братстве. Все симферопольские выпуски опубликованы⁷.

В первые годы Советской власти на Украине также производились немногочисленные выпуски металлических бон отдельными организациями. Цель выпуска этих денежных суррогатов была принципиально иной. Эти знаки появлялись в годы денежной инфляции, катастрофического падения курса рубля и роста цен на продукты и товары.

Стремление как-то удержать покупательную способность заработной платы рабочего и служащего своего предприятия в определенных рамках и вызвало выпуск бон, которые принимались в лавках выпустившей их организации по более или менее твердому курсу.

Наиболее широко известны боны, выпущенные в 1921 г. в Киеве кооперативной организацией — натурально-расчетным союзом «Разум и совесть».

Это была своеобразная попытка взять за основу ценности труд, затраченный на производство хлеба, что нашло отражение и на знаках в виде девиза: «пуд хлеба — рубль труда».

Боны, или, как их называли, «натурчки», были номиналом 1, 2, 5, 10 и 50 натуркопеек из светлой бронзы (табл. 1, 10), и 1, 2, 5, 10 и 20 натуррублей (или пудов) — бумажные.

Инициатором выпуска был председатель этого кооператива М. Калина, причем натурально-расчетный союз, будучи создан в начале 1921 г., в этом же году ликвидировался, и боны были в обращении очень короткий период времени.

О бонах кооператива «Разум и совесть» не раз упоминалось в литературе. В 1926 г. появилась небольшая заметка Б. Бабицкого⁸, а в 1932 г. Н. Багрий довольно подробно остановился на характере этого кооператива, причинах выпуска бон и даже коснулся размеров эмиссии⁹.

О самом натурально-расчетном союзе «Разум и совесть» и о личности его организатора Н. Багрия отзывается крайне отрицательно. Он пишет: «Начать с того, что своеобразность этой кооперативной организации тесно связана с личностью ее организатора и председателя киевского инженера М. Калины... Анархо-синдикалистские замашки М. Калины известны мно-

⁷ В. Соколов, М. Иванов. Каталог частных бон (денежных знаков необязательного обращения), выпущенных на территории СССР, в 1914—1925 гг. Ростов-на-Дону, 1925, раздел «Симферополь», № 44 и 45.

⁸ Б. Бабицкий. Расчетные знаки «Разум и совесть». — «Советский филателист», 1926 № 3 (55), стр. 18.

⁹ Н. Багрий. Чеки «Разум и совесть». — «Советский коллекционер», 1932, № 3 (127), стр. 70—72.

гим киевским рабочим. Отзвуком этих замашек и явился натурально-расчетный союз рабоче-крестьянских артельно-кооперативных объединений «Разум и совесть», как официально именовалась изобретенная Калиной организация»¹⁰.

Далее автор приводит довольно пространную выдержку из печатного заявления натурсоюза, разъясняющего населению цели и задачи, где сказано, что этот кооператив «представляет собой усовершенствованную форму объединения трудящихся, построенную на акционерно-кооперативных началах. Целью этого объединения является организация безденежного трудообмена между жителями села, производящими сельскохозяйственные продукты, и жителями города, производящими ремесленные фабрикаты. Такой трудообмен является единственным средством, способным оградить объединяемых натурсоюзом членов от разрушительного влияния так называемого денежного кризиса. И далее: «Натурсоюз в своих расчетах с входящими в его состав объединениями вместо денежных знаков пользуется хлебными чеками и принимает деньги как товар с переменной ценностью, а хлеб как валюту с постоянной ценностью».

Комментируя это заявление, Багрий пишет, что кооператив, мотивируя «возвышенными целями», никаких процентов или премий за забор товара своим вкладчикам (владельцам чеков) не платил, а следовательно, «пользование своеобразной эмиссией натурчеков должно было приносить большую выгоду натурсоюзу».

В общем, в этой статье Калина обвиняется во всех смертных грехах. Нам кажется, что автор несколько сгустил краски, тем более, что в первые годы Советской власти на местах было много примеров поиска новых путей в экономической жизни общества и далеко не все они были успешны.

В конце статьи Багрий приводит данные о количестве натурчеков, обнаруженных в кооперативе после его ликвидации (табл. 2).

Таблица 2

	Купюры									
	бронзовые (натуркопейки)					бумажные (натуррубли)				
	1 100 пуда	2 100 пуда	5 100 пуда	10 100 пуда	50 100 пуда	1 пуд	2 пуда	5 пудов	10 пудов	20 пудов
Количество	616	1201	396	2772	70	28941	35855	15425	21448	5800

По словам автора, «население... не приобретало натурчеков, так что на руках их почти не имеется... Эти цифры можно считать без особой натяжки и тиражом». По-видимому, и здесь он не совсем прав, но другие данные о размерах эмиссии в литературе отсутствуют. В дальнейшем чеки «Разум и совесть» не раз упоминаются в каталогах и статьях¹¹.

Кроме знаков «Разум и совесть» известны и другие выпуски металлических бон. В том же 1921 г. монетовидные платежные знаки выпустило сельскохозяйственное кооперативное товарищество в Келеберде Кременчугского уезда¹².

¹⁰ Н. Багрий. Указ. соч., стр. 71.

¹¹ В. Соколов, М. Иванов. Каталог частных бон, раздел «Киев»; С. П. Фортинский. Описание советских монет за период с 1921 по 1952 г. Нумизматический сборник, вып. 1. М., 1955, стр. 137; Н. Д. Мещ. Наш рубль. М., 1960, стр. 70; Государственный исторический музей. Монеты и медали СССР. Каталог выставки. М., 1961, стр. 22; М. Глейзер. Советские монеты 1921—1968 гг. — «Филателия СССР», 1969, № 4, стр. 43; А. Мельникова. Твердые деньги. М., 1971, стр. 51 и 2-е изд. М., 1973, стр. 46; И. Г. Спасский. Русская монетная система, 3-е изд. Л., 1962, стр. 210 и 4-е изд. Л., 1970, стр. 241.

¹² С. П. Фортинский. Указ. соч., стр. 137; М. Глейзер. Указ. соч., стр. 43.

Они отштампованы из жести в форме ромба и имеют выпуклое изображение пятиконечной звезды, надпись КЕЛЕБ. С.-Г. К. Т-ВО (Келебердінське сільськогосподарське кооперативне товариство) и букву К (копеек) или Р (рублей), в зависимости от достоинства, а также вдавленные цифры номинала, нанесенные вручную пуансонами.

Известны номиналы 1, 2, 3, 5, 10, 15, 20 и 25 коп., 1, 3 и 5 руб. Экземпляр номиналом 3 коп. этой эмиссии экспонировался на выставке монет и медалей СССР в Государственном историческом музее в Москве в 1961 г.¹³

К началу 20-х годов относится эмиссия Криворожского центрального рабочего кооператива — медные односторонние боны номиналом 5, 10 и 50 коп. (табл. 1, 11). Возможно, были боны и других достоинств. В центре боны обозначен номинал, а по окружности надпись вдавленными буквами: КРИВОРІЗЬКИЙ ЦРК КРАМНИЦЯ. ЛІТ.А.

После проведения денежной реформы и установления твердого курса рубля выпуск денежных суррогатов в СССР постановлением Совета Труда и Оборона от 29 февраля 1924 г. был запрещен.

Рассмотренный выше материал представляет собой одну из неотъемлемых страниц истории денежного обращения Украины дореволюционного времени и первых лет Советской власти. Выпуск подобных денежных суррогатов и учетных знаков практиковался в то же время и в других республиках и областях нашей Родины. Интерес, который представляют металлические боны для историков советского периода, диктуют, по нашему мнению, необходимость составления сводного каталога отечественных металлических бон.

¹³ Монеты и медали СССР. Каталог выставки. М., 1961, стр. 22 (витрина 13).

ПУБЛИКАЦИИ

КЛАД АНТОНИНИАНОВ ИЗ С. ДОЛИННОЕ КРЫМСКОЙ ОБЛАСТИ

И. С. ПИОРО
(Киев)

А. Г. ГЕРЦЕН
(Симферополь)

В конце февраля 1971 г. при прокладке нового русла р. Качи, около с. Долинное Бахчисарайского района, у подножья массива Кара-Тау был найден клад серебряных антонинианов, насчитывающий 119 монет *. В их числе монет Каракаллы — 2, Гордиана III — 55, Филиппа Араба — 38, Отациллы — 6, Филиппа Младшего — 2, Траяна Деция — 11, Этрусциллы — 1, Деция Младшего — 4 (см. таблицу).

В состав клада входили также серебряная фибула с тремя декоративными кнопками (рисунок) и сосуд из стекла светло-голубого цвета. Все вещи находились в лепном горшке, который так же, как и стеклянный сосуд, был раздавлен бульдозером на мельчайшие фрагменты. Точных аналогий фибуле подобрать не удалось, но подобные сильно профилированные фибулы, как правило с декоративной кнопкой на ножке, распространены в Северной Европе и римских провинциях на Дунае¹.

Описываемый клад является уникальной для юго-западного Крыма находкой. Он не столько характеризует денежное обращение этого района **, сколько может быть использован как источник для изучения тех событий, которые имели место в Северном Причерноморье в III в. н. э. Этот клад относится к немногочисленной для Восточной Европы группе кладов, включающих в свой состав большое количество антонинианов середины III в. н. э.

Кроме клада из с. Долинное, из крымских находок к данной группе принадлежит известный Керченский клад, содержащий, помимо драхмы Юлии Домны, чеканенной в Кесарии Каппадокийской (211 г.), 78 биллоновых и посеребренных антонинианов от Гордиана III (238—244) — до Галлиена (253—268)².

Эти два клада резко отличаются от остальных, зарытых в Крыму не позднее первой трети III в. н. э. К ним относятся клады, найденные вблизи г. Симферополя, в д. Биэль (с. Дорожное Бахчисарайского района)³,

* Клад обнаружили бульдозеристы Н. Савченко, Н. Ющенко и экскаваторщик И. Чайка. Вещи из клада переданы в Бахчисарайский историко-археологический музей.

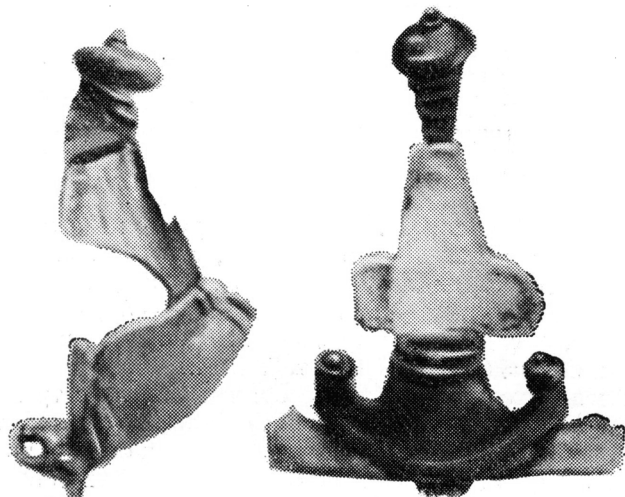
¹ O. Almgren. Studien über nordeuropäische Fibelformen. Stockholm, 1897, стр. 34—47, табл. IV.

** В близлежащем Херсонесе массовое распространение антонинианов начинается лишь со времени Галлиена (253—268), а преобладают римские монеты над остальными только от периода правления Константина I (306—337) и Лициния (308—324) (см.: А. М. Гилевич. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса.— НИС, 3. К., 1968, стр. 32—33; В. А. Анохин. Монетное дело Херсонеса I—III вв. н. э.— НЭ, IV. М., 1963, стр. 52).

² В. В. Кропоткин. Новые находки римских монет в СССР.— НЭ, VI. М., 1966, стр. 86, № 53 (606).

³ В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР.— САИ, вып. Г4—4. М., 1961, стр. 63, № 573 (69—222 гг.).

Чукурча (с. Луговое Симферопольского района)⁴ и на территории Неаполя Скифского⁵. Подобные клады встречаются и за пределами Крыма *. По мнению некоторых исследователей, зарытие этих кладов в начале III в. следует связывать с угрозой появления готских дружин в Северном Причерноморье⁶. Но вряд ли только готы могли быть причиной всех тех событий, которые имели место в Северном Причерноморье в III в. н. э. Во всяком случае, нет еще достаточных доказательств того, что именно племена готского союза уже в начале III в. проникают в юго-западный Крым **. Дальние гра-

Серебряная фибула из клада у с. Долинное.

бительские походы, в которых приняли участие и готы, относятся к середине III в., а не к его началу.

Клады, состоящие в основном из антонинианов середины III в., принадлежали, вероятно, именно варварам-грабителям из среды странствующих дружин, зарывавших свою добычу после длительных походов *** или перед каким-либо очередным военным предприятием ****. Именно с этой точки зрения мы и рассмотрим описанную нами находку.

⁴ В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР, стр. 64—65, № 609 (54—218 гг.).

⁵ Там же, стр. 65, № 622 (54—218 гг.).

* Например, клад монет из Тиры 32 г. до н. э.— 211 г. н. э. (см.: А. И. Фурманская. Клад монет из Тиры.— НИС, 1. К., 1963, стр. 76—86), из с. Варница 69—211 гг. (см.: В. В. Кропоткин. Клады римских монет..., стр. 94, № 1343) и др.

⁶ В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе.— ВДИ, 1951, № 4, стр. 249; Э. А. Рикман. Денежное обращение у племен Днестровско-Прутского междуречья в первых веках н. э.— НЭ, IX. М., 1971, стр. 101; Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э.— МИА, № 89. М., 1960, стр. 81; Т. Н. Высокская. Поздние скифы в юго-западном Крыму. Проблемы скифской археологии.— МИА, № 177. М., 1971, стр. 160.

** Интересные факты для изучения событий, разыгравшихся на рубеже II—III вв. в юго-западном Крыму, получены при исследовании Неаполя Скифского. К этому времени относится разрушение центральных ворот и мавзолея. Тогда же на городской площади у ворот, около разрушенного парадного здания было совершено погребение аланского военачальника и четырех коней (см.: П. Н. Шульц. Исследования Неаполя Скифского. В кн.: История и археология древнего Крыма. К., 1957, стр. 76). Кстати, один из упомянутых крымских кладов, заканчивающихся монетами начала III в., найден именно на территории Неаполя Скифского, а два других — в относительной близости от него.

*** К ним относятся клады, найденные в землях варваров, далеко от границ Римской империи; например, Оболонский клад (см.: В. В. Кропоткин. Клады римских монет на территории СССР, стр. 59, № 466).

**** К этой группе можно отнести многие клады, найденные на территории римских провинций или вблизи границ империи. Очевидно, к ним относится Керченский клад, заканчивающийся монетами Галлиена. Он был найден вблизи древнего города и, возможно, принадлежал участнику разгрома Пантикапея в 267 г., когда готы и их союзники, нарушив

Наиболее поздние монеты данного клада относятся к годам правления Деция Младшего (251 г.)*. Клад, вероятно, является военной добычей, полученной во время войны 250—251 гг. на Дунае**, где против Римской империи выступали различные племена Прикарпатья и Северного Причерноморья: карпы, готы, сарматы и др.⁷ В войне 250—251 гг., как и в других «скифских» войнах III в., руководящую роль, видимо, играли готы⁸, возглавлявшие союз разноэтничных племен.

В результате победоносной для варваров войны 250—251 гг., после гибели Деция, императором Требонианом Галлом был заключен мир, по условиям которого «скифы» беспрепятственно пропускались на родину со своей добычей и пленными. Чтобы обезопасить себя от новых вторжений варваров, Рим обязался ежегодно выплачивать им некоторую сумму денег⁹.

Кроме значительных успехов на Дунае в 50-е годы племена Северного Причерноморья утверждают на всем северном побережье Черного моря¹⁰. Вероятно, одному из варваров-грабителей и принадлежал этот клад.

Это предположение подтверждается наличием в составе клада сильно профилированной фибулы с декоративными кнопками. По мнению специалистов, единичные находки фибул различных северных и западных типов в Крыму и Приазовье свидетельствуют о том, что сюда из весьма отдаленных областей проникали группы варваров, участвовавших в дальних грабительских походах¹¹.

В юго-западный Крым странствующие дружины варваров попадали, вероятно всего, морским путем. Правда, среди историков распространено мнение, что морские набеги племен Северного Причерноморья начались только в 256—257 гг.*** Тем не менее, некоторые исследователи полагают, что морские походы имели место уже в начале 50-х годов III в.¹² При этом они ссылаются на свидетельства Зосима и Зонары, которые, описывая правление Требониана Галла (251—253), связывают с этим временем крупные морские набеги¹³. По мнению Зосима, главной причиной нападения варваров является нерадивое правление Галла¹⁴. О масштабах этих походов можно судить, по словам Зосима, о том, что «ни один из народов, подвластных римлянам, не уцелел от этих нападений»¹⁵, «скифами» были взяты «все неукрепленные и большая часть укрепленных городов»¹⁶.

Именно к середине III в. н. э. археологи относят многочисленные разрушения городов и селищ Северного Причерноморья. По мнению исследова-

договорные отношения с боспорскими царями, вторглись на Керченский полуостров и захватили столицу Боспорского царства. Что касается описываемого клада, то он, вероятно, зарыт перед опустошением близлежащего позднескифского городища или селища.

* Кстати, так называемый Эрмитажный клад также заканчивается монетами Деция Младшего (см.: В. В. К р о п о т к и н. Клады римских монет на территории СССР, стр. 109, № 1685).

** С событиями 232—251 гг. исследователи связывают многочисленные клады, найденные на территории римских провинций и заканчивающихся монетами середины III в. н. э. (см.: В. В. К р о п о т к и н. Клады римских монет на территории СССР, стр. 18).

⁷ А. М. Ременников. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке н. э. М., 1954, стр. 40—72.

⁸ И о р д а н. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, стр. 86—87 («Гетика», 101—103); В. Р а р р а р о г т. Die Einfälle der Goten in das römische Reich. Leipzig, 1899, стр. 38.

⁹ Zosimi historia nova. Ed. Mendelssohn. Lipsiae, 1887, I, 24 (далее —Zosim); А. М. Р е м е н н и к о в. Борьба племен Северного Причерноморья..., стр. 70.

¹⁰ А. М. Ременников. Борьба племен..., стр. 83—84.

¹¹ А. К. А м б р о з. Фибулы из раскопок Танаиса. Античные древности Подонья — Приазовья.— МИА, № 154. М., 1969, стр. 263.

*** Первыми выступили бораны, получив суда от боспорцев (см.: Zosim., I, 32; А. М. Р е м е н н и к о в. Борьба племен..., стр. 88—90).

¹² Т. М о м з е н. История Рима, т. V. М., 1949, стр. 210.

¹³ Zosim., I, 26—28; Ioannis Zonarae epitome historiarum Ed. Dindorf. Lipsiae, 1870, XII, 21, стр. 137.

¹⁴ Zosim., I, 26.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

Таблица

№№ шт.	Описание монет	Вес, г	Диаметр, мм	Соотношение осей *	Литература **
	КАРАКАЛЛА (211—217)				
1.	Av.: IMP. CAES. M. AVR. ANTONINVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: MARS VICTOR. Марс идет вправо, держит копье и воинский знак.	4,65	22,5	12	
2.	Av.: ANTONINVS PIVS AVG. GERM. Бюст императора вправо. Rv.: P. M. TR. P. XVIII, COS III P. P. Плутон стоит влево и держит скипетр.	4,72	25,5	1	
	ГОРДИАН III (238—244)				
3.	Av.: IMP. CAES. M. ANT. GORDIANVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: AEQVITAS AVG. Женская фигура стоит влево, держит весы и рог изобилия.	4,15	24	6	Cohen, V, 17.
4.	Тот же тип.	3,85	24	12	
5.	Тот же тип.	2,72	23,5	6	
6.	Av.: IMP. CAES. GORDIANVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: AEQVITAS AVG. Женская фигура стоит влево, держит весы и рог изобилия.	3,71	24	12	Cohen, V, 22.
7.	Av.: IMP. GORDIANVS PIVS FEL. AVG. Бюст императора вправо. Rv.: AETERNITAS AVG. Бог солнца стоит влево и держит шар.	4,00	24	12	Cohen, V, 41.
8.	Тот же тип.	3,88	24	12	
9.	Тот же тип.	3,30	24	1	
10.	Тот же тип.	3,20	24,5	1	
11.	Av.: IMP. CAES. M. ANT. GORDIANVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: CONCORDIA AVG. Женская фигура сидит влево, держит патеру и двойной рог изобилия.	4,47	23,5	1	Cohen, V, 50.
12.	Av.: IMP. GORDIANVS PIVS FEL. AVG. Бюст императора вправо. Rv.: CONCORDIA MILIT. Женская фигура сидит влево, держит патеру и рог изобилия.	4,33	22	12	Cohen, V, 61.
13.	Av.: IMP. GORDIANVS PIVS FEL. AVG. Бюст императора вправо. Rv.: FELICIT. TEMP. Женская фигура стоит влево, держит жезл и рог изобилия.	4,80	25	7	Cohen, V, 71.
14.	Тот же тип.	3,85	24	1	
15.	Тот же тип.	3,38	24	7	
16.	Av.: IMP. GORDIANVS PIVS FEL. AVG. Бюст императора вправо. Rv.: FORTVNA REDVX. Фортуна сидит влево на колесе, держит указательную палочку и рог изобилия.	3,97	22	2	
17.	Av.: IMP. GORDIANVS PIVS FEL. AVG. Бюст императора вправо. Rv.: FORTVNA REDVX. Фортуна сидит влево, держит указательную палочку и рог изобилия, за сидением колесо.	3,71	21	12	
18.	Av.: IMP. CAES. M. ANT. GORDIANVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: IOVI CONSERVATORI. Юпитер стоит влево, держит молнии и скипетр, рядом стоит Гордиан.	4,93	24,5	1	Cohen, V, 105.
19.	Тот же тип.	4,80	24,5	4	

№№ пп	Описание монет	Вес, г	Диаметр, мм	Соотношение осей*	Литература **
20.	Av.: IMP. GORDIANVS PIVS FEL. AVG. Бюст императора вправо. Rv.: IOVI STATORI. Юпитер стоит вправо, держит скипетр и молнии.	3,95	23	1	Cohen, V, 109.
21.	Тот же тип.	3,90	23	6	
22.	Тот же тип.	3,70	23	6	
23.	Тот же тип.	3,45	23,5	6	
24.	Av.: IMP. GORDIANVS PIVS FEL. AVG. Бюст императора вправо. Rv.: LAETITIA AVG. Женская фигура стоит влево, держит венок и посох.	4,70	23,5	11	Cohen, V, 121.
25.	Тот же тип.	4,67	23	12	
26.	Тот же тип.	4,45	24	5	
27.	Тот же тип.	4,20	24,5	6	
28.	Тот же тип.	3,65	24	6	
29.	Тот же тип.	3,12	23	11	
30.	Av.: IMP. GORDIANVS PIVS FEL. AVG. Бюст императора вправо. Rv.: MARS PROPVG. Марс идет вправо, держит копье и щит.	4,23	22,5	7	Cohen, V, 155.
31.	Тот же тип.	3,65	23,5	1	
32.	Av.: IMP. CAES. M. ANT. GORDIANVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: PAX AVGVSTI. Женская фигура стоит влево, держит оливковую ветвь и скипетр.	3,61	23	11	Cohen, V, 179.
33.	Av.: IMP. CAES. M. ANT. GORDIANVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: P. M. TR. P. II COS. P. P. Женская фигура стоит влево, держит оливковую ветвь и скипетр.	4,40	24	12	Cohen, V, 203.
34.	Av.: IMP. CAES. M. ANT. GORDIANVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: P. M. TR. P. II COS. P. P. Гордиан стоит влево, приносит жертву на треножник и держит скипетр.	3,98	24	12	Cohen, V, 210.
35.	Av.: IMP. CAES. GORDIANVS PIVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: P. M. TR. P. II COS. P. P. Гордиан стоит влево, приносит жертву на треножник и держит скипетр.	3,95	25	7	Cohen, V, 212.
36.	Av.: IMP. GORDIANVS PIVS FEL. AVG. Бюст императора вправо. Rv.: P. M. TR. P. II COS. P. P. Гордиан стоит влево, приносит жертву на треножник и держит скипетр.	5,03	22,5	6	Cohen, V, 216.
37.	Тот же тип.	3,88	23	1	
38.	Av.: IMP. GORDIANVS PIVS FEL. AVG. Бюст императора вправо. Rv.: P. M. TR. P. III COS. P. P. Гордиан стоит влево, приносит жертву и держит скипетр.	4,57	23	12	Cohen, V, 226.
39.	Av.: IMP. GORDIANVS PIVS FEL. AVG. Бюст императора вправо. Rv.: P. M. TR. P. III COS. P. P. Аполлон сидит влево, держит лавровую ветвь и опирается на лиру.	3,42	24	6	Cohen, V, 237.
40.	Av.: IMP. GORDIANVS PIVS FEL. AVG. Бюст императора вправо. Rv.: P. M. TR. P. III COS. II P. P. Гордиан стоит вправо, держит копье и шар.	3,60	23	12	Cohen, V, 242.

№№ пп.	Описание монет	Вес, г	Диаметр, мм	Соотношение осей *	Литература **
41.	Av.: IMP. GORDIANVS PIVS FEL. AVG. Бюст императора вправо. Rv.: P. M. TR. P. IIII COS. II P. P. Аполлон сидит влево, держит лавровую ветвь и опирается на лиру.	3,99	24	12	Cohen, V, 250.
42.	Av.: IMP. GORDIANVS PIVS FEL. AVG. Бюст императора вправо. Rv.: P. M. TR. P. IIII COS. II P. P. Гордиан стоит вправо, держит копье и шар.	4,55	23,5	12	Cohen, V, 253.
43.	Тот же тип.	4,45	23,5	6	
44.	Av.: IMP. GORDIANVS PIVS FEL. AVG. Бюст императора вправо. Rv.: P. M. TR. P. V COS. III P. P. Аполлон сидит влево, держит лавровую ветвь и опирается на лиру.	4,22	23,5	6	Cohen, V, 261.
45.	Тот же тип.	3,95	23	1	
46.	Av.: IMP. GORDIANVS PIVS FEL. AVG. Бюст императора вправо. Rv.: PROVID. AVG. Женская фигура стоит влево, держит указательную палочку и скипетр, у ее ног шар.	3,70	24	6	Cohen, V, 296.
47.	Av.: IMP. CAES. M. ANT. GORDIANVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: PROVIDENTIA AVG. Женская фигура стоит влево, держит шар и скипетр.	4,39	24	1	Cohen, V, 302.
48.	Av.: IMP. CAES. M. ANT. GORDIANVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: ROMAЕ AETERNAE. Рома сидит влево, держит Викторию и скипетр.	4,25	24	6	Cohen, V, 312.
49.	Тот же тип.	3,25	23	1	
50.	Av.: IMP. CAES. GORDIANVS PIVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: ROMAЕ AETERNAE. Рома сидит влево, держит Викторию и скипетр.	4,45	23	12	Cohen, V, 313.
51.	Av.: IMP. GORDIANVS PIVS FEL. AVG. Бюст императора вправо. Rv.: SECVRITAS PERPETVA. Женская фигура стоит влево, держит скипетр и опирается на колонну.	3,90	22,5	12	Cohen, V, 336.
52.	Тот же тип.	3,63	22	11	
53.	Av.: GORDIANVS PIVS FEL. AVG. Бюст императора вправо. Rv.: VICTOR. AETER. Виктория стоит влево, держит щит и пальмовую ветвь, под щитом пленник.	3,38	23,5	12	Cohen, V, 348.
54.	Av.: IMP. GORDIANVS PIVS FEL. AVG. Бюст императора вправо. Rv.: VIRTVS AVG. Мужская фигура стоит влево, держит лавровую ветвь и копье, у левой ноги щит.	4,87	23	6	Cohen, V, 388.
55.	Тот же тип.	3,67	22	12	
56.	Av.: IMP. GORDIANVS PIVS FEL. AVG. Бюст императора вправо. Rv.: VIRTVTI AVGVSTI. Геракл стоит влево и опирается на дубину.	4,60	25	1	Cohen, V, 404.
57.	Тот же тип. ФИЛИПП АРАБ (244—249)	3,82	23	6	
58.	Av.: IMP. M. IVL. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: ADVENTVS AVGG. Филипп едет на коне влево и держит копье.	4,77	23,5	11	Cohen, V, 3.
59.	Тот же тип.	4,57	23	12	
60.	Тот же тип.	4,15	23	12	

№№ пп.	Описание монет	Вес, г	Диаметр, мм	Соотношение осей*	Литература **
61.	Av.: IMP. M. IVL. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: AEQVITAS AVGG. Женская фигура стоит влево, держит весы и рог изобилия.	4,50	24,5	12	Cohen, V, 9.
62.	Тот же тип.	4,38	23	12	
63.	Тот же тип.	4,35	22,5	11	
64.	Тот же тип.	4,10	23,5	1	
65.	Тот же тип.	3,80	25	12	
66.	Тот же тип.	3,70	23	7	
67.	Av.: IMP. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: AETERNITAS AVGG. Слон идет влево, на спине погонщик держит шест и прут.	4,03	23	11	Cohen, V, 17.
68.	Av.: IMP. M. IVL. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: ANNONA AVGG. Женская фигура стоит влево, держит рог изобилия.	4,12	24	6	Cohen, V, 32.
69.	Тот же тип.	4,10	23,5	6	
70.	Тот же тип.	3,95	22,5	6	
71.	Av.: IMP. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо.	4,25	23	12	Cohen, V, 39.
72.	Rv.: FELICITAS IMPPP. Лавровый венок. Av.: IMP. M. IVL. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо.	3,55	23	7	Cohen, V, 43.
73.	Rv.: FELICITAS TEMP. Женская фигура стоит влево, держит жезл и рог изобилия. Av.: IMP. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо.	3,25	23	12	Cohen, V, 49.
74.	Rv.: FIDES EXERCITVS. Женская фигура влево, держит штандарт и воинский знак. Av.: IMP. M. IVL. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо.	3,43	24	7	Cohen, V, 109.
75.	Rv.: PAX AETERNA. Женская фигура стоит влево, держит оливковую ветвь и жезл. Av.: IMP. M. IVL. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо.	4,52	24	1	Cohen, V, 130.
76.	Rv.: P. M. TR. P. IIII. COS. P. P. Женская фигура стоит влево, держит жезл и рог изобилия. Av.: IMP. M. IVL. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо.	3,83	24,5	12	Cohen, V, 136.
77.	Rv.: P. M. TR. P. IIII. COS. II. P. P. Женская фигура стоит влево, держит жезл и рог изобилия. Av.: IMP. M. IVL. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо.	4,10	23,5	6	Cohen, V, 165.
78.	Rv.: ROMAE AETERNAE. Рома сидит влево, держит Викторию и копье. Av.: IMP. M. IVL. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо.	4,50	23,5	5	Cohen, V, 170.
79.	Rv.: ROMAE AETERNAE. Рома сидит влево у алтаря; держит Викторию и копье, рядом с ней щит.	4,15	24	11	
80.	Тот же тип.	4,10	24,5	12	
81.	Тот же тип. Av.: IMP. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: ROMAE AETERNAE. Рома сидит у алтаря, влево, держит Викторию и копье, рядом с ней щит.	3,91	24	12	Cohen, V, 171.
82.	Av.: IMP. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: SAECVLARES AVGG. Лев идет вправо; надпись под обрезом: I.	3,20	24	7	Cohen, V, 173.

№№ пп.	Описание монет	Вес, г	Диаметр, мм	Соотношение осей *	Литература **
83.	Av.: IMP. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: SAECVLARES AVGG. Волчица стоит вправо, кормит Рема и Ромула; надпись под обрезом: II.	4,30	23,5	6	Cohen, V, 177.
84.	Тот же тип.	3,29	24	7	
85.	Av.: IMP. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: SAECVLARES AVGG. Антилопа идет вправо.	4,15	23,5	6	Cohen, V, 188.
86.	Av.: IMP. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: SAECVLARES AVGG. Антилопа идет влево.	4,00	22,5	7	Cohen, V, 189.
87.	Тот же тип.	3,63	22	12	
88.	Av.: IMP. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: SAECVLARES AVGG. Колонна с надписью: COS. III.	4,05	26,2	7	Cohen, V, 193.
89.	Тот же тип.	3,85	24,5	6	
90.	Av.: IMP. M. IVL. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: SALVS AVG. Женская фигура стоит влево, кормит змею и держит жезл.	3,85	24,5	6	Cohen, V, 205.
91.	Тот же тип.	3,95	25,5	6	
92.	Av.: IMP. M. IVL. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: SECVRIT. ORBIS. Женская фигура стоит влево, левая рука над головой.	5,25	23,5	12	Cohen, V, 215.
93.	Av.: IMP. C. M. IVL. PHILIPPVS P. F. AVG. Бюст императора вправо. Rv.: SPES FELICITATIS ORBIS. Женская фигура идет влево и держит цветок.	3,80	22,5	6	Cohen, V, 221.
94.	Av.: IMP. M. IVL. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: VICTORIA AVG. Виктория идет вправо, держит корону и пальмовую ветвь.	3,75	23,5	12	Cohen, V, 227.
95.	Av.: IMP. M. IVL. PHILIPPVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: VIRTVS AVG. Женская фигура в доспехах сидит влево, держит ветвь и копье, позади нее щит.	4,35	23	2	Cohen, V, 240.
	ОТАЦИЛИЯ (жена Филиппа Араба)				
96.	Av.: M. OTACIL. SEVERA AVG. Бюст императрицы вправо. Rv.: CONCORDIA AVGG. Женская фигура сидит влево, держит патеру и рог изобилия.	3,85	23	6	Cohen, V, 4.
97.	Av.: OTACIL. SEVERA AVG. Бюст императрицы вправо. Rv.: CONCORDIA AVGG. Женская фигура сидит влево, держит патеру и рог изобилия, перед ней алтарь.	3,43	23,5	12	Cohen, V, 16.
98.	Av.: M. OTACIL. SEVERA AVG. Бюст императрицы вправо. Rv.: CONCORDIA AVGG. Женская фигура сидит влево, держит патеру и рог изобилия, перед ней алтарь.	4,32	24,5	6	Cohen, V, 17.
99.	Тот же тип.	3,60	24	5	
100.	Av.: OTACIL. SEVERA AVG. Бюст императрицы вправо. Rv.: PIETAS AVGVSTAE. Женская фигура стоит влево и держит курильницу.	3,33	24,5	11	Cohen, V, 43.

№№ пп.	Описание монет	Вес, г	Диаметр, мм	Соотношение осей *	Литература **
101.	Av.: MARCIA OTACIL. SEVERA AVG. Бюст императрицы вправо. Rv.: PVDICITIA AVG. Женская фигура сидит влево и держит скипетр. ФИЛИПП МЛАДШИЙ (247—249)	3,33	24	11	Cohen, V, 53.
102.	Av.: M. IVL. PHILIPPVVS CAES. Бюст императрицы вправо. Rv.: PRINCIPI IVVENT. Филипп стоит влево, держит шар и копье.	4,05	23	1	Cohen, V, 48.
103.	Тот же тип. ТРАЯН ДЕЦИЙ (249—251)	3,72	23	6	
104.	Av.: IMP. C. M. Q. TRAIANVS DECIVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: ABVNDANTIA AVG. Женская фигура стоит вправо и сыплет из рога изобилия.	4,36	22,5	11	Cohen, V, 2.
105.	Av.: IMP. C. M. Q. TRAIANVS DECIVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: DACIA. Женская фигура стоит влево, держит посох с навершием в виде головы осла.	3,67	23	12	Cohen, V, 16.
106.	Av.: IMP. CAE. TRA. DECIVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: DACIA. Женская фигура стоит влево и держит воинский знак.	3,26	21	6	Cohen, V, 26.
107.	Av.: IMP. C. M. Q. TRAIANVS DECIVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: DACIA. Женская фигура стоит влево и держит воинский знак.	3,53	23	6	Cohen, V, 27.
108.	Av.: IMP. C. M. Q. TRAIANVS DECIVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: GENIVS EXERC. ILLYRICIANI. Гений стоит влево, держит патеру и рог изобилия, справа воинский знак.	4,09	23	12	Cohen, V, 64.
109.	Av.: IMP. CAE. TRA. DECIVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: PANNONIAE. Две женские фигуры стоят, пожимая друг другу руки, между ними воинский знак.	3,99	22,5	6	Cohen, V, 83.
110.	Тот же тип.	3,25	23	12	Cohen, V, 83.
111.	Av.: IMP. C. M. Q. TRAIANVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: PANNONIAE. Две женские фигуры стоят в разные стороны и держат воинские знаки.				
112.	Av.: IMP. C. M. Q. TRAIANVS DECIVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: VBERITAS AVG. Женская фигура стоит влево, держит кошелек и рог изобилия.	4,60	25	11	Cohen, V, 105.
113.	Av.: IMP. C. M. Q. TRAIANVS DECIVS AVG. Бюст императора вправо. Rv.: VICTORIA AVG. Виктория идет влево, держит венок и пальмовую ветвь.	4,41	22,5	11	Cohen, V, 111.
114.	Тот же тип. ЭТРУСЦИЛЛА (жена Траяна Деция)	3,77	24	11	
115.	Av.: HER. ETRVSCILLA AVG. Бюст императрицы вправо. Rv.: IVNONA REGINA. Юнона стоит влево, держит патеру и скипетр, у ее ног павлин.	3,58	24,5	6	Cohen, V, 14.

№№ пп.	Описание монет	Вес, г	Диаметр, мм	Соотношение осей *	Литература **
116.	ДЕЦИЙ МЛАДШИЙ (251) Av.: Q. HER. ETR. MES. DECIVS NOB. Бюст императора вправо. Rv.: CONCORDIA AVGG. Две руки, соединенные в пожатии.	3,87	23	11	Cohen, V, 4.
117.	Тот же тип.	2,77	24,5	11	
118.	Av.: Q. HER. ETR. MES. DECIVS NOB. C. Бюст императора вправо. Rv.: PRINCIPI IVVENTVTIS. Аполлон сидит влево, держит лавровую ветвь и опирается на лиру.	4,43	22	5	Cohen, V, 19. (вар.).
119.	Av.: Q. HER. ETR. MES. DECIVS NOB. C. Бюст императора вправо. Rv.: SPES PVBLICA. Женская фигура идет влево и держит цветок.	3,90	23,5	5	Cohen, V, 38.

* Соотношение осей дано по циферблату часов.

** При описании монет ссылки даны на следующую работу: Н. С о h e n. Description historique des monnaies frappées sous l'empire romain, I — VIII. Paris, 1888—1892 (далее — С о h e n).

телей, разгрому подверглись позднескифские городища и поселения юго-западного Крыма¹⁷, в районе распространения которых и был найден данный клад.

Источником для изучения этнического состава дружин готского племенного союза, с деяниями которых уместно связать упомянутые опустошения, являются могильники III—IV вв. юго-западного Крыма, в инвентаре которых, между прочим, содержится значительное количество монет Гордиана III, Филиппа Араба, Траяна Деция, Требониана Галла и других императоров¹⁸. К этим могильникам относятся Бельбек¹⁹, Чернореченский²⁰, могильник у совхоза «Севастопольский» (№ 10)²¹, Инкерманский²² и др. Кроме сарматских захоронений на некоторых из них обнаружены готские погребальные конструкции — урновые трупосожжения, обставленные плоскими камнями или помещенные в каменные ящики*. Они напоминают готские погребения в Прибалтике, на территории Скандинавии и Дании²³.

Упомянутые крымские могильники, вероятно, принадлежали разноэтничным дружинам, совершавшим морские грабительские походы. Опубликованный нами клад в какой-то мере помогает уточнить время их проникновения в юго-западный Крым.

¹⁷ Т. Н. В ы с о т с к а я. Поздние скифы в юго-западном Крыму.— МИА, № 177. М., 1971, стр. 159—160; е е ж е. Городище Алма-Кермен у Криму.— «Археология», т. XXIV. К., 1970, стр. 192—193.

¹⁸ В. А. А н о х и н. Монетные находки в могильнике у совхоза № 10 Крымской области.— НЭ, III. М., 1962, стр. 130—135; В. В. К р о п о т к и н. Новые находки римских монет в СССР, стр. 87, № 66 (1790) и 68 (1792); е г о ж е. Клады римских монет на территории СССР, № 583, 585, 586, 620, 635.

¹⁹ Н. П е ч е н к и н. Раскопки в окрестностях г. Севастополя.— ИТУАК, 38. Симферополь, 1905, стр. 31—34.

²⁰ В. П. Б а б е н ч и к о в. Чернореченский могильник.— АП, XIII. К., 1963, стр. 90—123.

²¹ С. Ф. С т р ж е л е ц к и й. Позднеантичный могильник в Инкерманской долине.— КСИА, вып. 7, стр. 139—145.

²² Е. В. В е й м а р н. Археологічні роботи в районі Інкермана.— АП, XIII. К., 1963, стр. 15—42.

* Мнение, что часть погребений могильника у совхоза «Севастопольский» (№ 10) могла принадлежать готам, уже высказывалось в литературе (см.: Н. В. П я т ы ш е в а. К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I—VI веках н. э.— «Античное общество». М., 1967, стр. 186; А. П. С м и р н о в. К вопросу об истоках Приазовской Руси.— СА, 1958, № 2, стр. 276).

²³ См.: А. П. С м и р н о в. Племена черняховской культуры. Готский союз племен.— В кн.: История СССР, т. I. М., 1966, стр. 309.

КЛАД ХЕРСОНО-ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ ИЗ ОКРУГИ ХЕРСОНЕСА

А. М. ГИЛЕВИЧ

(Ленинград)

В последние годы в Херсонесский музей поступило несколько кладов херсоно-византийских монет IX—X вв.¹, в процессе изучения которых в коллекции музея выявлено еще несколько групповых находок, аналогичных им по составу.

В июне 1964 г. в Севастополе был найден клад бронзовых херсоно-византийских монет IX—X вв. Клад открыт строителями при прокладке траншеи за пределами Херсонеса в 750 м к юго-западу от башни V оборонительных стен Херсонеса (западная линия крепостных сооружений), на склоне водораздела между двумя ложбинами, впадающими в Песочную бухту. По словам строителей, монеты лежали непосредственно на скале, на глубине 60—70 см от поверхности земли.

От рабочих было получено 80 целых, три разрубленных монеты и одна свинцовая пробка. Через день после находки клада сотрудники музея в выброшенной из траншеи земле нашли еще 32 целых монеты и два обломка.

Таким образом, всего в музей поступило 115 монет и одна пробка. Количество монет в кладе было большим, так как несколько монет, по словам строителей, разошлись по рукам, а около десяти экземпляров они разрубили на куски или расплавили, чтобы определить металл.

К сожалению, установить точное число найденных монет не представляется возможным.

В состав клада входят следующие монеты * — Василия I (867—886) — 6 экз. (типов: Ор. IX, 21 — 3 экз.; Ор. Доп., табл. В, 8 — 3 экз.); Льва VI (886—912) — 1 экз. (типа: Ор. IX, 25); Романа I (920—944) — 28 экз. (типов: Ор. X, 51 — 16 экз., Ор. Доп., табл. В, 15 — 7 экз.; Ор. X, 52 — 5 экз.); Константина VII (944—959) — 11 экз. (типов: Ор. X, 44 — 6 экз., X, 45 — 1 экз.; Ор. Доп., табл. В, 16 — 1 экз.; неизданный — 1 экз.; Ор. X, 47 — 2 экз.); Константина VII и Романа II (945—959) — 25 экз. (типа: Ор. X, 48); Романа II и Василия II (960—963) — 2 экз. (типов: Ор. X, 55 и 56); Никифора Фоки (963—969) — 8 экз. (типов: Ор. X, 57 — 7 экз.; Ор. Доп., табл. В, 18 — 1 экз.); Иоанна Цимисхия (969—976) — 4 экз. (типа: Ор. X, 58); Василия II (976—989) — 28 экз. (типов: Ор. X, 59 — 14 экз., Ор. X, 60 — 14 экз.). Две монеты из-за плохой сохранности не могут быть определены. По фактуре их можно датировать X в.

Соккрытие клада, судя по самым поздним монетам, относится к концу X в. Никаких остатков строений в районе находки клада не обнаружено ни ранее, ни теперь, но херсоно-византийские и византийские монеты в радиусе 1,5—2 км встречаются часто.

В целом сохранность монет значительно лучше, чем монет ранее найденных кладов. Правда, качество изготовления многих из них весьма плохое. Монеты имеют плоские, нечеткие рельефы монограмм и ободков. На многих монетах имеются наплывы металла, вызванные тем, что заливка производилась уже в выщербленные и поцарапанные формы. Дефекты некоторых

¹ А. М. Гилевич. Новый клад херсоно-византийских монет.— ВВ, т. XXIV, стр. 150 и след.

* Здесь и ниже приводятся ссылки на следующие работы: А. В. Орешников. Херсоно-византийские монеты.— Труды МНО, т. III, вып. 2. М., 1905 (далее — Ор.); е г о ж е. Херсоно-византийские монеты (Дополнение).— НС, I. М., 1911 (далее — Ор. Доп.).

В основу датировок монет легли определения У. Роса (W. W o t h. Catalogue of the Imperial byzantine coins in the British Museum, vol. I—II. London, 1908); в частности, монетами Романа I мы считаем вслед за ним монеты типа: Ор. X, 51—52 и Ор. Доп., табл. В, 15, которые в предыдущей публикации (см. ВВ, т. XXIV, стр. 150 и след.) были отнесены нами к Роману II. О причинах передатировки будет сказано ниже.

форм были настолько велики, что монограммы отлитых в них монет наполовину или на одну треть представляют бесформенный натек металла. Обрубка литников большинства монет очень небрежна, иногда при обрубке захватывалась и часть монеты. В ряде случаев следы обрубки заглаживались при помощи напильника или другого инструмента. Особенно аккуратно обработан гурт на монетах Иоанна Цимисхия. Монеты этого императора всегда выделяются четким красивым рельефом монограмм и ободков. По тщательности изготовления к ним ближе всего стоят монеты Василия I.

Почти все монеты клада по гурту имеют заусенцы (наплыв металла в пространство между плохо прижатыми формами). На некоторых монетах заусенцы, как и литники, обрубались, и если обрубку не были заглажены, то гурт получался неровный, почти многогранный.

Соотношение осей во всех случаях, за исключением монет Константина VII, постоянное: прямое у Василия I и Василия II и обратное у остальных императоров. На некоторых монетах все изображение сдвинуто в сторону.

По своему составу новая находка аналогична кладам, опубликованным ранее. Она также не содержит монет с монограммой (1) *, приписываемых Роману I. Невозможно предположить, что монеты эти были в той незначительной части клада, которая разошлась по рукам или была уничтожена. По словам находчиков, монет с такой монограммой («монет с якорем») и вообще крупных экземпляров в кладах не было.

Монеты с монограммой (1) все нумизматы относили ко времени правления Романа I (920—944).

Однако, как уже было отмечено, эти монеты отсутствуют в кладах IX—X вв., содержащих почти все монеты, выпущенные в Херсонесе в период от Василия I до Василия II ². Объяснение этого обстоятельства привела И. В. Соколова, которая считает, что эти монеты относятся к более позднему времени ³. Действительно, отсутствие монет с монограммой (1) в кладах, сокрытых в конце X в., можно объяснить только тем, что в IX—X вв. они не обращались в Херсонесе и, следовательно, принадлежность их Роману I исключается.

Какие же монеты выпускались в Херсонесе при Романа I? У. Рос относил ко времени правления Романа I, помимо монеты с монограммой (1), выпуск которых он датировал 919—921 гг., и монеты с монограммой (2) (монет с другими вариантами этой монограммы у Роса, вероятно, не было), ранее отнесенные А. В. Орешниковым к Роману II. Рос датировал эти монеты условно 921—944 гг., не допуская возможности выпуска их от имени одного Романа II на том основании, что ему не были известны монеты Романа II константинопольского чекана ⁴. В другой своей работе о херсоно-византийских монетах, вышедшей после труда Роса, А. В. Орешников, издавая еще один вариант такой монограммы ⁵, возражает Росу. Одним из аргументов против отнесения этих монет к Роману I он выдвигает отсутствие необходимости выпуска при одном императоре монет с разными монограммами, так как «имеются среди монет Романа I монеты всех величин» ⁶. Однако этот аргумент опровергается тем, что монеты с монограммой (1), как свидетельствуют клады, не выпускались в X в. и поэтому не могли принадлежать Роману I.

Что касается монет, которые А. В. Орешников относит к Роману II ⁷, то общее количество этих монет, найденных в Херсонесе и его округе к

* Монограммы, встречающиеся на херсоно-византийских монетах:

² А. М. Гилевич. Указ. соч., стр. 158.

³ И. В. Соколова. Датировка некоторых монет Херсона.— НИС, 3. К., 1968, стр. 86—98.

⁴ W. G r o t h. Указ. соч., стр. 157, 158.

⁵ Ор. Доп., табл. В, 15.

⁶ Там же, стр. 5.

⁷ Ор. X, 49—54; Ор. Доп., табл. В, 15.

настоящему времени, составляет 1730 экз. Как известно, Роман II правил с ноября 959 по апрель 960 г., а с апреля 960 г. по 15 марта 963 г. вместе со своим сыном Василием II.

Монеты, выпущенные от имени Романа II и Василия II (Ор. X, 55, 56), известны в Херсонесе в небольшом количестве — 35 экз.

Количественное соотношение херсоно-византийских монет по годам правления византийских императоров

Императоры и годы их правления	Число лет правления	Количество монет	Отношение количества монет к числу лет правления
Михаил III и Василий I (866—867)	1	249	249
Василий I (867—886)	19	2116	111,4
Василий I и Константин (869—872)	10	420	42
Лев VI (886—912)	26	362	14
Лев VI и Александр (886—912?)	26	166	7
Александр (912—913)	1	4	4
Роман I (920—944)	25	1730	69,2
Роман I и Христофор (921—924?)	3	10	3,3
Константин VII (944—959?)	15	709	47,2
Константин VII и Роман II (945—959)	14	878	62,7
Роман II и Василий II (960—963)	3	35	11,6
Никифор Фока (963—969)	6	164	27,2
Иоанн Цимисхий (969—976)	7	82	11,7
Василий II и Константин VIII (976—989?)	13	614	47,2
Монеты с монограммой (1)		3577	

Если предположить, что монеты, относимые А. В. Орешниковым к Роману II, выпущены за четыре месяца его единоличного правления, то на этот срок приходится 1730 монет. Даже если считать, как это делает А. В. Орешников, что все типы монет с монограммой имени Романа II или его изображением выпускались с 959 по 963 г., то и тогда получается, что на год правления этого императора приходится свыше 432 монет. Такой интенсивности выпуска не было ни при одном из императоров IX—X вв. (см. таблицу). Никаких причин политического или экономического характера, которые могли бы вызвать столь обильный выпуск монет при Романа II, мы не знаем.

Если согласиться с Росом в том, что монеты с монограммой (2) и всеми ее вариантами относятся к Роману I, то тогда число монет на год правления императора выразится в количестве 69,2 экз., что вполне согласуется с интенсивностью выпуска монет остальных императоров.

Экономический расцвет Херсонеса, начавшийся в середине IX в., продолжался в течение почти всего X века. Острая потребность в городской монете, возникшая в связи с развитием товарного хозяйства, вызвала наибольшую интенсивность выпуска во второй половине IX в., так как до этого Херсонес почти триста лет не выпускал своей монеты. В последующие годы выпуск монет, хотя и не был абсолютно одинаковым при всех императорах, однако сохранял известную равномерность.

Неравномерность выпуска монет⁸ объясняется неразработанной еще до настоящего времени хронологией херсоно-византийских монет IX—X вв. Так, если следовать А. В. Орешникову, то в Херсонесе с 944 по 959 г. выпускались монеты от имени Константина VII и с 945 по 959 г. — от имени Константина VII и Романа II. Это вызывает некоторое сомнение, так как последние выпускались довольно интенсивно. Вряд ли одновременно могли выпускаться и те и другие. Так же маловероятно, что монеты от имени Константина VII, как это считает У. Рос⁹, выпущены с января по апрель 945 г. В этом

⁸ См.: ВВ, т. XXIV, стр. 158, схема 1.

⁹ W. W o t h. Указ. соч., стр. 464, № 58, 59.

случае на три месяца приходится очень большое число монет — 709 экз. Скорее всего, выпуск монет от имени Константина VII начался в Херсонесе с момента его официального восшествия на престол в 913 г., а затем был прерван в 919 г., когда монеты стали выпускаться от имени Романа I. И. В. Соколова очень убедительно выделяет монеты Херсонеса, выпущенные в 913—919 гг. от имени Константина VII и Зои¹⁰. С января по апрель 945 г. снова выпускались монеты от имени Константина VII, а с апреля 945 г. появляются монеты Константина VII и Романа II. Однако, поскольку этот вопрос требует специального исследования, в материалах таблицы мы сохранили датировку А. В. Орешникова.

Таким образом, анализ как всего нумизматического материала Херсона IX—X вв., так и состава кладов этого времени, позволяет сделать вывод о том, что ко времени правления Романа I следует отнести монеты типа: Ор. X, 51, 52; Ор. Доп., табл. В, 15. К этому же времени можно отнести и монеты типа: Ор. X, 49, 50, 53. Последние чрезвычайно редко находят в Херсонесе и его округе, что объясняется немногочисленностью выпуска. Поэтому, вероятно, нет их и в кладах IX—X вв., которые вообще не содержат и ряда других херсоно-византийских монет, довольно редко находимых при раскопках Херсонеса.

В заключение несколько слов о свинцовой пломбе, найденной в составе клада. Пломба представляет собой плоский кружок диаметром 17 × 19 мм с отверстием для продевания нити или шнура. Никаких изображений на обеих сторонах ее не видно. В коллекции Херсонесского музея хранится большое количество свинцовых печатей. Те из них, которые еще не были в употреблении, представляют собой плоский кружок с цилиндрическим, полым внутри, утолщением по диаметру для продевания нитки. Используемые пломбы имеют различные надписи и изображения. Найденная в кладах пломба также сплющена, следовательно, она уже была использована. Но попала ли она в клад по ошибке, будучи принятой за монету, был ли ею опечатан документ, находившийся с кладом, или, наконец, сам клад, заключенный в мягкий кошелек, этот вопрос решить невозможно, так как никаких органических остатков вместе с монетами не обнаружено.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ НАБОР РАЗНОВЕСОВ ИЗ ХЕРСОНЕСА

М. И. ЗОЛОТАРЕВ

(Севастополь)

При раскопках в 1970 г. в Херсонесе, вблизи так называемого храма с ковчегом, в средневековом слое был найден набор бронзовых разновесов. Набор найден *in situ* в уцелевшей части жилой постройки XIV в. вместе с чашечками маленьких рычажных весов. Чашечки круглодонные изготовлены из пластинок бронзы толщиной в 0,2 мм. Диаметр чашек составляет 60 мм, высота — 13 мм. Здесь же обнаружена керамика XII—XIV вв. Набор состоит из пяти плоских чашечек формы усеченного конуса, входящих одна в другую (рис. 1). Весь набор закрывается крышкой, на которой после химической очистки выявился орнамент в виде сложной плетенки (рис. 2). Подобный орнамент встречается на архитектурных деталях и всевозможных поделках Херсонеса XII—XIII вв.¹

Разновесы изготовлены способом литья с последующей обработкой на токарном станке². Набор состоит из следующих предметов:

¹⁰ И. В. Соколова. Херсонесские монеты X в. с портретами императоров.— НЭ, V. М., 1965, стр. 116—120.

¹ О. И. Домбровский. Херсонесская коллекция средневековых архитектурных деталей.— СХМ, III. Симферополь, 1963, стр. 85.

² В. И. Кадеев. О времени появления токарного металлорежущего станка в Херсонесе.— В сб.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, стр. 153.

1. Бронзовая гирька диаметром 18 мм и высотой 3 мм. Диаметр доньшка равен 17 мм. Вес гирьки — 4,50 г — составляет одну номисму;
2. Бронзовая гирька диаметром 22 мм и высотой 6 мм. Диаметр доньшка равен 16 мм. Вес — 8,85 г — почти соответствует двум номисмам;
3. Бронзовая гирька диаметром 27 мм и высотой 8 мм. Диаметр доньшка составляет 19 мм. Вес гирьки — 13,52 г — равен трем номисмам;
4. Бронзовая гирька с верхним диаметром 33 мм и диаметром доньшка 25 мм, высота ее — 14 мм. Вес гирьки — 52,97 г — кратен двум унциям;

Рис. 1. Средневековый набор разновесов из Херсонеса.

5. Бронзовая гирька с крышкой. Диаметр ее верхнего края равен 39 мм, доньшка — 31 мм. Высота — 22 мм. Вес гирьки — 77,85 г — соответствует трем унциям (гирька — 47,26 г, крышка — 30,59 г).

Полный вес всего набора разновесов составляет 157,69 г, то есть почти равен $\frac{1}{2}$ византийского либра-фунта. Теоретический вес фунта равен 327,645 г³, половина его — 163,72 г.

Соотношение веса гирек с теоретическим весом номиналов представлено на таблице.

Вес в г	Теоретический вес в г	Унции, номисмы	Часть фунта	Число солидов	Примечания
4,50	4,55	1 номисма	1/72	1	Входит в гирьку № 2
8,85	9,09	2 »	1/36	2	» » » № 3
13,52	13,65	3 »	1/24	3	» » » № 4
52,97	54,59	2 унции	1/6	12	» » » № 5
77,85	81,86	3 »	1/4	18	Вес чашечки и крышки
157,69	163,72	6 »	1/2	36	Полный набор гирек

Описываемый набор разновесов впервые найден полностью, до этого в раскопках Херсонеса встречались лишь разрозненные такие гири. В работе Л. И. Чуистовой рассматриваются гирьки этого типа⁴, однако находка полного набора позволила снова обратиться к этому материалу. В фондах Херсонесского музея обнаружилось еще несколько гирек такого типа, найдены они и в результате раскопок последних лет. Приводим их описание.

1. Наименьшая гирька от набора⁵. Верхний диаметр равен 18 мм, нижний — 15 мм, высота — 3 мм, вес — 4,23 г. Найдена Р. Х. Лепером при раскопках внутри монастырской ограды в 1914 г., в помещении № 1 (XII—XIII вв.).

2. Гирька с верхним диаметром 25 мм и нижним 23 мм⁶. Высота чашечки составляет 6 мм, глубина выемки — 4 мм, вес — 8,33 г. Найдена при раскопках в портовой части Херсонеса в 1964 г., в помещении 36-б, во 2-м слое XII—XIII вв.

³ Н. J. v. Alberti. Mass und Gewicht. Berlin, 1957, стр. 49.

⁴ Л. И. Чуистова. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье.— Археология и история Боспора, т. II. Симферополь, 1962, стр. 121—126.

⁵ ГХМ, инв. № 30/14.

⁶ ГХМ, инв. № 36648/5.

3. Гирька с верхним диаметром 27 мм и нижним 24 мм. Высота ее равна 7 мм, глубина — 5 мм, вес составляет 9,55 г. Без паспорта.

4. Гирька-чашечка с верхним диаметром 26 мм и нижним 23 мм⁷. Высота чашечки равна 7 мм, глубина — 4 мм, вес составляет 12,65 г. Найдена Р. Х. Лепером при раскопках внутри монастырской ограды, у восточных ворот, в 1911 г., в траншее № 5 с материалом XIII—XIV вв.

5. Гирька с верхним диаметром 35 мм и нижним 24 мм. Высота чашечки 18 мм, глубина 10 мм. Вес равен 40,77 г. Чашечка сильно коррозирована и потеряла часть веса. На внешней стороне донца заметны глубокие диаметральные пропилы, вероятно, таким образом в древности подгонялся вес. Без паспорта.

Рис. 2. Орнамент крышки набора разновесов.

6. Гирька-чашечка с верхним диаметром 35 мм и диаметром дна 26 мм⁸. Высота равна 14 мм, глубина чашечки — 10 мм. Вес составляет 50,16 г. Найдена при раскопках Г. Д. Белова на северном берегу Херсонеса в 1931 г., в помещении № 20, во 2-м слое XIII—XIV вв. Гирька потеряла часть веса.

7. Гирька с верхним диаметром 35 мм и нижним 21 мм⁹. Высота равна 13 мм, глубина — 8 мм. Вес составляет 48,27 г. Найдена при раскопках античного театра в 1971 г., в доме 1970 г., помещение Б — XIII—XIV вв. Гирька потеряла часть веса.

8. Крышечка от набора разновесов этого типа¹⁰. Диаметр составляет 40 мм, высота — 6 мм, вес — 20,21 г. Найдена при раскопках античного театра в 1971 г., в доме 1970 г., в помещении Б — XIII—XIV вв.

Как видим, такие наборы разновесов не имели гирьки в одну унцию*. Наибольшие гирьки от наборов этого типа являлись вместилищами для всех остальных гирь набора. В верхней части они имели невысокий бортик для крышки и весовой норматив составляли лишь с крышечкой. Можно предположить, что такие наборы были двух видов — общим весом в половину и один фунт византийской весовой системы. Большая часть гирек-чашечек найдена в Херсонесе при раскопках К. К. Косцюшко-Валюжинича и, к сожалению, не имеет паспорта. Паспортизованные гири все найдены в слоях XII—XIV вв. и, по всей видимости, бытовали в Херсонесе в это время.

Находка полного набора разновесов, впервые обнаруженного в надежно датированном слое XIV в., представляет большой интерес для изучения метрологии позднесредневекового Херсонеса.

ВИСЛАЯ ПЕЧАТЬ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

В. Г. ПУЦКО

(Ростов Ярославский)

В 1958 г. в Ростовский краеведческий музей поступила свинцовая печать, обнаруженная при очистке цоколя юго-западной башни митрополичьего двора (кремля)¹. Это единственная печать, найденная в Ростове Великом, недалеко от княжеского двора².

⁷ ГХМ, инв. № 22489, полевой 3172/11.

⁸ ГХМ, инв. № 13/35521, полевой 1256—31.

⁹ ГХМ, инв. № 36803.

¹⁰ ГХМ, инв. № 36803.

* В работе Л. И. Чунистой к этой группе гирек ошибочно отнесены гири весом в одну унцию от совершенно других наборов разновесов. См.: Л. И. Чунистова. Указ. соч., стр. 122, гирьки №№ 6—8.

¹ Гос. Ростово-Ярославский архитектурно-художественный музей-заповедник, инв. № РМК—22887.

² Упоминания о печати см.: В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 75; его же. Печати с надписью «Дьяблосло». — СА, 1962, № 2, стр. 165;

Печать прекрасной сохранности, хорошо патинированная, имеет следующие изображения и надписи (рисунок):
Л. с. Изображение св. Василия Великого, погрудное, окруженное ободком. По сторонам надписи:

А	Н
В	М
А	Н
С	Н

«св. Василий».

Об. с. Окруженная ободком надпись в пять строк:

ГІ ПО
МОЗНР
АБУСВО
ЕМУВАС
НЛЪМ

«Господи, помози рабу своему Василью».

Печать оттиснута на круглой свинцовой пластинке диаметром 24—26 мм. Толщина печати 3,5 мм. Через пластинку проходило отверстие для продевания шнура, следы которого ясно видны на оборотной стороне.

На лицевой стороне печати довольно хорошо различимо поясное изображение св. Василия Великого (Кесарийского) в епископском облачении: в фелони с узким омофором, украшенном крестами, образованными из крупных выпуклых точек. На левой руке Василий держит Евангелие, правая — у груди. В окончании надписи І вынесено из столбца и помещено слева против интервала между А и Н.

Хорошо сохранилась и надпись на оборотной стороне печати. Она выполнена правильным уставом раннего XII в. Обращает на себя внимание перевернутое (в зеркальном виде) Ю в слове «Василью». Вероятно, при продевании шнура немного повреждены буквы У в слове «своему» и Ъ в слове «Василью».

Вопрос о принадлежности публикуемой находки решается путем привлечения аналогичных печатей. Их число за последнее время значительно пополнилось за счет новых находок. Если в 1956 г. В. Л. Янин смог назвать лишь единственную достоверную печать Владимира Мономаха с русской надписью³, то через шесть лет он отмечал, что уже зарегистрировано более двадцати⁴. На 23 экземплярах, происходящих от 17 пар матриц, поясное изображение Василия Великого. На одном экземпляре более пространная надпись: «Господи, помози рабу своему Василью, князю руського», на остальных — «Господи, помози рабу своему Василью». Таким образом, принадлежность ростовского экземпляра печати Владимиру Всеволодовичу Мономаху не вызывает сомнений. Печати с русской формулой «Господи, помози рабу сѡему», по заключению В. Л. Янина, занимают в русской сфрагистике хронологически определенное место, а именно: принадлежат к периоду не ранее 1113 г.⁵

Из текста «Поучения» Владимира Мономаха известно, что в Ростов он ездил несколько раз. Относительно времени первой поездки в литературе существуют различные мнения⁶. По мнению С. М. Соловьева⁷, а также раз-

В. Л. Янин, Г. Г. Литаврин. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха.— Историко-археологический сборник. М., 1962, стр. 211; е го же. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. 1. М., 1970, стр. 70, 187—188, табл. 10, 43.

³ В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг.— Труды Новгородской археологической экспедиции, т. I.— МИА, № 55. М., 1956, стр. 153.

⁴ В. Л. Янин. Печати с надписью «Дньбслово», стр. 164; В. Л. Янин, Г. Г. Литаврин. Указ. соч., стр. 211.

⁵ В. Л. Янин, Г. Г. Литаврин. Указ. соч., стр. 211.

⁶ М. П. Погодин. Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. VI. М., 1885, стр. 45 (относит к 1066—1075 гг.); Н. В. Шляков. О Поучении Владимира Мономаха.— ЖМНП, 1900, май, стр. 101 (относит к 1072—1073 гг.); А. Н. Насонов.

вившего его положение И. М. Ивакина, эта поездка имела место в 1068 г. И. Ивакин обратил внимание на то, что Мономаху пришлось идти в Ростов «сквозь Вятичѣ», которые во второй половине XI в. еще не были покорены Рюриковичами. Этот крайне опасный путь был избран Мономахом под влиянием тех чрезвычайных обстоятельств, которые сложились в результате киевского восстания 1068 г.⁸ Этот вывод в настоящее время поддерживается В. А. Кучкиным, который считает, что объяснения С. Соловьева и И. Ивакина относительно сообщения «Поучения» Мономаха дают основания счи-

Печать Владимира Мономаха.

тать, что Ростовская земля в то время принадлежала отцу Мономаха Всеволоду Ярославичу⁹. В 1099 г. Мономах ходил в Ростов «на зиму» (идо-хом Ростову на зиму) перед возвращением весной того же года в Переяславль¹⁰. В Ростове он побывал также во второй половине января 1170 г. («И по Рождестве сотворихом мир с А[е]пой и, поим у него дочь, идохом Смоленску. И потом идох Ростову») ¹¹. В Ростовской области Мономах срубил город на Клязьме, назвав его своим именем. Этот город, в отличие от Владимира-Волынского, стали потом называть Владимиром-Залесским¹². В Ростове, по свидетельству Киево-Печерского Патерика, Владимир Мономах на рубеже XI—XII вв. построил первый каменный храм¹³.

Владимир Мономах очень рано начал свою военную деятельность. На протяжении нескольких десятилетий он был владетельным князем, занимая княжий стол в различных городах. В 1077 г. он получает Смоленский стол¹⁴,

«Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 48, 181, 168—169 (относит к 1068—1074 или к 1072 г.); Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, стр. 269 (относит к 1066 г.).

⁷ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. I, т. 2, б. г., стб. 295, прим. 2.

⁸ И. М. Ивакин. Князь Владимир Мономах и его Поучение. Часть первая. Поучение детям. Письмо к Олегу и отрывки. М., 1901, стр. 146.

⁹ В. А. Кучкин. Ростово-Суздальская земля в X — первой трети XIII веков (Центры и границы).— История СССР, 1969, № 2, стр. 67.

¹⁰ ПСРЛ, т. I, стр. 104, 147; А. С. Орлов. Владимир Мономах. М.—Л., 1946, стр. 140—141.

¹¹ ПСРЛ, т. I, стр. 147.

¹² Д. А. Корсаков. Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872, стр. 70.

¹³ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 9. В этой части Патерика, автором которой считают владимирского епископа Симона (1215—1226), читаем: «и во своем княжении христолюбец Владимир, взем меру божественные тоа церкви печерскы, всем подобиемъ създа церковь в граде Ростове». «Взем же Владимирь едину икону святую Богородицю и посла в град Ростов, в тамо сущую церковь, юже сам созда» — пишет другой автор, печерский монах Поликарп.— Там же, стр. 124. Но, как отметил Н. Н. Воронин, в Тверском летописном сборнике, использовавшем ростовские летописи, в Воскресенской и Никоновской летописях, а также в Степенной книге сообщается, что сгоревшая в Ростове в 1160 г. соборная церковь была деревянной. (Н. Н. Воронин. Археологические исследования архитектурных памятников Ростова.— Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области, вып. I. Древний Ростов. Ярославль, 1958, стр. 5—6; е го же. Политическая легенда в Киево-Печерском Патерике.— ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 96—102). В составленной Дмитрием Ростовским в начале XVII в. «Летописи о ростовских архиереях» (СПб., 1890, стр. 1—2), находим сведения о том, что церковь, возведенная Андреем Боголюбским, была первой каменной в Ростове.

¹⁴ ПСРЛ, т. II, стр. 275.

с 1078 по 1094 г. продолжалось его черниговское княжение¹⁵, с 1094 по 1113 г. был переяславским князем¹⁶. В апреле 1113 г. в Киеве произошло народное восстание. Разгромив дворы тысяцкого, соцких, евреев и ростовщиков, восставшие стали угрожать княжескому дворцу и монастырям. Владимир Мономах, приглашенный напуганной киевской знатью на великое княжение, выступил в роли примирителя противоречий. Великокняжеский стол Мономах занимал с 1113 г. до самой смерти, последовавшей в 1125 г.¹⁷

Избранный киевским князем, Владимир Мономах в последние годы жизни уже не ездил в далекую Ростовскую землю, а посылал туда своих сыновей¹⁸. Известно, что в Ростов он отправил тысяцкого варяга Георгия, дав ему «на руки» своего сына Юрия. В годы междоусобиц Ростовское княжество становится предметом распри между Изяславом Владимировичем и Олегом Святославичем Черниговским¹⁹, пока Любечский съезд в 1097 г. не укрепляет его за Владимиром Мономахом и его родом²⁰. Сын Мономаха Юрий Долгорукий, очевидно, был первым князем, который стал постоянно жить в Ростовской земле.

Из четырех известных экземпляров, оттиснутых той же парой матриц, что и печать, обнаруженная в Ростове, три найдены: одна, предположительно, в Киевской области, в 1918 г.; вторая — в Новгороде, в 1926 г. и третья — также в Новгороде, в 1967 г.²¹ Безусловно, сейчас нет возможности установить, при каком документе попала печать Мономаха в Ростов. Не исключено, что своим происхождением она обязана переписке великого князя с сыном или княжеским наместником, находившимся в Ростове.

Что касается типовых особенностей, то она обнаруживает явные черты перехода от печатей конца XI в. к печатям, характерным для XII в. Княжеские буллы XI в., как известно, имеют преимущественно греческие легенды. Затем к концу XI в. на смену им приходит так называемый греко-русский тип печати, который в свою очередь с начала XII в. уже полностью исчезает в княжеской сфрагистике, уступая место русскому типу без титула, характерному для первой трети XII в.²² К этому типу, унифицированному в 1110-х годах с благожелательной надписью, и может быть отнесена публикуемая печать из собрания Ростовского музея.

КЛАД МОНЕТ НАЧАЛА XVII В. ИЗ С. АРКАДИЕВЦЫ ХМЕЛЬНИЦКОЙ ОБЛАСТИ

П. А. ГОРИШНЫЙ
(Киев)

М. И. ЯГОДЗИНСКИЙ
(Меджибож)

Осенью 1970 г. во время полевых работ между селами Аркадиевцы и Редвинцы Хмельницкого района Хмельницкой области был обнаружен клад средневековых монет.

¹⁵ ПВЛ, ч. I, стр. 135—148. Существует предположение, что Черниговское княжество Мономах получил в 1076 г. в связи с переходом его отца на киевское княжение (В. Н. Т а т и щ е в. История России с самых древнейших времен, т. 2, стр. 131—135). С 1093 г. Мономах вел ожесточенную борьбу с половцами и опиравшимся на них Олегом Святославичем, которому, в конечном итоге, он вынужден был в 1094 г. уступить Чернигов.

¹⁶ ПВЛ, ч. I, стр. 148, 196.

¹⁷ ПВЛ, ч. I, стр. 196; ПСРЛ, т. I, вып. 2, стр. 293.

¹⁸ Д. А. К о р с а к о в. Указ. соч., стр. 71.

¹⁹ ПСРЛ, т. I, стр. 109. Северо-Восточная Русь во владение Мономаха попала в 1093—1094 гг. Около 1095 г. он посадил на княжение в Суздаль своего малолетнего сына Юрия, прозванного Долгоруким.

²⁰ ПСРЛ, т. I, стр. 109.

²¹ В. Л. Я н и н. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. I, стр. 187—188

²² В. Л. Я н и н, Г. Г. Л и т а в р и н. Указ. соч., стр. 212.

Клад, насчитывавший около тысячи монет, был в значительной части (834 монеты) собран учителем Редвинецкой восьмилетней школы А. В. Ткаченко и передан им в фонды Меджибожского музея-крепости (Летичевский район Хмельницкой области), являющегося филиалом Хмельницкого областного краеведческого музея. На место находки выезжал научный сотрудник Института археологии АН УССР кандидат исторических наук О. М. Приходнюк, который собрал у местных жителей еще 81 монету. Таким образом, большая часть клада оказалась доступной для изучения.

В настоящее время большая часть найденных монет хранится в Меджибоже (624 экз.), меньшая (291 экз.) — в Институте археологии АН УССР (г. Киев).

Клад был найден у с. Аркадиевцы на поле, называемом местными жителями «Пидлисцы». Там некогда находилось небольшое село, снесенное в середине 30-х годов XIX в. Эта территория теперь распаивается, на поверхности в большом количестве встречаются фрагменты керамики, стекла и зольные пятна. Клад находился в некотором удалении от основного ядра поселения; поблизости от места находки клада обнаружены следы одиночного жилища; собранные вокруг остатки материальной культуры отличались большим разнообразием и тщательностью изготовления. Среди находок встречено железное тесло, обломки стеклянных рюмок и расписной посуды.

Сохранившаяся часть клада насчитывает 915 монет. Самыми старшими монетами клада являются монеты польского короля Казимира (коронный полугрош и сильно стертые солиды, чеканенные для г. Данцига) и гроши Тевтонского ордена конца XV в. Однако немногочисленность ранних монет и их сильная потертость позволяют говорить о том, что они являются случайной примесью и не могут характеризовать начало накопления данного комплекса. Самой младшей монетой является полторак Сигизмунда III 1623 г. Поскольку этот самый распространенный номинал польской чеканки Сигизмунда III присутствует в составе клада в единственном экземпляре, можно предположить, что он не имеет отношения к кладу, а попал туда при сборе клада случайно, из какой-то местной находки. С большей долей вероятности младшей монетой может быть признан коронный солид Сигизмунда 1616 г., поскольку этот номинал представлен большим количеством монет того же номинала рижской чеканки. Наиболее компактной группой представлены монеты первого десятилетия XVII в. (упомянутые рижские солиды и венгерские денарии Рудольфа II). Таким образом, прекращение накопления клада из с. Аркадиевцы можно отнести к первому десятилетию XVII в., а его зарытие примерно к 1616 г.

Несмотря на то, что клад был зарыт в начале XVII в., основную массу составляют монеты XVI в. Преобладающим компонентом являются литовские полугроши Александра, Сигизмунда I и Сигизмунда Августа (381 экз.).

Польские владения представлены единичными экземплярами, исключение составляют лишь рижские солиды Сигизмунда III (82 экз.). Немногочисленны и монеты коронной чеканки — гроши и полугроши (30 экз.). К последним примыкает и небольшая группа свидницких полугрошей Людовика II (10 экз.). Видимо, прав Н. Ф. Котляр, объяснявший слабое распространение свидницкой монеты на украинских землях скромной ролью коронного полугроша в денежном обращении¹.

Другой определяющей категорией монет клада из с. Аркадиевцы являются венгерские денарии Фердинанда I, Максимилиана II и Рудольфа II (338 экз.). Хотя эти денарии представлены по годам с конца 20-х годов XVI в., почти без перерывов, их поступление следует отнести к последней четверти XVI ст.²

¹ М. Ф. Котляр. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. К., 1971, стр. 95—96.

² В. Н. Рябцевич. Денежное обращение и клады на территории Чернигово-Северской земли и Восточной Белоруссии в XVI в.— НИС, 3, 1968, стр. 177—178.

Другой большой клад (из с. Кунисивцы Городенковского района Ивано-Франковской области ³), содержащий в значительном количестве венгерские денарии, был зарыт в первой половине XVI в. Правда, он расположен значительно южнее, ближе к территории Венгрии.

И, наконец, немногочисленной, но довольно выразительной группой являются монеты германских государств и городов (24 экз.). Каждый город или владение представлено всего одной-двумя монетами. О какой-то особой роли каждого из них в торговых связях с украинскими землями говорить, конечно, не приходится, хотя в целом эта группа монет может свидетельствовать в пользу устойчивости политических или экономических связей Германии и Украины во второй половине XVI в.

П р и л о ж е н и е

ОПИСАНИЕ МОНЕТ КЛАДА ИЗ С. АРКАДИЕВЦЫ

Великое княжество Литовское. *Александр* (1501—1506), полугроши (180); *Сигизмунд I* (1506—1548), полугроши 1509 (2), 1510 (4), 1511 (6), 1513 (13), 1514 (5), 1515 (7), 1516 (1), 1517 (2), 1518 (2), 1519 (4), 1520 (3), 1521 (6), 1523 (1), 1524 (1), 1526 (1), со стертыми датами (33); *Сигизмунд Август* (1545—1572), полугроши 1546 (1), 1547 (7), 1548 (2), 1549 (1), 1550 (7), 1551 (1), 1555 (1), 1556 (4), 1557 (8), 1558 (8), 1559 (16), 1560 (14), 1561 (12), 1562 (8), 1563 (9), 1564 (6), 1565 (14); *Стефан Баторий* (1576—1586), солиды 1581 (1), 1583 (1), 1584 (1).

Польша. *Казимир* (1447—1492), полугрош (2); *Ян Ольбрахт* (1492—1501), полугроши (8); *Александр*, полугроши (11); *Сигизмунд I*, полугроши 1507 (6), 1508 (3), 1509 (5), 1511 (1), со стертыми датами (4); гроши 1527 (1), 1529 (1), 1548 (1); *Стефан Баторий*, солиды 1582 (1), 1583 (1), 1584 (1), 1585 (1), 1586 (2); *Сигизмунд III* (1587—1632), солиды 1590 (1), 1592 (4), 1593 (1), 1599 (1), 1616 (1), полтора гроша 1623 (1).

Пруссия (под властью Польши). *Сигизмунд I*, солид (со стертой датой — 1), грош 1531 (1).

Пруссия (герцогство, в ленной зависимости от Польши). *Альберт II* (1525—1569), солиды 1530 (1), 1531 (1), 1553 (1), со стертыми датами (2); гроши 1542 (1), 1545 (1).

Данциг. *Казимир*, солиды (2); *Сигизмунд I*, солиды 1530 (1), 1540 (1).

Эльблонг. *Сигизмунд I*, солиды 1532 (2).

Рига. *Стефан Баторий*, солиды 1582 (5), 1586 (1); *Сигизмунд III*, солиды 1588 (2), 1591 (2), 1594 (1), 1595 (4), 1596 (10), 1597 (5), 1598 (7), 1599 (4), 1600 (12), 1601 (7), 1602 (4), 1603 (9), 1604 (2), 1605 (5), со стертыми датами (9), подделки солидов с нечитаемыми надписями (2).

Силезия, г. Свидница. *Людвиг II* (1516—1526), полугроши 1520 (2), 1521 (1), 1525 (1), 1526 (3), со стертыми датами (3).

Тевтонский орден. *Иоганн* (1489—1498), грош (1), со стертым именем гроссмейстера (1).

Венгрия. *Фердинанд* (1526—1564), денарии 1528 (1), 1529 (1), 1532 (2), 1535 (2), 1536 (1), 1537 (1), 1538 (1), 1539 (2), 1540 (6), 1541 (2), 1542 (1), 1543 (9), 1544 (4), 1545 (3), 1546 (3), 1547 (2), 1548 (1), 1549 (10), 1550 (4), 1551 (4), 1552 (6), 1553 (1), 1554 (5), 1555 (7), 1556 (5), 1557 (10), 1558 (3), 1559 (3), 1560 (3), 1561 (3), 1562 (2), 1563 (2), 1564 (4), 1565 (3), со стертыми датами (8). *Максимилиан II* (1564—1576), денарии 1565 (1), 1566 (1), 1567 (3), 1568 (1), 1569 (2), 1570 (8), 1571 (9), 1572 (6), 1574 (3), 1575 (6), 1576 (8), 1577 (7), 1578 (10), со стертой датой (1), *Рудольф II* (1576—1612), денарии 1579 (5), 1580 (11), 1581 (10), 1582 (1), 1583 (7), 1584 (9), 1585 (13), 1586 (7), 1587 (4), 1588 (2), 1589 (7), 1590 (3), 1591 (11), 1592 (3), 1593 (6), 1594 (3), 1595 (2), 1596 (6), 1597 (1), 1599 (4), 1601 (5), 1602 (7), 1603 (6), 1604 (3), 1605 (1), 1606 (1), 1607 (3), со стертыми датами (6).

Бранденбург, маркграфство. *Иоахим II* (1535—1571), крейцер 1552.

Брауншвейг, город. Мариенгрош 1550.

Брауншвейг-Каленберг, герцогство. *Эрих II* (1540—1584), мариегрош 1550.

Бреслау, епископство. *Иоганн* (1506—1520), грош 1508.

Вормс, епископство. *Георг* (1580—1595), $\frac{1}{2}$ батцена 1588.

Гамельн, город. Мариенгрош 1546, грош 1573.

Голштейн-Готторп, герцогство. *Иоганн Адольф* (1590—1616), грош 1602.

Гослар, город. Мариенгрош 1553.

Кельн, город. Альбус 1584 (1), 1595 (1).

Корбах, город. Мариенгрош, б. г.

Корвей, аббатство. Мариенгрош 1544—1554 гг., *Каспар* (1547—1555), мариегрош 1549.

Лигниц-Бриг, герцогство. *Фридрих II* (1495—1547), грош б. г. (1), 1543 (1), 1545 (1).

Нейсс, город. 6 геллеров, год стерт (1).

³ Н. А. Соболева. Пражские гроши в музеях Украины. НиС, 1. К., 1963, стр. 135, № 9; Н. Ф. Котляр. Указ. соч., стр. 94, 102, прим. 8 (№ 339); а также статья Д. Я. Берга в настоящем выпуске.

Оснабрюк, епископство. *Эрих II* (1508—1532), $\frac{1}{4}$ шиллинга б. г.
Пфальц-Вельденц, графство. *Георг Иоганн* (1544—1592), $\frac{1}{2}$ батцена 1577.
Сольмс-Лих, графство. *Эрнст, Эберхард и Герман Адольф* (1562—1590), $\frac{1}{2}$ батцена

1590.

Страсбург, епископство. *Иоганн* (1569—1592), $\frac{1}{2}$ батцена 1575.
Тироль, графство. *Фердинанд* (1521—1564), $\frac{1}{2}$ батцена б. г.
Шпейер, епископство. *Марквард* (1560—1581), $\frac{1}{2}$ батцена 1575.
Юлих-Клеве-Берг, герцогство. *Вильгельм* (1539—1592), штюбер 1577.

ДВА КЛАДА МОНЕТ XVI—XVII ВВ. ИЗ ЖИТОМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

В. Я. КАПЛУН
(Житомир)

Весной 1970 г. во время работ на территории старой мельницы г. Коростышева Житомирской обл. был вырыт горшок, содержащий серебряные монеты. Горшок не сохранился, а весь клад, состоящий из 332 монет, был передан в Коростышевский краеведческий музей.

Основу клада составляют русские и польско-литовские монеты с небольшим добавлением западноевропейских монет XVI—XVII вв. (см. Приложение I). Количеством монеты клада распределяются так: серебряные копейки — 164 экз., польско-литовские монеты номиналом от орта до полугроша — 132 экз., пражский грош — 1 экз., денарии Венгерского королевства — 23 экз., гроши Семиградья — 2 экз., дрейпельеры германских государств — 8 экз., дрейпельеры прибалтийских владений Швеции — 2 экз. Самой старшей монетой клада оказался венгерский денарий, выпущенный в 1533 г. монетным двором Кермез Банья (Кремниц) Фердинандом I (1526—1564) *, младшей монетой — дрейпельер г. Эльблонга 1633 г. с именем шведского короля Густава II Адольфа (1621—1632).

Таким образом, время зарытия Коростышевского клада — четвертое десятилетие XVII в., а хронологический диапазон выпуска монет, попавших в клад, — сто лет.

По своему составу Коростышевский клад несколько отличается от аналогичных монетных кладов XVII в.

Ядро его образуют русские (49,39%) и польско-литовские монеты (39,76%), и только 10,85% приходится на долю монет других европейских государств.

Монеты России, входящие в состав клада, охватывают период со времени великого княжения Ивана IV (1533—1547) до царствования Михаила Федоровича (1613—1645) и представлены всеми правителями этого периода, включая ставленников интервентов — Лжедмитрия и Владислава Жигимонтовича.

Наращение русского компонента в монетных кладах XVII в., находимых на Украине, обусловлено, прежде всего, ростом политического и экономического влияния России в этом районе, и следовательно, увеличением удельного веса русской монеты в денежном обращении Украины.

Коростышевский клад монет является нумизматическим отображением этого влияния и представляет несомненный интерес для изучения денежного обращения на Украине в XVII в.

В середине мая 1970 г. при вспашке поля на юго-восточной окраине с. Сколобов Червоноармейского района Житомирской области трактор вынес на поверхность глиняный горшок, наполненный старинными серебряными монетами. Сосуд был разбит и присыпан землей, а спустя несколько дней найден местными школьниками. Клад разошелся по рукам, небольшая часть

* На эту же роль может претендовать недатированный пражский грош Фердинанда I (1526—1564).

монет и фрагменты сосуда попали в школьный краеведческий музей, благодаря чему стали доступны для исследования. По словам тех, кто нашел клад, он состоял примерно из 1000 мелких и 50 крупных монет, завернутых в грубую льняную ткань.

Анализ сохранившейся части клада (270 экз., см. Приложение II) показал, что ядро его составляли низкопробные польско-литовские монеты Сигизмунда III (1587—1632). Большинство этих монет выпущено в 1621—1627 гг., в период наибольшей активности польских монетных дворов.

Остальная часть клада представлена монетами многочисленных светских и духовных правителей германских государств, датскими марками Христиана IV (1588—1648), талерами Голландской республики, дрейпелькерами прибалтийских владений Швеции времени Густава II Адольфа (1621—1632), полуталерами Испанской Мексики, копейками Ивана IV (1547—1584), алтунами и онгами Османской империи.

Самая старшая монета клада — полугрош великого княжества Литовского, выбитый в 1565 г., а самая младшая — левендаальдер Голландской республики 1633 г. Таким образом, время зарытия Сколобовского клада — 30-е годы XVII ст., начало правления Владислава IV Вазы (1633—1648). Изношенность наблюдается лишь на мелких низкопробных монетах, крупные серебряные монеты сохранились хорошо. Сколобовский клад принадлежит к распространенному типу монетных кладов XVII в., в изобилии находимых на Украине и Белоруссии. Однако, в отличие от других, он содержит сравнительно редко встречающиеся монеты Испанской Мексики и Османской империи.

Наличие в денежном обращении огромной массы обесцененной низкопробной монеты создало предпосылки для массового изъятия денег из обращения и превращения их в сокровища. Оба рассмотренных клада, Коростышевский и Сколобовский, являются ценными историческими памятниками, характеризующими экономическое состояние украинских земель в первой половине XVII в.

Приложение I

ОПИСАНИЕ МОНЕТ КОРОСТЫШЕВСКОГО КЛАДА

Польша. *Сигизмунд I Старый* (1505—1548), грош 1547 (1); *Сигизмунд III* (1587—1632), орты 1621 (3), 1622 (7), 1623 (4), 1624 (5), тройной грош 1624 (1), полторагрошовики 1622 (9), 1623 (8), 1624 (6), 1625 (10), 1627 (1), гроши 1604 (4), 1605 (1), 1606 (5), 1608 (4), 1609 (13), 1610 (9), 1611 (7), 1612 (7), 1613 (1), 1614 (2), 1615 (2).

Великое княжество Литовское. *Сигизмунд I Старый*, гроши 1536 (2), 1539 (1); *Сигизмунд III Ваза*, гроши 1609 (5), 1610 (6), 1611 (3), 1612 (1), 1613 (2).

Россия. *Иван IV* (1533—1584), великокняжеские деньги (12), царские копейки (40) *; *Федор Иванович* (1584—1598) — 30; *Борис Федорович Годунов* (1598—1605) — 6; *Дмитрий Иванович (Лжедмитрий I)* (1605—1606) — 6; *Василий Иванович Шуйский* (1606—1610) — 14; *Владислав Жигимонтович* (1610—1612) — 1; *Михаил Федорович Романов* (1613—1645) — 50; неопределенные — 5.

Чехия. *Фердинанд I* (1526—1564), пражский грош — (1).

Семиградье (княжество). *Габриэль Баторий* (1608—1613), гроши 1610 (1), 1612 (1) **.

Венгрия ***. *Фердинанд I* (1526—1564), денарии 1533 (1), 1547 (1), 1553 (1), 1559 (2), 1562 (1); *Максимилиан II* (1564—1576), денарии 1570 (1), 1571 (2), 1572 (1); *Рудольф II* (1576—1612), денарии 1583 (1), 1586 (1), 1588 (1), 1591 (1), 1593 (1), 1596 (1), 1597 (1), 1601 (1), 1609 (1), со стертой датой (3).

Померания Вольгаст (герцогство)**** *Филипп Юлий* (1620—1625), 1620 (1). **Гамельн** (имперский город), 1577 (1). **Брауншвейг-Вольфенбюттель** и **Люнебург**, 1573 (1). **Шаумбург** (графство), 1599 (1). **Юлих, Клеве и Берг** (графство), 1586 (1), 1609 (1). **Пруссия** (герцогство). *Георг Вильгельм* (1619—1640), 1630 (2).

Швеция (прибалтийские владения). *Густав II Адольф* (1621—1632), 1630 (1) *****, 1633 (1).

* Псковский монетный двор — 10 экз., московский — 30 экз.

** Монетный двор Надь Банья (Банья Маре).

*** Монетный двор Кермез Банья (Кремниц).

**** Номиналом всех перечисленных ниже монет является полторагрошовик или дрейпелькер.

***** Монетный двор Эльблонг

ОПИСАНИЕ МОНЕТ СКОЛОБОВСКОГО КЛАДА

Польша. *Сигизмунд III* (1587—1632), орты 1621 (4), 1622 (3); шестигрошовики 1624 (2), 1625 (2), 1626 (3), 1627 (1); трехгрошовики 1618 (1), 1620 (1), 1621 (4), 1622 (8), 1623 (4), 1624 (5); полугорогагрошовики 1614 (1), 1615 (5), 1616 (6), 1617 (2), 1618 (3), 1619 (4), 1620 (6), 1621 (10), 1622 (20), 1623 (37), 1624 (14), 1625 (18), 1626 (13), 1627 (9); гроши 1623 (1), 1624 (6), 1625 (1).

Великое княжество Литовское. *Сигизмунд II Август* (1545—1572), полугрош 1565 (1); двойной денарий 1570 (1). *Сигизмунд III*, полугорогагрошовик 1619 (1), гроши 1625 (4), 1626 (6), 1627 (2), двойные денарии 1620 (2).

г. Гданьск. *Сигизмунд III*, орты 1610 (2), 1616 (1), 1618 (1); грош 1627 (1).

г. Рига. *Сигизмунд III*, полугорогагрошовики 1620 (3); грош 1616 (1).

Соединенные провинции (Голландская республика). Гельдерн, талер 1620 (1); Западная Фрисландия, талеры 1632 (1), 1633 (1); Кампен (имперский город), $\frac{1}{4}$ талера без даты (1).

Дания. *Христиан IV* (1588—1648), марки 1613 (1), 1618 (1).

Померания (герцогство). *Франциск I* (1618—1620), дрейпелькеры 1617 (2), 1618 (1), 1619 (2); *Богислав XIV* (1620—1637), дрейпелькер 1621 (1).

Мюнстерберг-Эльс. *Карл II* (1587—1617), тройные крейцеры 1613 (1), 1614 (1), 1615 (1).

Гильдесгейм (епископство). *Эрнст* (1573—1612), дрейпелькер 1609 (1). Геттинген (имперский город), дрейпелькер 1617 (1). Ганновер (имперский город), дрейпелькер 1617 (1). Верден (капитул), дрейпелькер 1618 (1). Липпе (графство). *Симон VI* (1563—1613), дрейпелькеры 1612 (1), 1613 (1). Шаумбург (графство). *Эрнст* (1601—1622), дрейпелькеры 1602 (1), 1614 (1).

Кельн (архиепископство), дрейпелькеры 1611 (1), 1615 (1). Юлих, Клеве и Берг (графство). *Иоанн Вильгельм* (1592—1609), дрейпелькер 1609 (1). Пруссия (герцогство — ленник Польши). *Иоганн Сигизмунд* (1572—1619), дрейпелькеры 1612 (1), 1620 (1); *Георг Вильгельм* (1619—1640), дрейпелькеры 1623 (1), 1624 (1), 1625 (1), 1626 (2), 1627 (2).

Швеция (прибалтийские владения). *Густав II Адольф* (1621—1632), г. Рига, дрейпелькеры 1622 (1), 1623 (1); г. Эльблонг, трехгрошовик 1632 (1), дрейпелькер 1932 (1).

Швейцария. Цуг (кантон), $\frac{1}{4}$ талера 1612 (1).

Мексика (испанские владения), г. Закатекас, $\frac{1}{2}$ талера без даты (1).

Россия *Иван IV* (1547—1584), копейка (1); г. Новгород (период шведской оккупации 1611—1617 гг.) без даты (2).

Османская империя. *Мурад III* (1574—1595), алтун (золото) без даты (1); *Ахмед I* (1603—1617), онга без даты (1).

НЕКОТОРЫЕ КЛАДЫ МОНЕТ XVI—XVII ВВ., НАЙДЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ УССР

Д. Я. БЕРГ

(Киев)

Своевременное сохранение, фиксация и изучение новых находок является одной из основных задач нумизматики. Ежегодно находящиеся клады средневековых монет заполняют нумизматическую карту Украины, постепенно формируя ценнейший источник для изучения экономической и политической истории республики.

Совершенно очевидно, что чем точнее и глубже будет разработан этот источник, тем содержательнее и многообразнее будут полученные с его помощью выводы, тем достовернее будет нарисованная им картина историко-экономического быта ушедших поколений.

Именно под этим углом зрения обращает на себя внимание один из интереснейших кладов первой половины XVI в., опубликованный, к сожалению, с недостаточной полнотой и уже вошедший в научный обиход. Речь идет о кладе, найденном в 1954 г. у с. Кунисивцы Городенковского района Ивано-Франковской области. Клад, поступивший в Институт археологии АН УССР¹, был обнаружен гр. Меуш П. С. Известно, что клад находился в глиняном горшке, более точно обстоятельства находки и место остаются невыясненными.

Клад, содержащий в числе прочих монет пражский грош Вацлава IV, именно этим обратил на себя внимание Н. А. Соболевой, был систематизи-

¹ Инвентарный № 28.

рован ею и суммарно опубликован². Она перечисляет следующие монеты в составе клада (помимо упомянутого выше пражского гроша): «польские полу-гроши Владислава Ягайлы, Казимира, Яна Ольбрахта, литовские и польские полугроши Александра, Сигизмунда I, венгерские денарии Матвея Корвина, Владислава и Людовика — всего 946 экземпляров»³.

Именно в таком виде, за исключением уточнения названия села, сведения о составе клада вошли в работу Н. Ф. Котляра⁴.

Хотя внимание первого исследователя и было сосредоточено главным образом на находках пражских грошей, все же нельзя не посоветовать по поводу слишком общего описания всего состава клада. К тому же Н. Соболева не упомянула небольшую, но достаточно любопытную группу монет из этого же клада. Если учесть, что значительно позднее в фондах Института археологии АН УССР было найдено еще некоторое количество монет, принадлежащих кладу, не изменивших, правда, общей картины, то необходимость более детального описания клада представляется совершенно очевидной.

Упомянутые выше категории монет* дополняются компактной группой мелких серебряных турецких монет (аспров), относящихся, судя по сохранившимся на некоторых из них датам, к концу XV — началу XVI вв. Таких монет в кладе оказалось 17 экз. Единичными экземплярами представлена чеканка г. Свидницы, архиепископства Магдебург и Пруссии, находившейся под властью Польши. Монета последней, грош Сигизмунда I 1530 г., является самой поздней монетой клада, указывая на время его тезаврации. Поскольку сохранность гроша весьма хорошая, хотя он и выглядит мятым, как бы «пожеванным», дата зарытия клада может быть отодвинута не более чем на несколько лет после 1530 г. Что же касается периода интенсивного накопления клада, то он заканчивается примерно десятью годами ранее, около 1520 г. — ни многочисленные обычно в кладах литовские полугроши, ни венгерские денарии не выходят за пределы этой даты.

За исключением уникальной для кладов этой территории примеси турецких монет, остальные группы монет клада из с. Кунисивцы являются обычными. Может быть, только свидницкие полугроши, и особенно венгерские денарии, следует отнести к категории сравнительно редко встречаемых. Условия для обращения их на денежном рынке были, однако, различными. Свидницкая монета, уступавшая литовским по весу и чистоте металла, вряд ли могла завоевать сколько-нибудь прочные позиции. К тому же эти монеты не играли самостоятельной роли, а являлись, если можно так выразиться, «сорной» примесью к полугрошам коронной чеканки. Последних в кладу насчитывается 110 экз. Другое дело, когда речь касается венгерского денария, который, составляя часть стоимости полугроша, с успехом мог выполнять функцию мелкого номинала в системе местного денежного счета.

Интересно отметить, что если в кладе из с. Кунисивцы, относящемся примерно к 1520 г., соотношение польско-свидницкой монеты и венгерской решительно в пользу первой (222 к 81), то к самому началу XVII в., как показывает клад из с. Аркадиевцы, публикуемый в настоящем сборнике, оно столь же показательно меняется в пользу венгерского денария (соответственно 50** к 338).

Отмеченные особенности позволяют рассматривать клад из с. Кунисивцы как важный и интересный источник по истории денежного обращения Украины начала XVI в.

² Н. А. С о б о л е в а. Пражские гроши в музеях Украины. — НиС, 1, 1963, стр. 135, № 9. Автор приводит неточное название населенного пункта — с. Кунивцы, что было вызвано ошибочной записью в некоторых документах, относящихся к кладу.

³ Н. А. С о б о л е в а. Указ. соч., стр. 135.

⁴ М. Ф. К о т л я р. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. К., 1971, стр. 102, прим. 8, № 339.

* Полный количественный состав клада приводится в Приложении I.

** В это число включены лишь полугроши. Небольшое количество грошей и солидов увеличит эту цифру, но незначительно.

В нумизматической коллекции Института археологии АН УССР хранится неопубликованный клад монет, найденный в 1952 г. в с. Голяки Каневского района Черкасской области ⁵.

Каневский райисполком передал Институту археологии 574 экз. Общее количество найденных монет осталось неизвестным, не исключено, что клад сохранился в полном составе. Обстоятельства его находки также неизвестны.

Время зарытия клада определяет наличие в нем литовского и коронного солидов Яна Казимира 1661 и 1666 гг. Можно полагать, что точная дата зарытия не выходит за пределы 60-х годов XVII в.

По своему составу клад весьма любопытен (см. Приложение II). Исследователи, занимавшиеся вопросами денежного обращения Украины XVII в., отмечали как одну из закономерностей преобладание в кладах этого времени монет Речи Посполитой ⁶. Клад из с. Голяки показывает несколько иную картину.

Основную массу составляют монеты прибалтийских владений Швеции: городов Риги и Эльблонга и Ливонии — 371 экз., или 65%. К ним примыкают и несколько подделок рижских солидов Густава Адольфа и Христины, относящихся, по всей вероятности, к продукции подпольного монетного двора в Сучаве. Н. Котляр не совсем прав, считая, что их трудно отличить от настоящих ⁷. В действительности же они резко отличаются по металлу (чистая медь), нечеткости изображений и совершенно нечитаемым надписям, так что выделить их в особую группу не составляет большого труда.

Монеты Речи Посполитой, представленные, главным образом, коронной чеканкой: шести-, трех- и полторагрошовиками, грошами и солидами, а также небольшим количеством монет Литвы, Риги и Данцига, составляют в общей сложности 30% (173 экз.). Любопытно отметить наличие среди польских монет тернариев г. Лобженицы, встречающихся в кладах, как правило, в небольших количествах.

Весьма небольшую группу (21 экз.) образуют монеты Пруссии Георга Вильгельма и Фридриха Вильгельма, обычно встречающиеся в больших количествах. Среди монет клада обнаружен также один шотландский двухпенсовик Карла I ⁸.

Н. Котляр считает, что шотландские и тешинские монеты составляли «достаточно заметную группу платежных средств денежного рынка XVII в.» ⁹, с чем, однако, трудно согласиться. Действительно, шотландские монеты встречаются в кладах довольно часто, однако всегда в незначительном количестве, не превышающем десяток экземпляров на несколько тысяч иных монет. Так, на четыре точно подсчитанных клада, приведенных в работе Н. Котляра ¹⁰, при общей численности монет 10 526 экз., шотландских двухпенсовиков набралось всего 28 экз., то есть менее 0,3%. Таким образом, хотя шотландские двухпенсовики и встречаются постоянно в кладах второй половины XVII в., однако сколько-нибудь существенной роли в денежном обращении они не играли. Их поступление на территорию современных Белоруссии и Украины отражает всего лишь участие шотландского купечества во внутренней и внешней торговле. Каких-либо иных реальных предпосылок для массового проникновения шотландской монеты на внутренний рынок указанных территорий не было, да и не могло быть.

В целом набор монет клада из с. Голяки является типичным для денежного обращения второй половины XVII в.

⁵ Инвентарные №№ 1—574.

⁶ В. Н. Рябцевич. Монетные клады XVII и первой четверти XVIII вв. на территории Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии.— *НиС*, 1. К., 1963, стр. 156—158; М. Ф. Котляр. Указ. соч., стр. 117.

⁷ М. Ф. Котляр. Указ. соч., стр. 121.

⁸ В. Н. Рябцевич. Шотландские монеты первой половины XVII в. в кладах Белоруссии и соседних районов.— *НЭ*, IV, 1963, табл. I, 1.

⁹ М. Ф. Котляр. Указ. соч., стр. 130.

¹⁰ Там же, стр. 148, прим. 85 (№ 789-е), 86 (№ 849), 88 (№ 913), 90 (№ 1110)

В начале 1973 г. сотрудник детской туристской экскурсионной станции г. Хмельницкого В. И. Якубовский передал в Институт археологии АН УССР часть клада, найденного еще в 1960 г. в с. Новолабуни Полонского района Хмельницкой области.

Клад был обнаружен случайно учениками местной средней школы в урочище «Троищина», на правом берегу р. Хоморы, и разошелся по рукам. Общее количество найденных монет было, видимо, весьма значительным («несколько тысяч»). Некоторая часть монет была собрана директором школы В. Тартаком и передана им В. Якубовскому, у которого к 1973 г. сохранилось всего 33 экз.— полторагрошовик Сигизмунда III 1623 г. и шестигрошовики Польши, Пруссии и Эльблонга второй половины XVII в. (см. Приложение III).

По свидетельству В. Якубовского, в кладе были в основном монеты среднего размера, то есть шестигрошовики. Помимо них имелось значительное количество талеров-левков. Он особо обратил внимание на то, что мелкие монеты, за исключением единственного полторагрошовика, в кладе отсутствовали. Разумеется, все эти наблюдения относятся к той части монет, которая находилась у В. Якубовского, однако они могут быть признаны достоверными и для всего клада в целом. Это касается, естественно, качественной, но не количественной характеристики клада, ибо какие-либо подсчеты в таких случаях чаще всего совершенно исключаются, а определения количества «на глазок» страдают большой неточностью.

Таким образом, речь идет о большом кладе монет, состоявшем исключительно из левков и шестигрошовиков, исчислявшихся по меньшей мере сотнями экземпляров.

Наблюдения над многочисленными кладами показывают, что основными монетами денежного обращения Украины второй половины XVII в. являлись мелкие биллоновые и медные солиды Польши и прибалтийских владений Швеции. Именно они, как полустолетием ранее полторагрошовики Речи Посполитой и драйпелькеры германских городов и владений, являлись определяющим номиналом кладов и, следовательно, местного денежного обращения. В работе Н. Котляра приведено большое количество кладов, содержащих множество вышеупомянутых монет¹¹. В кладах второй половины XVII в. продолжают сохраняться некоторое значение мелкие серебряные номиналы, а также талеры. Средние номиналы — шестигрошовики и орты — фактически исчезают, однако на смену им приходят, хотя не в прежнем объеме, аналогичные номиналы Яна Казимира и Яна III Собесского. Так, шестигрошовики Яна Казимира встречены в качестве примесей всего в четырех кладах¹². На этом фоне клад из с. Новолабуни представляется исключительным памятником.

Его ни в коей мере нельзя считать кладом, отражающим состав денежного обращения того периода и собранным в результате длительных усилий какого-то лица, поскольку представить себе владельца, отдающего предпочтение только шестигрошовикам и талерам, невозможно. Думаю, не будет значительной натяжкой предположение, что монеты были накоплены владельцем в результате какого-то устойчивого, постоянного и в то же время высоко оплачиваемого вида деятельности, гражданской или военной службы например.

¹¹ М. Ф. Котляр. Указ. соч., стр. 138, прим. 47, № 981 (12 фунтов медных солидов Яна Казимира); прим. 48, № 1069 («солидов было фунтов 15»), № 1308 (примерно 600 польских медных монет XVII в.); стр. 139, прим. 49, № 862 (горшок с медными солидами Яна Казимира), № 867 (клад исключительно польских и литовских солидов 1662—1663 гг.), № 873, № 907; прим. 50, № 853, № 928, № 1028; стр. 140, прим. 51, № 1098; стр. 148, прим. 85, № 789 и многие другие огромные клады этого же времени, в которых, однако, не было подсчитано количество монет каждого вида.

¹² М. Ф. Котляр. Указ. соч., стр. 140, прим. 51, № 1098 (один шестигрошовик на 1438 монет), стр. 141, прим. 65, № 882 (отмечены шестигрошовики и орты среди 1133 монет); стр. 146, прим. 73, № 935 (в частично сохранившемся кладе отмечено 40 шестигрошовиков, 6 ортов и 26 злотувок Яна Казимира); № 1032 (два шестигрошовика Яна Казимира на 19 монет).

На характер этой службы указывает, может быть, дата последних монет клада — 1683 г. Именно в этом году, как известно, войска под командованием Яна Собеского нанесли решительное поражение туркам под Веной, освободив город от осады и положив конец турецкой экспансии в Европе*.

Во всяком случае, этот единообразный по своему составу клад решительно выделяет его владельца из числа многих других, доверивших свои сокровища земле. Клад из с. Новолабуни открывает нам новую категорию владельцев, что, в конечном итоге, позволяет более полно представить жизнь той эпохи.

Приложение I

ОПИСАНИЕ МОНЕТ КЛАДА ИЗ С. КУНИСИВЦЫ (974 экз.)

Богемия. Вацлав IV (1378—1419), пражский грош.

Польша. Владислав Ягайло (1389—1434), полугроши (5). Казимир (1447—1492), полугроши (13). Ян Ольбрахт (1492—1501), полугроши (6). Александр (1501—1506), полугроши (86). Сигизмунд I (1506—1548), полугроши: без года (2), 1507 (30), 1508 (26), 1509 (21), 1510 (14), 1511 (9), год не сохранился (8), всего — 110 экз.

Литва. Александр (1501—1506), денарий (1), полугроши (388). Сигизмунд I (1506—1548), полугроши: 1509 (37), 1510 (44), 1511 (34), 1512 (46), 1513 (46), 1514 (19), 1515 (8), 1517 (1), год не сохранился (27), всего 262 экз.

Венгрия. Матвей Корвин (1458—1490), денарии (34). Владислав (1490—1516) денарии без года (18), 1506 (4), 1507 (4), 1508 (3), 1509 (4), 1512 (2), 1513, 1515 (3), 1516, год не сохранился, всего 41 экз. Людовик (1516—1526), денарии: 1516 (3), 1517, 1519 (2), всего 6 экз.

Силезия, г. Свидница. Людовик (1516—1526), полугроши 1518 (2).

Пруссия (под властью Польши). Сигизмунд I (1506—1548), грош 1530.

Магдебург (архиепископство). Эрнст I (1476—1513), полугрош.

Турция. Аспры конца XV — начала XVI вв. (17).

Приложение II

ОПИСАНИЕ МОНЕТ КЛАДА ИЗ С. ГОЛЯКИ (574 ЭКЗ.)

Речь Посполитая. Сигизмунд III (1587—1632). Коронные — 6 грошей: 1624 (2), 1625 (10), 1626 (3), 1627; 3 гроша: 1622 (4), 1624 (2), со стертым годом; $1\frac{1}{2}$ гроша: 1615, 1618, 1620 (2), 1621 (4), 1622 (16), 1623 (24), 1624 (11), 1625 (10), 1626, 1627, со стертым годом (4); гроши: 1623 (4), 1624 (5), со стертым годом; солиды: 1614, 1617, 1623 (2), 1626 (6), со стертым годом. Литовские гроши: 1625 (2), 1626 (3), 1627; солиды: 1618 (2), 1619, 1623 (3), 1624 (4), 1625 (3), 1626 (2), 1627, без года, со стертым годом (3); г. Данцига — гроши: 1625, со стертым годом; г. Риги — солиды: 1599, 1607, 1619, 1620 (2), 1621 (5), со стертым годом (4); г. Лобженицы — тернарии, со стертым годом (2). Ян Казимир (1649—1669). Коронный солид 1661; литовские солиды 1652 (5), 1653 (2), 1666, со стертым годом.

Швеция. Густав II Адольф (1621—1632), $1\frac{1}{2}$ гроша: 1622, 1623, 1632 (2), со стертым годом (2); г. Риги — $1\frac{1}{2}$ гроша: солиды: 1621, 1624, 1625, 1626, 1627 (2), 1631, 1633 (6), 1634 (3), со стертым годом (20); г. Эльблонга — солиды: 1630, 1631, 1632, 1633 (2), 1634 (2), со стертым годом (8). Христина (1632—1654), $1\frac{1}{2}$ гроша: 1625 (2); г. Риги — $1\frac{1}{2}$ гроша: 1648; солиды: 1635 (6), 1636 (3), 1637 (3), 1638 (2), 1639 (2), 1640 (7), 1643 (5), 1644 (3), 1645 (9), 1646, 1647 (13), 1648 (10), 1649 (6), 1650 (6), 1651 (7), 1652 (11), 1653 (19), 1654 (3), со стертыми годами (35); Ливонии — солиды: 1645 (2), 1647 (10), 1648 (18), 1649 (13), 1650 (3), 1651 (3), 1652 (8), 1653 (11), 1654 (2), 1655 (2), со стертыми годами (26). Карл X Густав (1654—1660), г. Риги — солиды: 1654 (4), 1655, 1656 (4), 1657 (8), 1658 (8), 1659 (2), со стертыми годами (10); Ливонии — солиды: 1655 (9), 1656 (2), 1657 (5), со стертыми годами (8). Подделки солидов г. Риги Густава II Адольфа и Христины (3).

Пруссия. Георг Вильгельм (1619—1640), $1\frac{1}{2}$ гроша: 1623 (2), 1624 (2), 1625 (2), 1626 (3), 1627; солиды: 1625, 1628 (2), 1629 (4), со стертым годом. Фридрих Вильгельм (1640—1688), солиды: 1654 (2), со стертым годом.

Солиды неопределимые, со стертыми годами (5).

Шотландия. Карл I (1625—1649), 2 пенса 1622—1633 гг.

Приложение III

ОПИСАНИЕ МОНЕТ КЛАДА ИЗ С. НОВОЛАБУНИ (33 ЭКЗ.)

Речь Посполитая. Сигизмунд III (1587—1632), полуторагрошовик 1623. Ян Казимир (1649—1669), 6 грошей: 1662 А—Т (мон. двор. Познань) — 3 экз.; Т — Т (мон. двор. Быдгощ) — 1 экз., 1663 А — Т — 2 экз., 1664 А — Т — 7 экз., 1665 А — Т — 1 экз.,

* Красочное описание событий 12—13 сентября 1683 г. см.: «Хрестоматия по истории средних веков», т. III. М., 1950, стр. 301—304 («Письмо польского короля Яна Собеского своей жене Марысенке»)

1666 А — Т — 3 экз., 1667 TL — В (мон. двор Краков) — 6 экз., А — Т — 1 экз., со стертыми датами: Т — Т — 2 экз. (один обломан наполовину), TL — В — 1 экз. *Ян III Собеский* (1674—1696), 6 грошей 1678, 1681 TL — В, 1683 TL — В.

Пруссия. Фридрих Вильгельм (1640—1688), 6 грошей 1683 HS.

Швеция. Карл X Густав (1654—1660), г. Эльбинг, 6 грошей 1658.

КЛАД ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ И РУССКИХ МОНЕТ XVII В. ИЗ ФОРОСТОВИЧЕЙ

Н. А. СОБОЛЕВА, А. С. МЕЛЬНИКОВА

(Москва)

Летом 1965 г. в с. Форостовичи Новгород-Северского района Черниговской области при вспашке поля был найден клад, помещавшийся в глиняной кубышке, отверстие которой было закрыто кожей. Клад насчитывал 1280 монет, основная часть его представлена западноевропейскими монетами XVI—XVII вв., преимущественно польскими. В кладе имеется также 150 русских монет времени Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Самые поздние монеты клада датируются 1685 г. Он зарыт, следовательно, в последней четверти XVII в. *

Клад найден на территории Чернигово-Северской земли, которая до 1618 г. входила в состав Русского государства, с 1618 г. принадлежала Польше и перешла опять к России по Андрусовскому перемирию 1667 г. Политическая история этой части Украины весьма своеобразно отразилась на местном денежном обращении. Левобережная Украина, как и русские «побережные» города в Прибалтике, была той пограничной зоной, где происходило слияние и взаимопроникновение монет Западной Европы и России, очень отличающихся друг от друга и, как правило, нигде больше не соприкасающихся.

В денежном обращении Левобережной Украины до воссоединения ее с Россией, употреблялась польская монета. Здесь обращались талеры, орты, тынфы, шести- и трехгрошовые монеты, полтораки, солиды — обычный набор западноевропейских номиналов. Русская копейка начала активно проникать сюда со второй половины XVI в., когда в России образовалась общерусская денежная система. Очевидно, русская копейка в местном денежном хозяйстве выполняла роль мелкой разменной монеты наряду с другими мелкими номиналами.

Приток русских копеек усиливается после 1654 года — года воссоединения Украины с Россией. Собственно русская монета должна была вытеснить польскую и западноевропейскую монету с Украины, однако русская денежная система не смогла противостоять западноевропейской системе. В 1654—1663 гг. в Русском государстве проводится денежная реформа, главной целью которой была коренная перестройка русского денежного хозяйства по западноевропейскому образцу. На направление и характер этой реформы также оказала влияние необходимость уравнивать русскую монету с денежным обращением воссоединенной Украины¹. Реформа закончилась полным провалом, и Россия вернулась к старой копейке. В 1674 г. царское правительство сделало еще одну попытку «прибрать к рукам» украинское денежное хозяйство. На этот раз оно ограничилось попыткой выпуска местной биллоновой монеты по образцу польских полтораков, так называемых севских чехов. Монеты должны были стать проводниками политического влияния России на Украине — они имели имя и титул русского царя. Чеканка севских чехов была осуществлена только в 1686 г. в г. Севске. Они чеканились от имени царей Ивана и Петра Алексеевичей. Легенда передавалась начальными

* Клад хранится в Отделе нумизматики ГИМ под № 10 I 856.

¹ И. Г. С п а с к и й. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654—1663 гг.— Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960, стр. 155.

латинскими буквами, что должно было придавать новой монете еще больше сходства с польской. Севский двор не просуществовал и года. Новая монета оказалась несостоятельной из-за слишком низкого качества серебра, что вызвало быструю дискредитацию ее у местного населения, не забывшего еще неудачу денежной реформы 1654—1663 гг. и с недоверием относящегося ко всем монетным экспериментам царского правительства ².

До нас дошел весьма интересный документ, рисующий состояние украинского денежного обращения второй половины XVII в. на территории, входившей в ведение Севского разряда ³. Севский разряд ведал землями, граничащими с Украиной и Белоруссией, а также с Заокскими и окраинными землями Русского государства. Здесь нашли отражение все особенности денежного обращения окрестных земель. В 1676 г. севский стольник и воевода Иван Лихарев жаловался царю на то, что у него нет денег для уплаты жалованья ратным людям Севского полка. В документе среди прочего сообщалось, что местное население — «торговые и всяких чинов люди» — не желают пользоваться русскими серебряными копейками, предпочитая им «медные литовские деньги» — чехи, шаги и шестаки. Далее документ сообщает о том, что одна серебряная русская копейка приравнивалась к чеху ⁴, две копейки — к шагу, четыре копейки — к шестаку. При сравнении, очевидно, принималась во внимание стихийно сложившаяся рыночная конъюнктура, при которой сопоставлялся не чистый вес «литовских» и русских монет, а процентное содержание серебра в них. Ведь одной высокопробной серебряной копейке, содержащей 0,45—0,50 г серебра, соответствовал здесь биллоновый чех — полторака, имеющий вес от 0,70 до 0,80 г; двум копейкам — шаг (тройной грош) весом от 1,10 до 1,30 г; четырем копейкам — шестака, тоже биллоновая монета весом около 3 г.

Эта «отписка» И. Лихарева свидетельствует о том, что в местном денежном обращении в 70-х годах очень редко встречаются крупные полноценные монеты, а население преимущественно пользуется низшими номиналами — «медными литовскими монетами». С ними сопоставляется русская копейка, занявшая место разменной монеты.

Клады монет являются наиболее объективным источником по истории денежного обращения. Они позволяют изучить состав и характерные особенности распространения различных монет в конкретный отрезок времени на определенной территории. Публикуемый клад представляет собой важный источник для изучения денежного обращения Левобережной Украины.

Он сложился в тот период, когда денежное обращение Левобережной Украины по идее должно было составлять часть общерусского. Состав клада убедительно свидетельствует о том, что такого слияния не произошло, и русская копейка заняла весьма скромное положение в денежном хозяйстве Левобережной Украины. Русские монеты составляют всего 12% от общего количества монет клада.

Русская часть клада представлена копейками (91 экз.) времени Михаила Федоровича (1613—1645), копейками (56 экз.) и деньгой Алексея Михайловича (1645—1676); из более ранних здесь присутствуют две монеты, чеканенные в Новгороде в годы шведской оккупации (1611—1617) штемпелями Василия Ивановича Шуйского. Каких-либо редких монет в кладе не встречено. Сюда, на окраину Русского государства, доходили самые массовые и, следовательно, самые обычные типы. Монеты очень стертые, что отразилось на их весе, который несколько ниже нормы. Самыми поздними монетами русской части клада являются копейки Алексея Михайловича (1645—1676). Самые поздние монеты клада — прусские гроши 1685 г. Однако русские мо-

² И. Г. П а с с к и й. Указ. соч., стр. 151—152; М. Г. Д е м м е н и. К вопросу о чеканке севских чехов.— ЗНОРАО, т. I. СПб., 1909.

³ А. С. М е л ь н и к о в а. К истории денежного обращения на Украине (документ XVII в.).— «Советские архивы», 1971, № 1.

⁴ О равенстве чеха копейке смотри также Акты Южной и Западной России, т. XII. СПб., 1882, стр. 407.

неты, чеканенные между 1676 и 1685 гг., — копейки Федора Алексеевича (1676—1682), Ивана и Петра Алексеевичей (1682—1689), в кладе не встречаются. Это объясняется и отдаленностью Чернигово-Северской земли от Москвы, где чеканились монеты, и недостаточной еще интенсивностью экономических связей Левобережной Украины и Русского государства и в этот период.

Состав западноевропейских монет клада очень характерен для денежно-го обращения Левобережной Украины последней четверти XVII в., когда регулярный приток польской и прочей западноевропейской монеты прекратился. Фонд местного денежного обращения составляла старая монета первой половины XVII в. Крупную серебряную монету — талеры — усиленно скупали русские поставщики серебра московского монетного двора, местные ювелиры, она уходила в сокровища монастырей и крупных феодалов. Средняя и мелкая монета представляла в этом плане меньший интерес, поэтому именно ей оставалась роль основного средства местного денежного обращения⁵.

В кладе из Форостовичей представлены все типы средней и мелкой монеты, чрезвычайно разнообразной по виду и достоинству, обращавшейся в XVII в. на Украине, в Белоруссии и Польше. Самой крупной монеты — талеров — в кладе всего три экземпляра. Совершенно отсутствуют тынфы и орты; лишь 2% составляют шести- и трехгрошовые монеты. Основная часть клада представлена польской монетой малого достоинства — полутора грошами (полтораки) Сигизмунда III (1587—1632). Интересно, что в кладе обильно представлены полтораки 20-годов XVII в., второй половины правления Сигизмунда III, которые по качеству были хуже монет первой половины правления. Это — явление, характерное для всей Украины. Причиной обильного выпуска худшей по качеству монеты послужил денежный кризис, разразившийся при Сигизмунде III⁶. Кризис был вызван не столько внешними причинами, такими, как, например, проникновение в Польшу плохой по качеству немецкой монеты и вытеснение ею более высококачественной польской⁷, сколько внутренними, в частности, он явился результатом агрессивной внешней политики Польши⁸.

В кладе отсутствуют полтораки с датой позднее 1627 г. Это объясняется тем, что с 1628 по 1633 г. в Польше чеканились только талеры и золотые монеты, и не выпускалась монета для мелкого денежного обращения⁹.

С польской на всей территории ее обращения конкурирует низкопробная монета, чеканенная для прибалтийских шведских владений: городов Риги, Эльблонга и областей Ливонии. Она составляет $\frac{1}{5}$ часть всех западноевропейских монет клада. Непременным компонентом всех украинских и белорусских кладов XVII в. являются также прусские монеты, чеканенные во время правления бранденбургских маркграфов Георга Вильгельма (1619—1640) и Фридриха Вильгельма (1640—1688). В кладе представлено 93 экз. грошей этих правителей: 89 экз. принадлежат чекану Георга Вильгельма и лишь 4 экз. — Фридриха Вильгельма. И, наконец, самую незначительную часть западноевропейских монет клада составляют 4 гроша померанских правителей Ульриха (1618—1622) и Богислава (1620—1637).

Специфической чертой клада из Форостовичей является отсутствие в нем монет самого мелкого номинала — солидов. В большинстве кладов, зарытых в 60—70 годах XVII в., которые содержат средние и мелкие монеты, непременно присутствуют медные солиды, или «боратинки», чеканившиеся при Яне Казимире с 1659 по 1665 г.¹⁰

Клад из Форостовичей очень полно отражает характерные черты денежного хозяйства Левобережной Украины в последней четверти XVII в.:

⁵ И. Г. С п а с с к и й. Указ. соч., стр. 158.

⁶ Я. Р у т к о в с к и й. Экономическая история Польши. М., 1953, стр. 217

⁷ Там же.

⁸ Н. А. С о б о л е в а. Клады западноевропейских монет в собрании музея. Ежегодник ГИМ за 1960 г. М., 1962, стр. 79.

⁹ М. G u t o w s k i. Zarys numizmatyki polskiej. Łódź, 1952, стр. 82.

¹⁰ В. Н. Р я б ц е в и ч. Шотландские монеты первой половины XVII века в кладах Белоруссии и соседних районов.— НЭ, IV. М., 1963, стр. 253.

резкое сокращение крупных и средних номиналов, преобладание мелких номиналов низкопробного серебра, внедрение русской серебряной копейки, количество которой в кладах второй половины XVII в. резко возрастает. Характерно также присутствие в кладе основной массы монет первой половины XVII в., что также является особенностью местного денежного обращения второй половины XVII в. Польская монета перестала регулярно пополнять фонды местного денежного обращения, в стране обращались преимущественно старые запасы, а русская копейка не смогла заменить собой польскую монету и вытеснить ее. В этой связи нам кажется уместным заметить, что в денежном обращении Левобережной Украины 1654 год — год воссоединения с Россией необходимо рассматривать как важнейшую веку. Именно в 60—70 годах XVII в. создались предпосылки для слияния его с русским, что и произошло в начале XVIII в. Основные этапы денежного обращения XVII в. на Украине в работе В. Н. Рябцевича¹¹, который за основу своей классификации брал особенности польского денежного обращения, без учета специфики местных условий, выделены по чисто внешним признакам.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что клад из с. Форостовичи проливает свет на многие стороны денежного обращения Левобережной Украины конца XVII в.

Приложение

ОПИСАНИЕ МОНЕТ КЛАДА ИЗ С. ФОРОСТОВИЧИ *

Нидерланды (провинции). Гельдерн, левендаальдер, 1646 г. (Verkade, № 53, табл. 11, рис. 2); Утрехт, левендаальдер, 1647 г. (Verkade, № 599, табл. 108, рис. 1); Овериссель, город Цволле, левендаальдер, 1649 г. (Verkade, № 953, табл. 172, рис. 4, но 1649).

Литва. Сигизмунд Август (1544—1572), полугрош 1547 г. (Н.—СЗ. № 488); Сигизмунд III (1587—1632), грош 1626 г. 1 экз. (Н.—СЗ. № 1538), 1 экз. (Н.—СЗ. № 1538, вар.).

Польша. Сигизмунд (1587—1632), 6 грошей: 1625 г. 2 экз. (Н.—СЗ. № 1511, вар.); 3 гроша: 1621 г. 2 экз. (Н.—СЗ. № 1421, вар.), 1622 г. 6 экз. (Н.—СЗ. № 1435), 11 экз. (Н.—СЗ. № 1436, вар.), 1623 г. 1 экз. (Н.—СЗ. № 1459, вар.), 1624 г. 1 экз. (Н.—СЗ. № 1487), 1 экз. (Н.—СЗ. № 1487 вар.); полтора гроша: 1614 г. 1 экз. (Н.—СЗ. № 1315), 1619 г. 1 экз. (Н.—СЗ. № 1389), 1620 г. 10 экз. (Н.—СЗ. № 1402), 5 экз. (Н.—СЗ. № 1402, вар.), 1621 г. 8 экз. (Н.—СЗ. № 1422), 44 экз. (Н.—СЗ. № 1422, вар.), 3 экз. (стерта легенда), 1622 г. 99 экз. (Н.—СЗ. № 1437), 70 экз. (Н.—СЗ. № 1437, вар.), 1623 г. 20 экз. (Н.—СЗ. № 1461, вар.), 63 экз. (Н.—СЗ. № 1460), 50 экз. (Н.—СЗ. № 1460, вар.), 17 экз. (Н.—СЗ. № 1461, вар.), 48 экз. (Н.—СЗ. № 1461), 1624 г. 15 экз. (Н.—СЗ. № 1488), 28 экз. (Н.—СЗ. № 1488, вар.), 55 экз. (Н.—СЗ. № 1489), 5 экз. (Н.—СЗ. № 1490), 14 экз. (Н.—СЗ. № 1491), 20 экз. (Н.—СЗ. № 1491), 1625 г. 1 экз. (Н.—СЗ. № 1512), 15 экз. (Н.—СЗ. № 1512, вар.), 1 экз. (Н.—СЗ. № 1513), 18 экз. (Н.—СЗ. № 1513, вар.), 12 экз. (Н.—СЗ. № 1514), 39 экз. (Н.—СЗ. № 1514, вар.), 16 экз. (часть легенды срезана или стерта), 1626 г. 32 экз. (Н.—СЗ. № 1530, вар.), 5 экз. (легенда стерта), 1627 г. 2 экз. (Н.—СЗ. № 1552), 7 экз. (Н.—СЗ. № 1552, вар.), 2 экз. (Н.—СЗ. № 1553, вар.), 1 экз. (Н.—СЗ. № 1554), 1 экз. (Н.—СЗ. № 1554, вар.), 2 экз. (легенда стерта), 1628 8 экз. (год стерт); грош 1624 г. 1 экз. (Н.—СЗ. № 1539). Ян Казимир (1648—1668), полтора гроша: 1662 г. 1 экз. (Н.—СЗ. № 2224), 3 экз. (Н.—СЗ. № 2224, вар.).

¹¹ В. Н. Рябцевич. Монетные клады XVII и первой четверти XVIII века на территории Чернигово-Северской земли и восточной Белоруссии.— Нис, 1. К., 1963, стр. 152—202.

* Клад издается со ссылками на следующую литературу: Русские монеты — на работу И. Г. Спасского «Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 гг.» — МИА, № 44. М., 1955 (далее — Сп., т. IV); на работы А. С. Мельниковой «Систематизация монет Михаила Федоровича». — В кн.: Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1959 (далее — М., т. I) и «Систематизация монет Алексея Михайловича». — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, т. III. Л., 1970 (далее — М., т. I), где «т» обозначает таблицу.

Западноевропейские монеты: Catalogue de la collection des medailles et monnaies politiques du Comte E. Hutten-Czapski, v. 1—2, St.-Petersburg, 1871—1872, (далее — Н.—СЗ.); Die P. Henckel'sche Sammlung Brandenburg-Preussischen Münzen u. Medaillen. Berlin, 1876 (далее — P. H. S.); Muntboek, bevattende de Namen en afbeeldingen van Munten geslagen in de zeven voormalig vereenigde nederlandsche provincien... Door P. Verkade, 1848 (далее — Verkade); E. F i a l a. Collection Ernst Prinz zu Windisch-Grätz, B. III. Prag, 1903 (далее — W. — G.).

Рига под властью Польши. *Сигизмунд III*, полтора гроша 1620 г. 1 экз. (Н.—СЗ. № 1408).

Рига под властью Швеции. *Густав Адольф* (1611—1632), полтора гроша: 1622 г. 5 экз. (Н.—СЗ. № 4366), 1623 г. 7 экз. (Н.—СЗ. № 4368, вар.), 1624 г. 10 экз. (Н.—СЗ. № 4368, вар.). *Христина* (1623—1654), полтора гроша: 1648 г. 5 экз. (Н.—СЗ. № 4402), 1649 г. 1 экз. (Н.—СЗ. № 4405).

Эльблонг под властью Швеции. *Густав Адольф*, полтора гроша: 1628 г. 2 экз. (Н.—СЗ. № 4269), 1629 г. 2 экз. (Н.—СЗ. № 4271), 1630 г. 6 экз. (Н.—СЗ. № 4274), 1632 г. 3 экз. (Н.—СЗ. № 4281), 25 экз. (Н.—СЗ. № 4281, вар.), 6 экз. (год стерт), грош 1629 г. 1 экз. (Н.—СЗ. № 4272). *Христина*, полтора гроша: 1633 г., л. ст.—штемпель Густава Адольфа, 68 экз. (Н.—СЗ. № 4284), 1634 г. 8 экз. (Н.—СЗ. № 4284, вар. и 3—4 на об. ст.); 1635 г. 19 экз. (Н.—СЗ. № 4284, вар. и 3—5 на об. ст.), 5 экз. (год стерт). *Карл Густав* (1654—1660), полтора гроша 1658 г. 1 экз. (Н.—СЗ. № 4269, вар.).

Ливония под властью Швеции. *Христина*, полтора гроша: 1647 г. 1 экз. (Н.—СЗ. № 4438, но 4—7), 1648 г. 12 экз. (Н.—СЗ. № 4437). *Карл XI* (1660—1697), полтора гроша 1669 г. 1 экз. (Н.—СЗ. № 4453).

Пруссия. *Георг Вильгельм* (1619—1640), грош: 1621 г. 5 экз. (Р. Н. С. № 3223, вар.), 1622 г. 12 экз. (Р. Н. С. № 3223), 4 экз. (Р. Н. С. № 3225), 1623 г. 9 экз. (Р. Н. С. № 3230, вар.); 1624 г. 3 экз. (Р. Н. С. № 3242), 5 экз. (Р. Н. С. № 3244), 1 экз. (Р. Н. С. № 3245), 2 экз. (Р. Н. С. № 3246), 6 экз. (Р. Н. С. № 3248), 1625 г. 2 экз. (Р. Н. С. № 3252), 10 экз. (Р. Н. С. № 3253), 2 экз. (Р. Н. С. № 3254), 1626 г. 18 экз. (Р. Н. С. № 3258), 3 экз. (Р. Н. С. № 3258, вар.), 1627 г. 2 экз. (Р. Н. С. № 3258, вар.), 6 экз. (год стерт).

Фридрих Вильгельм (1640—1688), грош: 1685 г. 4 экз. (Р. Н. С. № 3244, вар.).

Померания. *Ульрих* (1618—1622), грош: 1621 г. 2 экз. (W.—G. № 17518).

Богислав XIV (1620—1637), грош 1620 г. (W.—G. № 17522).

Русские монеты клада

1. Шведы в Новгороде (Сп. т. IV, а) — 1 экз.
2. » » (Сп. т. IV, б) — 1 экз.

Михаил Федорович, копейки. Москва

3—5.	М. т. 1,19	— 3 экз.	32—34.	М. т. 1,95	— 3 экз.
6.	М. т. 1,21	— 1 экз.	35—38.	М. т. 1,98	— 4 экз.
7.	М. т. 1,26	— 1 экз.	39—40.	М. т. 1,03	— 2 экз.
8—10.	М. т. 1,27	— 3 экз.	41.	М. т. 1,104	— 1 экз.
11—13.	М. т. 1,32	— 3 экз.	42—45.	М. т. 1,107	— 4 экз.
14—15.	М. т. 1,37	— 2 экз.	46—47.	М. т. 1,121	— 2 экз.
16.	М. т. 1,38	— 1 экз.	48.	М. т. 1,123/153	— 1 экз.
17.	М. т. 1,43	— 1 экз.	49—50.	М. т. 1,139	— 2 экз.
18.	М. т. 1,48	— 1 экз.	51—62.	М. т. 1,141	— 12 экз.
19.	М. т. 1,55	— 1 экз.	63—74.	М. т. 1,144/135	— 12 экз.
20.	М. т. 1,83	— 1 экз.	75.	М. т. 1,146	— 1 экз.
21—22.	М. т. 1,83/150	— 2 экз.	76.	М. т. 1,148	— 1 экз.
23—27.	М. т. 1,89	— 5 экз.	77.	М. т. 1,153	— 1 экз.
28.	М. т. 1,90	— 1 экз.	78.	М. т. 1,153/150	— 1 экз.
29.	М. т. 1,92	— 1 экз.	79—81.	М. т. 1,154	— 3 экз.
30—31.	М. т. 1,94	— 2 экз.	82—90.	Неопределенные по стертости —	9 экз.

Копейки. Псков

91—93. М. т. 2,3 — 3 экз.

Алексей Михайлович

94. Деньга — 1 экз.

Копейки

95—101.	М. т. 1,2—2	— 7 экз.	114.	М. т. 1,18—15	— 1 экз.
102.	М. т. 1,3—3	— 1 экз.	115—118.	М. т. 1,22—22	— 4 экз.
103—104.	М. т. 1,13—5	— 2 экз.	119—128.	М. т. 1,22—23	— 10 экз.
105—108.	М. т. 1,14—18	— 4 экз.	129—130.	М. т. 1,22—24	— 2 экз.
109—110.	М. т. 1,16—7	— 2 экз.	131—135.	М. т. 1,29—34	— 5 экз.
111.	М. т. 1,17—8	— 1 экз.	136.	М. т. 1,29—38	— 1 экз.
112.	М. т. 1,18—10	— 1 экз.	137—150.	Неопределенные по стертости —	14 экз.
113.	М. т. 1,18—12	— 1 экз.			

МОНЕТНЫЕ КЛАДЫ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕРНИГОВО-СЕВЕРСКОЙ ЗЕМЛИ И ВОСТОЧНОЙ БЕЛОРУССИИ

В. Н. РЯБЦЕВИЧ
(Минск)

Предлагаемая работа завершает публикацию монетных находок позднего средневековья и нового времени (XVI — первой половины XIX в.) на территории Чернигово-Северской земли и граничащей с нею Восточной Белоруссии*.

Уже в первой половине XVIII в. социально-экономическое развитие большинства европейских стран приводит к образованию единых национальных рынков, следствием чего явилась унификация внутрисударственных денежных хозяйств на основе собственной национальной чеканки. Монетные импорт и экспорт почти повсеместно перестают играть прежнюю роль и, постепенно угасая, к концу века становятся незначительными.

Полное вытеснение польской, литовской и западноевропейской монеты русской в денежном обращении Чернигово-Северской земли, вошедшей в состав России еще в конце 1660-х годов, завершается к началу второго десятилетия XVIII в. В последующее время монетный фонд этой территории основывается почти исключительно на русской чеканке.

Клады Левобережной Украины, зарытые во второй четверти XVIII — первой половине XIX в., характеризуются тремя особенностями:

- 1) монеты, составляющие их, чеканены по одной стопе;
- 2) очень четко выражен монометаллизм кладов, как правило, медные монеты не смешиваются с серебряными и золотыми;
- 3) клады медной монеты отличаются большими размерами, многокилограммовые клады не составляют редкости.

В процентном отношении ведущее место в кладах занимают пятикопечники Елизаветы Петровны и Екатерины II, затем деньги и рублевники.

Восточная Белоруссия до воссоединения с Россией (1772) являлась частью Речи Посполитой, которая в XVIII в. упорно сохраняла нерушимый феодальный строй общества, в то время как ее соседи прогрессировали, формировали буржуазию, развили торговлю и промышленность¹.

Феодальная анархия в польско-литовском государстве, несколько, правда, ослабевшая во второй половине XVIII в., привела его к глубокому экономическому и политическому кризису. Выпуск Речью Посполитой собственной монеты прекратился, по существу, еще в 1686 г.

При Августе II (1697—1732) sporadическая чеканка ведется в основном лишь в первое десятилетие его правления Лейпцигом, Данцигом и Торном. Август III (1733—1763) открывает еще один монетный двор — в Дрездене, где в 1749 г. впервые после печальной известной реформы Яна Казимира (1659) начинается обильный выпуск медной монеты.

Последний правитель Речи Посполитой Станислав Август (1764—1795) предпринимает безуспешную попытку отзыва из обращения иноземной монеты², возобновив собственно польскую монетную эмиссию в Варшаве.

Экономический и политический упадок Речи Посполитой в XVIII в. отразился и на составе ее денежного обращения, сохранившего, в отличие от крупнейших стран Европы, почти такую же пестроту, как и в XVII в.

В монетном фонде Восточной Белоруссии этого времени можно выделить четыре основные группы — польско-литовскую, прусскую, нидерландскую и русскую.

* Сводки и топография кладов XVI — начала XVIII в. опубликованы в «Нумизматике и сфрагистике», 1 (К., 1963) и 3 (К., 1968).

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 164.

² Vol. I e g., VII, стр. 199, стб. 1.

Польско-литовская часть кладов представлена преимущественно XVII в. (шести- и тридцатигрошовиками коронными Яна Казимира, шестигрошовиками коронными Яна Собесского, небольшим количеством биллона Сигизмунда III), чеканка XVIII в. состоит из немногочисленных шестигрошовиков Августа II (преимущественно 1702 г.), шестигрошовиков и ортов Августа III 1750-х годов. Монета Речи Посполитой второй половины XVIII в. уже не участвует в денежном обращении Могилевщины и Гомельщины.

Прусские монеты, составляющие значительный процент в восточно-белорусских кладах XVIII в., представлены в основном шестигрошовиками 1680—1720 гг. и ортами 1680—1690 гг. Эти монеты, лучшие по качеству, чем соответствовавшие им польские и литовские номиналы, играли очень заметную роль в денежном хозяйстве Речи Посполитой. Еще Люблинский сейм 1703 г., определяя размеры налогового обложения евреев коронных земель в 105 тысяч злотых ежегодно, специально оговаривает, что выплата этой суммы должна производиться не разменной обращающейся (*circulanti*), а «прусской доброй монетой, считая по пять шустяков целых (то есть не счетных, а реальных.— *B. P.*) за злотый»³.

В 1766 г. правительство решает изъять «заграничные» шестигрошовики * из обращения на территории великого княжества Литовского путем выкупа их у населения по цене от 8 грошей до 8 грошей 2 солидов в польской монете⁴.

Прусская монета, поступление которой на восточнобелорусские земли прекратилось, в основном, в конце первой и совершенно — в конце второй четверти XVIII в., полностью исчезает из кладов Восточной Белоруссии к началу 70-х годов XVIII.

Немногочисленные находки нидерландских монет состоят из республиканских левендаальдеров XVII в., риксдаальдеров и дукатов XVIII в., патагонов Испанских Нидерландов XVII в. Регулярный приток их в Белоруссию прекращается еще в середине 1720 г., но, несмотря на решение Варшавского сейма 1764 г. об изъятии нидерландского золота и серебра⁵, обращение его сохраняется до конца века.

Русская монета, значительное количество которой в кладах Могилевщины и Гомельщины появляется уже в начале второй четверти XVIII в., с 80-х годов становится почти единственной в денежном обращении Восточной Белоруссии.

ПЕРЕЧЕНЬ И ТОПОГРАФИЯ КЛАДОВ

Клады второй четверти XVIII в.

УССР

Черниговская область

Олишевский район

1. *Дер. Смолянка Нежинского у. Черниговской губ.* 1895. 7 рублевиков, 5 экз., из числа которых (Петр I — 1725, Петр II — 1727, Анна Иоанновна — 1731, Елизавета Петровна — 1743 и 1745), поступили в музей Черниговского губернского статистического комитета. АЛОИА, ф. 1, 1895 — д. 184, л. 1,4; д. 293, л. 22 об. — 23; АГЭ, ф. 1, оп. 5, д. 19, 1895, стр. 89; ТЧАК, 1905, стр. 127.

Гомельская область

Кормянский район

2. *Дер. Зимница Славгородского района.* 1940. На возвышенном месте у реки найдено 118 серебряных монет: 1 русская (рубль Анны Иоанновны, 1730) и 177 западноевропейских 1622—1710 гг. (польских — 61, прусских — 30, нидерландских — 7, «испанских» — 7, кельнская — 1, монашеская — 1). Н. Д. М е ц. Клады монет (зарегистрированные Государственным историческим музеем за 1945—1952 гг.) — КСИИМК, вып. 52, 1953, № 55.

³ Vol. I e g., VI, стр. 54, стб. 2.

* Речь, несомненно, идет о шестигрошовиках Пруссии: номиналы эти, чеканенные другими государствами, отсутствуют в белорусских и литовских кладах XVIII в.

⁴ Vol. I e g., VII, стр. 232, стб. 1.

⁵ Там же, VII, стр. 200, стб. 1.

Из собственно нидерландских монет на территории Белоруссии и граничащих с нею районов встречаются только полу- и целые левен- и риксдаальдеры северонидерландских провинций, из кельнских монет — лишь талеры архиепископов Максимилиана Генриха (1650—1688) и Иосифа Клеменса (1688—1723), из монахских — только скудо Онорато II 1653 и 1654 гг. «Испанские» монеты этого клада — несомненно, четверть, полу- или целые патагоны Южных Нидерландов под властью Испании, чекан которых — одна из основных монет денежного обращения Белоруссии XVII—XVIII вв.; собственно испанские монеты (8 реалов) попадают в белорусских кладах редко и только в сильно обрубленном виде.

Клады третьей четверти XVIII в.

У С С Р

Черниговская область

Новгород-Северский район

3. *Дер. Чулатово Новгород-Северского у. Черниговской губ.* 1891. 1410 медных русских монет общим весом в 1 п. 24 ф.: Анна Иоанновна — деньги 1730, 1731, 1735—1740. Иоанн Антонович — деньги 1741; Елизавета Петровна — деньги 1743—1754, копейки 1757 и 1759, двухкопеечники 1757, 1759 (обе — ММ), 1760; Екатерина II — двухкопеечники 1763—1765 (ЕМ, ММ, СПМ), 1767 (ЕМ), 1768 (ЕМ) и пятикопеечники 1762, 1763 (ЕМ, ММ, СПМ), 1764 (ЕМ, ММ), 1765 (ЕМ, ММ, СМ), 1766 (ЕМ, ММ), 1767—1772 (все — ЕМ). Весь клад передан на переплавку. АЛЮИА, ф. 1, д. 196, 1891, л. 1, 2; ТЧАК, 1905, стр. 125.

Олишевский район

4. *Дер. Чемер Козелецкого у. Черниговской губ.* 1906. 2 золотые (империял и полуимпериял) русские монеты и 106 рублевиков Петра II, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II.

1 рубль (1770, СА) поступил в Эрмитаж, судьба остальных монет неизвестна. АЛЮИА, ф. 1, д. 293, 1895, л. 406 об., 407; д. 62, 1906, л. 1, 2, 4, 9, 11; АГЭ, ф. 1, оп. 5, д. 30, 1909, л. 1. Клад отнесен к 3-й четверти века условно.

Сосницкий район

5. *Дер. Баба Сосницкого у. Черниговской губ.* 1911. Под фундаментом жилого дома найдено 15 рублевиков Анны Иоанновны (1731, 1732, 1734, 1737—1739) и Елизаветы Петровны (1743, 1744, 1746, 1747, 1750, 1751, 1754, 1755). АЛЮИА, ф. 1, д. 284, 1911, л. 1, 2. «Старая Монета», 1912, № 3, стр. 44, стб. 2.

Сумская область

Кролевецкий район

6. *Дер. Мутино (ныне Мутин) Кролевецкого у. Черниговской губ.* 1900. Глиняный кувшин с 35 ф. 90 дол. медных русских монет: деньги до 1754 г., копейки, двухкопеечники и пятикопеечники после 1757 г. переданы на переплавку. АЛЮИА, ф. 1, 1895, д. 293, л. 195 об., 196; 1900, д. 89, л. 1, 2; ТЧАК, 1905, стр. 129. Клад отнесен к третьей четверти века условно.

Середино-Будский район

7. *Дер. Буда-Воробьевская Новгород-Северского у. Черниговской губ.* 1903. 147 медных русских монет (8 пятикопеечников 1727 г., остальные — полушки и деньги) Екатерины I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны общим весом в 2 ф. 94 зол.— АЛЮИА, ф. 1, д. 293, 1895, л. 333 об., 334; д. 183, 1903, л. 1, 2.

Р С Ф С Р

Брянская область

Брянский район

8. *Дер. Пастушное.* 1960. 88 гривенников, пятнадцати- и двадцатикопеечников, полуполтин и полтин, рублей Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны общим весом в 1530 г, поступивших в Брянский областной музей. П о л о з о в, № 32.

Новозыбковский район

9. *Дер. Новый Ропск Новозыбковского у. Черниговской губ.* 1895. Глиняный горшок со 150 русскими монетами общим весом в 6 ф. 70 зол.: Петр I — рубли 1719 и 1725; Анна Иоанновна — рубли 1731, 1733, 1735, 1737—1739; Елизавета Петровна — полуполтины 1750—1752 и полтина 1748, рубли 1749—1756, 1758—1761; Петр III — рубль 1762; Екатерина II — полуполтина 1765 и рубли 1762—1765, 1767. АЛЮИА, ф. 1, 1895, д. 185, л. 1, 4; д. 293, л. 22 об., 23; АГЭ, ф. 1, оп. 5, д. 19, 1895, л. 90; Черниговские губернские ведомости, 1895, № 1063; ТЧАК, 1905, стр. 127.

Могилевская область

Глусский район

10. *Гор. Глусск, ул. Кирова*. 1960. При земляных работах по прокладке водопровода найден клад в сосуде красной меди, сохранившемся вместе с 760 монетами. Сосуд и большинство монет поступили в Могилевский областной музей под № 5609, небольшая часть клада — в Бобруйский районный музей под № 4677. Речь Посполитая — Сигизмунд III, коронные: солид 1626, полуторагрошовики 1624 (2), 1625 (2), шестигрошовик 1596 (м. дв. Мальборг) и орты 1622, литовский солид со стертой датой (м. дв. Вильно); Ян Казимир, коронные шестигрошовики 1658, 1659 (2), 1660 — м. дв. Краков (2), 1661 — Быдгощ (10), Львов (13), Краков (12), Познань (4), 1662 — Быдгощ (13, один из них пробит), Львов (6), Познань (48), 1663 — Познань (48), 1664 (44), 1665 (30), 1666 (44), 1667 (48, один из них пробит), 1668 (4), со стертой датой — 51 (в числе их 10 — Краков, 5 — Львов), орты 1658 — Познань (1), 1663 — Познань (1), 1667 — Краков (2), 1668 — Краков (2), со стертой датой — Краков (1) и тридцатигрошовики 1663 (28, в

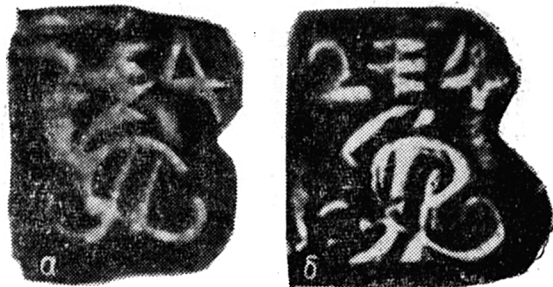

Рис. 1. Надчеканки на шестигрошовиках Глусского клада (а) и собрания Краковского музея (б). (Увеличено.)

числе их один обломок в $\frac{2}{3}$, свернутый в трубку), 1664 (35), 1665 (3), 1666 (19), со стертой датой (23), литовские шестигрошовики, м. дв. Ковно¹, 1665 (3); Ян III Собеский, м. дв. Краков — коронные шестигрошовики 1678 (3), 1679 (8), 1680 (10), 1681 (23), 1682 (24), 1683 (22, один из них пробит), 1684 (11), со стертой датой (7 — между 1677 и 1683, л. с. герб *Leliwa*); 4 — между 1683 и 1686: л. с. — герб *Ielita*); сильно стертый шестигрошовик (между 1677 и 1683: л. с. — герб *Leliwa*) с надчеканкой (рисунок) и орты, мон. двор. Быдгощ — 1667 (2), со стертой датой (1, между 1677 и 1678: л. с. — SB, инициалы Санги де Урбаниса, индентанта Быдгоского м. дв., в 1677—1678 гг.); Август II, шестигрошовики коронные: м. дв. Лейпциг, 1702 (3) м. дв. Гродно 1706 *. Пруссия (герцогство) — Фридрих Вильгельм I, м. дв. Кенигсберг: шестигрошовики 1668, 1678, 1679, 1680, 1681 (10), 1682 (18), 1683 (27; один из них разломан на две части), 1684, 1685 (2), 1686 (20), 1687, 1688 и орты 1679, 1684 (2), 1685 (3), м. дв. Берлин: шестигрошовик 1685 (пробит); Фридрих III, м. дв. Кенигсберг: шестигрошовики 1689 (3), 1698 и орты 1689 (2), 1699 (2). Пруссия (королевство), м. дв. Кенигсберг, шестигрошовики — Фридрих I, 1704, 1709 (5); Фридрих Вильгельм I, 1717 (2), 1719, 1721, 1722, 1723; Фридрих II, 1756, 1757. Швеция — Густав II Адольф, шиллинги рижские 1624, 1626, 1627 и с датой за обрезом (2); драйпельер с именем Густава II и датой 1633, чеканенный в г. Эльблонге (легенда л. с. — MO. NO. REG. SVE); Христина Августа, шиллинг рижский 1643. Совершенно стертая серебряная монета диам. в 2,5 см (опред. автора).

Интересна контрамарка на шестигрошовике Яна III. Подобная надчеканка имеется на монете из собрания Краковского народного музея (см. рисунок)². Расшифровка ее следующая — на фоне буквы «В» помещены знаки в две строки: верхняя — 2 [герб *Pilawa*] 4, нижняя — монограмма I. L. P.; герб *Pilawa* следует отнести к роду Потоцких; значение цифр 2—4 можно объяснить двояко: а) как знак стоимости в 24 гроша, что, однако, маловероятно; б) как дату контрамаркирования (1724); монограмма, по-видимому, принадлежит одному из Потоцких с инициалами I. L. «В», на фоне которой сделана контрамарка, очевидно, начальная буква названия имени, для которого контрамаркировались эти монеты.

Кличевский район

11. *Урочище «Стайка» у дер. Бацевичи Минского у. Минской губ.* 1895. 172 монеты общим весом в 1 ф. 33 зол.: Речь Посполитая — Ян Казимир, шестигрошовики коронные 1659—1667; Ян III Собеский, шестигрошовики коронные 1677, 1678, 1681—1684;

¹ См.: E. L a u s e v i č i u s. *Kauno pinigų kalykla, iš Lietuvos kultūros istorijos*, III. Vilnius, 1961, стр. 239, N 6.

* Первый известный нам случай наличия гродненского шестигрошовика в белорусском кладе.

² См. также. T a d e u s z K a l k o w s k i. *Tysiąc lat monety polskiej*. Kraków, MCMLXIII, стр. 208, № 148a.

Август III, коронные шестигрошовики и орты 1754—1756. Пруссия (герцогство) — Фридрих Вильгельм I, $\frac{1}{6}$ талера 1717—1719. Весь клад передан на сплав. АЛОИА, ф. 1, 1895 — д. 228, л. 1, 2; д. 293, л. 28 об., 29.

Славгородский район

12. *Дер. Добрый Дуб Быховского у. Могилевской губ.* 1910. 8 медных (русских) и 83 серебряные монеты: Россия — Елизавета Петровна, двухкопеечники 1758, 1759; Екатерина II, двухкопеечники 1764, 1770 (2), 1771 (2) и пятикопеечник 1762. Речь Посполитая — Ян Казимир, коронные шестигрошовики 1660—1667 (всего 26), орт со стертой датой и тридцатигрошовики 1663—1666 (всего 16). Пруссия (герцогство) — Фридрих Вильгельм I, шестигрошовики 1679, 1681—1683, 1685, 1686 (всего 22). Пруссия (королевство) — Фридрих I, шестигрошовики 1704, 1709. АЛОИА, ф. 1, д. 43, 1910, л. 1, 4, 5; АГЭ, ф. 1, оп. 5, д. 28, 1910, л. 24.

Гомельская область

Гомельский район

13. *Гор. Гомель, ул. Кирова*, 1961. При строительных работах во дворе родильного дома найдена металлургическая шкатулка с монетами, из числа которых в Гомельский областной музей поступили 24 рублевика: Петр I, 1719, 1721, 1724 (все московской чеканки); Анна Иоанновна, 1733, 1735, 1737 (4), 1738 (2), со стертой датой (1); Елизавета Петровна, ММД — 1749, 1750, СПб — 1742, 1743, 1744, 1746, 1749, 1751 (2), 1753 (2) (опред. автора).

14. *Гор. Гомель*. 1963. Клад медных монет в глиняном горшке. Гомельским коллекционером Л. Г. Офенгеймом в нумизматический кабинет музея при историческом факультете Белорусского государственного университета (Минск) переданы 34 деньги из этой находки: Анна Иоанновна — 1731 (3), 1734 (2), 1735 (5), 1736, 1737 (2), 1738 (5), 1739 (2), 1740 (2); Елизавета Петровна — 1743, 1746 (2), 1747 (3), 1748, 1749, 1750 (3), 1751 (опред. автора).

Мозырский район

15. *Гор. Мозырь*. 1961. На берегу р. Припяти найден клад, 196 монет которого, датированных 1730 г. и началом 70-х годов XVIII в., поступили в Мозырский районный музей. На определение присланы семь медных монет: Россия, деньги — Анна Иоанновна, 1730, 1731; Иоанн Антонович, 1741. Речь Посполитая — Станислав Август, гроши 1765, 1768 и тройные гроши 1766, 1770 (опред. автора).

Наровлянский район

16. *Дер. Завойт (Завойтя) Речицкого у. Минской губ.* 1870. 20 монет общим весом в 20,5 зол.: Речь Посполитая — Ян Казимир, шестигрошовики коронные; Август III, шестигрошовики 1753, 1754 и орты 1753—1755. Пруссия (герцогство) — Фридрих Вильгельм I, шестигрошовик 1630. Весь клад отдан на переплавку.— АЛОИА, ф. 1, д. 4, 1870, л. 26, 27.— И в е р с е н. Черновые тетради, 1870—1872, стр. 91, № 29; Список кладов, стр. 25 — № 6, стр. 61 — № 29.

Рогачевский район

17. *Хут. Выково Рогачевского у.* 1926 г. В Белорусский государственный музей для просмотра были представлены медные русские монеты, содержавшиеся, по словам принесшего их, в кубышке, найденной у хутора: Екатерина I — квадратные пятикопеечник 1726 и гривна 1726; Екатерина II — медный рублевик 1771; «несколько медных пятаков 1726 и 1730 гг.» Х а р л а м п о в и ч, № 36. Чрезвычайная редкость квадратных монет и медного рублевика заставляют отнести эту находку к числу сомнительных.

Клады четвертой четверти XVIII в.

УССР

Черниговская область

Бахмачский район

18. *Дер. Паруфиевка Борзенского у. Черниговской губ.* 1915. 466 медных русских монет: Елизавета Петровна — двухкопеечники 1757—1761 (всего 70), пятикопеечники 1758—1762 (всего 46); Екатерина II — двухкопеечники 1763—1766 (всего 26), пятикопеечники 1763—1783 (всего 324). АЛОИА, ф. 1, д. 186, 1915, л. 1, 4, 5; АГЭ, ф. 1, оп. 5, д. 27, 1915, л. 111.

Бобровицкий район

19. *Дер. Браницы (ныне — Браница) Козелецкого у. Черниговской губ.* Глиняный горшок с деньгами, двухкопеечниками и пятикопеечниками Елизаветы Петровны и Екатерины II 1758—1784. АЛОИА, ф. 1, д. 293, 1895, л. 238 об.— 241; д. 115, 1901, л. 1, 2; ТЧАК, 1905, стр. 129.

20. *Дер. Пески*. 1928. 458 медных монет Елизаветы Петровны и Екатерины II 1770—1790-х годов, поступивших в Черниговский музей. АЛОИА, ф. 2, д. 29 (ч. 1), 1928, л. 99.

21. *Дер. Старая Басань Козелецкого у. Черниговской губ.* 1890. 56 медных пятикопеечников Елизаветы Петровны (1758—1761) и Екатерины II (1763 — ЕМ, ММ; 1764 — ЕМ, ММ; 1765 — ЕМ; 1766 — СПМ; 1768 — ЕМ; 1770 — 1775, 1778—1780, 1782, 1783, 1787, 1788 — все ЕМ), поступившие в музей при Черниговском губернском статистическом комитете. АЛОИА, ф. 1, 1890, д. 161, л. 1, 2; д. 220, л. 21 об., 22; ТЧАК, 1905, стр. 124.

Городнянский район

22. *Дер. Вербовка Городнянского у. Черниговской губ.* 1861. 21 русская монета: Петр I — рубль 1725; Анна Иоанновна — рубли 1729, 1733, 1734; Елизавета Петровна — гривенник 1741, рубли 1746, 1749; Екатерина II — гривенники 1766, 1767, 1770, пятикопеечник 1771, двадцатикопеечники 1766, 176X, 1770, 1771 (3), 1784, рубль 1772. АЛОИА, ф. 1, д. 25, 1861, л. 2, 4.

Коропский район

23. *Дер. Нежаевка Конотопского у. Черниговской губ.* 1925. 175 медных пятикопеечников Елизаветы Петровны и Екатерины II 1758—1795. АЛОИА, ф. 2, д. 27, 1925, л. 38; Ф а с м е р, I, стр. 301, № 54.

Михайло-Коцюбинский район

24. *Дер. Андреевка Черниговского у. Черниговской губ.* 1911. Около 200 медных русских монет — пятикопеечников (большая часть клада) и двухкопеечников Елизаветы Петровны и Екатерины II 1757—1796 общим весом в 25 ф. «Старая Монета», 1911, № 5, стр. 86, стб. 1.

Новгород-Северский район

25. *Дер. Ображевка Новгород-Северского у. Черниговской губ.* 1887. Глиняный горшок с 1475 пятикопеечниками Екатерины II 1760-х — 1790-х годов общим весом в 2 п. 21 ф. Весь клад отдан на переплавку. АЛОИА, ф. 1, д. 63, 1885, л. 4 об., д. 15, 1888, л. 2, 3.

Тупичевский район

26. *Мест. Тупичево (ныне Тупичев) Городнянского у. Черниговской губ.* 1886. 267 медных пятикопеечников Елизаветы Петровны и Екатерины II 1760—1790-х годов общим весом в 33 ф. Весь клад отдан на переплавку. АЛОИА, ф. 1, 1886 — д. 21, л. 13—15, д. 69, л. 38.

Сумская область

Глуховский район

27. *Дер. Березы (ныне — Береза) Глуховского у. Черниговской губ.* 1885. 210 медных пятикопеечников: Елизавета Петровна, 1758—1762; Екатерина II, ЕМ: 1763—1796, АМ: 1789—1793, 1795, КМ: 1781, 1788, СПМ: 1766. Весь клад отдан на переплавку. АЛОИА, ф. 1, д. 51, 1882, л. 137; д. 4 об., 1885, л. 38, 39.

Кролевецкий район

28. *Дер. Будица Кролевецкого у. Черниговской губ.* 1887. Горшок со 189 медными монетами: Елизавета Петровна — двухкопеечник 1758 и пятикопеечники 1768 ММ (3), 1759 (3), 1760 (2), 1761 (6); Екатерина II — пятикопеечники 1762 (1), АМ — 1791 (1), ЕМ — 1763 (8), 1764 (10), 1765 (6), 1766 (7), 1767 (8), 1768 (5), 1769 (8), 1770 (10), 1771 (13), 1772 (6), 1773 (11), 1774 (3), 1775 (8), 1776 (7), 1777 (3), 1778 (9), 1779 (6), 1780 (4), 1781 (6), 1782 (5), 1783 (5), 1785 (5), 1786 (1), 1787 (3), 1788 (4), 1790 (1), ММ — 1763 (2), 1765 (3), 1788 (1), СПМ — 1763 (1), СМ — 1766 (2). АЛОИА ф. 1 — д. 63, 1885, д. 4 об. д. 11, 1887, л. 4, 5.

Шосткинский район

29. *Дер. Андрейчики Стародубского у. Черниговской губ.* 1915. 425 медных пятаков Елизаветы Петровны и Екатерины II 1758—1796. ИАК, вып. 65, Пг., 1915, стр. 160.

30. *Урочище «Рудки» у дер. Клишки Кролевецкого у. Черниговской губ.* 1897. 69 русских монет общим весом в 4 ф. 5 зол.: Петр I — полтины 1719, 1723, рубли 1718, 1719, 1725; Петр II — рубли 1727, 1728, 1729; Анна Иоанновна — полтины 1732, 1733, 1738, рубли 1731, 1733, 1734, 1736, 1738, 1739, 1740; Елизавета Петровна — рубли 1743, 1745, 1747, 1749, 1751, 1753, 1754, 1758; Екатерина II — рубли, 1763, 1764, 1769, 1773—1777. АЛОИА, ф. 1, д. 293, 1895, л. 83 об., 84; д. 116, 1897, лл. 1, 6; АГЭ, ф. 1, оп. 5, д. 17, 1897, л. 72; ТЧАК, 1905, стр. 128.

31. *Хут. Соломки Кролевецкого у. Черниговской губ.* 1895. 58 медных русских монет: Елизавета Петровна — двухкопеечники 1758 (2) и пятикопеечники 1758 (2), 1760 (3), 1761 (3); Петр III — десятикопеечник 1762; Екатерина II — пятикопеечники АМ — 1790 (1), ЕМ — 1763 (2), 1764 (3), 1765 (4), 1766 (1), 1767 (4), 1768 (1), 1769 (1), 1771 (1), 1772 (4),

1773 (2), 1775 (1), 1776 (1), 1777 (3), 1778 (2), 1779 (2), 1780 (2), 1781 (1), 1783 (2), 1790 (4), КМ — 1783 (1), ММ — 1763 (3), 1766 (1), СМ — 1765 (4). АЛОИА, ф. 1, 1895, д. 23, л. 1—2 об., д. 293, л. 5 об., 6; ТЧАК, 1905, стр. 127.

РСФСР

Брянская область

Новозыбковский район

32. *Хут. Злынки (ныне дер. Злынка) Новозыбковского у. Черниговской губ.* 1875. 529 медных пятакон Елизаветы Петровны и Екатерины II, из числа которых 3 (1758, 1762) были присланы в Археологическую комиссию. АЛОИА, ф. 1, д. 8, 1876, л. 1, 2, 1895, л. 99 об., 100; д. 245, 1897, л. 2, 4; ТЧАК, 1905, стр. 128.

33. *Дер. Рубежное Новозыбковского у. Черниговской губ.* 1889. 483 медных пятикопеечника Екатерины II 1760—1790-х годов общим весом в $19\frac{3}{4}$ ф., отданные на переплавку.— АЛОИА ф. 1, д. 35, 1889, л. 52, 53; ТЧАК, 1905, стр. 123.

Погарский район

34. *Дер. Борщово Стародубского у. Черниговской губ.* 1897. 2 «чугунка» с медными двухкопеечниками и пятикопеечниками Елизаветы Петровны и Екатерины II — 1757—1796, несколькими двухкопеечниками Павла I 1797—1800. АЛОИА, ф. 1, д. 293, 1895, л. 99 об., 100; д. 245, 1897, л. 2, 4; ТЧАК, 1905, стр. 128.

35. *Хут. Глиники Стародубского у. Черниговской губ.* 1912. 457 медных русских монет общим весом в 1 п. 20 ф.: Елизавета Петровна — копейки 1758, 1759, 1760, двухкопеечники 1757 (19), 1758 (16), 1759, 1760, 1761 (2) и пятикопеечники 1758 (17, в числе их — 2 ММ), 1759 (9, в числе их — 1 ММ), 1760 (13), 1761 (8, в числе их — 1 ММ), 1762; Екатерина II — двухкопеечники ЕМ: 1763 (8), 1765 (2), 1767, 1768, 1771, 1774, 1776 и со стертой датой (1); ММ: 1766 (4); СПМ: 1763 и пятикопеечники ЕМ: 1763 (20), 1764 (15), 1765 (5), 1766 (12), 1767 (18), 1768 (8), 1769 (18), 1770 (12), 1771 (24), 1772 (20), 1773 (19), 1774 (6), 1775 (12), 1776 (14), 1777 (10), 1778 (21), 1779 (14), 1780 (17), 1781 (13), 1782 (8), 1783 (10), 1784 (6), 1785 (5), 1786 (3), 1787, 1788 (4), 1790, со стертой датой (1); ММ: 1763 (5), 1764 (2), 1765, 1766 (4), СМ: 1765; СПМ: 1763 (2), 1766, 1783, ТМ: 1787. АЛОИА, ф. 1, д. 133, 1912, л. 1, 5—6 об., 8; АГЭ, ф. 1, оп. 5, д. 27, 1912, л. 82; ИАК, приб. к вып. 48. СПб., 1913, стр. 48—49; «Черниговское слово», 1912, № 1720.

Стародубский район

36. *Дер. Андрейковичи Стародубского у. Черниговской губ.* 1916. 425 медных пятикопеечников общим весом в 51 ф.: Елизавета Петровна — 1758 (4, в их числе — 1 ММ), 1759 (9, в числе их — 4 ММ), 1760 (13), 1761 (8); Екатерина II — ЕМ: 1763 (16), 1764 (12), 1765 (21), 1766 (17), 1767 (9), 1768 (10), 1769 (14), 1770 (18), 1771 (14), 1772 (22), 1773 (15), 1774 (2), 1775 (8), 1776 (6), 1777 (15), 1778 (19), 1779 (8), 1780 (17), 1781 (13), 1782 (9), 1783 (6), 1784 (9), 1785 (6), 1786 (5), 1787 (5), 1788 (8), 1789 (7), 1790 (5), 1791 (3), 1792 (5), 1793, 1796, АМ: 1789, 1790 (8), 1791 (7), 1792 (4), 1796; КМ: 1782; ММ: 1763, 1764 (7), 1765 (2), 1766 (2); СМ: 1763 (2), 1766; СПМ: 1763 (5), 1764; ТМ: 1787, со стертыми знаками м. дв.: 11. АЛОИА, ф. 1, д. 81, 1916, л. 1, 4—6; АГЭ, ф. 1, оп. 5, д. 27, 1916, л. 56.

БССР

Могилевская область

Быховский район

37. *Дер. Новый Быхов.* 1956. При распашке целинного участка найден клад, из состава которого у местного жителя М. Ф. Завальникова и коллекционеров гор. Быхова Д. М. Абрамовича и В. С. Слижа имеются 16 русских монет: Анна Иоанновна — рубли 1732, 1739; Елизавета Петровна — полтина 1748 (СПБ.) и рубли 1745, 1749 (2), 1750 (все — СПБ.), 1750 (ММД); Екатерина II — гривенники 1770, 1785 (оба — СПБ.), полуполтинник 1769 (ММ), полтина 1763 (СПБ.), рубли 1763, 1771, 1774 (все — СПБ.), Павел I — рубль 1800 (СМ — ОМ) (опред. автора).

38. *Гор. Быхов.* 1956. Возле конторы «Заготскот» найден небольшой клад медных русских монет, из числа которых семь пятикопеечников Екатерины II (все ЕМ) находятся у местного коллекционера Д. М. Абрамовича: 1763, 1765, 1768, 1772, 1775, 1780, 1782 (опред. автора).

39. *Гор. Быхов, крепостной вал.* 1957. Клад в глиняном горшке; 15 медных русских монет находятся у местного коллекционера В. С. Слижа: Елизавета Петровна — полтушка, копейки (2); Екатерина II — пятикопеечники 1763 (СПМ), 1768, 1770 (2), 1772, 1773 (2), 1775, 1777, 1780, 1788, 1790 (все — ЕМ) (опред. автора).

40. *Дер. Хачинка.* 1957. Клад медных пятикопеечников Елизаветы Петровны и Екатерины II 1760—1790-х годов (сообщение Д. М. Абрамовича).

Славгородский район

41. *Дер. Большая Зимница.* 1959. На глубине 0,2—0,3 м найдены 93 медные русские монеты общим весом в 3,5 кг, завернутые в ткань: Елизавета Петровна — двухкопеечники 1757 (2), 1758 (3), 1759 (2), 1761 (2), со стертой датой (4), и пятикопеечки 1759

(4), 1760 (3), 1761; Екатерина II — двухкопеечники ЕМ: 1763, 1773; ММ: 1763 (2), 1765 (3), 1766 (3), 1768, со стертой датой (1) и пятикопеечники 1762; ЕМ: 1764, 1765 (2), 1766, 1767 (2), 1769, 1770, 1771 (2), 1772 (3), 1773, 1774, 1775 (2), 1776, 1777 (2), 1778 (2), 1779 (4), 1780, 1781 (3), 1783 (2), 1785, 1786 (2), 1790 (2); ММ: 1763, 1764; СПМ: 1763, 1765; Павел I — двухкопеечники АМ: 1797 (2), 1798; ЕМ: 1798 (2), 1799 (3), 1800 (3). Клад хранится в Могилевском областном музее под № 5080. Звезда, Минск, 2. VIII. 1959 (неправильно названо количество монет — 95) (опред. автора).

Гомельская область

Брагинский район

42. *Дер. Глуховичи Речицкого у. Минской губ.* 1909. Клад весом в 1 п. 9 ф.; известны 10 копеек и 20 пятикопеечников Елизаветы Петровны и Екатерины II — 1757—1787.— АЛОИА, ф. 1, д. 293, 1895, л. 452 об., 453, д. 81, 1909, д. 4 об.; д. 113, 1909, л. 1—4; ИАК, Хроника и библиография, вып. 18. СПб., 1910, стр. 57; «Минское слово», 5. III. 1911; «Старая Монета», 1911, № 3, стр. 9, стб. 1.

Будо-Кошелевский район

43. *Дер. Губичи.* 1953. При огородных работах найден небольшой клад, из состава которого сохранилось девять медных пятикопеечников, поступивших под № 5518 в Гомельский областной музей: Елизавета Петровна — 1759, 1761; Екатерина II — 1769, 1772, 1773, 1775, 1777, 1782 (2), все — ЕМ (опред. автора).

Жлобинский район

44. *Хут. Радутин Рогачевского у. Могилевской губ.* 1903. Пять медных и две серебряные русские монеты: Екатерина II — пятикопеечник 1763, 1765, 1769, 1770 (всего пять) и рубль 1765; Павел I — полтина 1798. АЛОИА, ф. 1, д. 293, 1895, л. 335 об., 336; д. 195, 1903, л. 1, 2.

Кормянский район

45. *Дер. Зимница Славгородского района Могилевской области.* 1940. Клад, из состава которого 14 монет поступили под № 679 в Гомельский областной музей. Речь Посполитая — Ян Казимир, коронные шестигрошовики 1661 — м. дв. Познань, 1663 — Познань, орты 1663 — Познань, 1666 и тридцатигрошовики 1665, 1666. Испанские Нидерланды — Альберт и Елизавета: Брабант, м. дв. Брюссель, патагон без даты; Филипп IV: Фландрия, м. дв. Брюгге, патагоны 1646 и со стертой датой. Соединенные Нидерландские Провинции — Западная Фризия, м. дв. Энкгюйзен, левендаальдер 1653; Зволле, городской чекан, левендаальдеры 1649, 1667; Зеландия, м. дв. Миддельбург, риксдаальдеры 1705, 1794. Пруссия (герцогство) — Фридрих III, м. дв. Кенигсберг, шестигрошовик 1694 (опред. автора).

Лоевский район

46. *Дер. Бывальки Речицкого у. Минской губ.* 1903. 206 медных пятикопеечников Елизаветы Петровны и Екатерины II 1750—1780-х годов общим весом в 25 ф. 56 зол. ГАМО, ф. 295, оп. 1, д. 7311, л. 8, 10; АЛОИА, ф. 1, д. 293, 1895, л. 350, об., 351; д. 288, 1903, л. 1, 2.

47. *Дер. Мохов.* 1954. Около пуда медных пятикопеечников Елизаветы Петровны и Екатерины II (младшие 1790-х годов) сданы заготовителю утильсырья (сообщение Г. В. Штыхова).

Мозырский район

48. *Урочище «Горки» у хутора Матрунок Мозырского у. Минской губ.* 1890. Клад, из состава которого известны рубли Петра I (1720, 1723), Екатерины I (1725), Анны Иоанновны (1732, 1734, 1736, 1737, 1740), Елизаветы Петровны (даты не указаны) и Екатерины II (1762, 1780, 1789). АЛОИА, ф. 1, д. 111, 1890, л. 1, 2, 4.

Рогачевский район

49. *Дер. Ямное Рогачевского у. Могилевской губ.* 1911. 318 медных пятикопеечников Екатерины II 1760—1790-х годов.— АЛОИА, ф. 1, д. 40, 1911, л. 1.

50. *Дер. Веть (Ветви) Быховского у. Могилевской губ.* 1909. 40 медных монет Екатерины II; известны три пятикопеечника 1764, 1771, 1782.— АЛОИА, ф. 1, д. 212, 1909, л. 1, 3.

51. *Дер. Веть (Ветви) Журавичского района.* 1922. Около полупуда медных пятикопеечников, из числа которых один (Екатерина II, 1779) поступил в Белорусский государственный музей. Х а р л а м п о в и ч, № 65.

Чечерский район

52. *Дер. Мотневичи Рогачевского у. Могилевской губ.* 1913. Горшок с 71 медной монетой Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II (48 пятикопеечников, 2 двухкопеечника, 15 денег и 6 полушек 1730—1779). АЛОИА, ф. 1, д. 192, 1913, л. 1—

53. *Дер. Полесье*. 1955. Клад медных пятикопеечников Елизаветы Петровны и Екатерины II 1760—1790 гг. (сообщение Г. В. Штыхова).

54. *Гор. Чечерск*. 1960. Недалеко от города найден бочонок, содержащий около пяти пудов медных пятикопеечников Елизаветы Петровны и Екатерины II 1750—1790 гг. (сообщение В. Д. Будько).

Недатируемые клады XVIII в.

У С С Р

Черниговская область

Борзнянский район

55. *Гор. Борзна Черниговской губ.* 1885. Кувшин с медными монетами общим весом более 30 ф.: деньги и пятикопеечники Елизаветы Петровны и Екатерины II. АЛОИА, ф. 1, д. 51, 1882, л. 127; д. 4 об., 1885, л. 35—37.

Ичнянский район

56. *Дер. Дорогинки (Дорогинка) Нежинского у. Черниговской губ.* 1888. 30 двухкопеечников Елизаветы Петровны и Екатерины II. Весь клад отдан на сплав. АЛОИА, ф. 1, д. 15, 1888, л. 65.

Козелецкий район

57. *Дер. Вороньки Козелецкого у. Черниговской губ.* 1890. 50 рублей Петра I, Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II; клад помещался в горшке, накрытом обломком глиняного сосуда. АЛОИА, ф. 1, д. 178, 1890, л. 1; ТЧАК, 1905, стр. 124.

Новгород-Северский район

58. *Дер. Горбово Новгород-Северского у. Черниговской губ.* 1892. Медные монеты Екатерины II общим весом в 22 ф.; переданы на сплав.— АЛОИА, ф. 1, 1892, д. 211, л. 1; д. 215, л. 25 об., 26; ТЧАК, 1905, стр. 125.

Олишевский район

59. *Дер. Хрещатое Козелецкого у. Черниговской губ.* 1891. 879 медных русских монет XVIII в. общим весом в 2 п. 15 ф. 37 зол.: 712 пятикопеечников, 15 двухкопеечников, 16 «небольших» монет; весь клад отдан на переплавку. АЛОИА, ф. 1, д. 83, 1891, л. 1, 2, 4; ТЧАК, 1905, стр. 125.

Остерский район

60. *Гор. Остер Черниговской губ.* 1889. 59 медных пятикопеечников и двухкопеечников XVIII в. АЛОИА, ф. 1, д. 35, 1889, л. 11, 12; ТЧАК, 1905, стр. 123.

Семеновский район

61. *Дер. Жадво Новгород-Северского у. Черниговской губ.* 1883. Восемь серебряных рублей и 210 медных пятикопеечников Екатерины II.— АЛОИА, ф. 1, д. 11, 1883, л. 15.

62. *Дер. Погорельцы Кролевецкого у. Черниговской губ.* 1890. Глиняный горшок с медными русскими монетами общим весом в 33 ф., переданными на сплав. АЛОИА, ф. 1, д. 186, л. 1, 7; ТЧАК, 1905, стр. 124.

Сосницкий район

63. *Дер. Спасское Кролевецкого у. Черниговской губ.* 1883. Медные пятикопеечники XVIII в. АЛОИА, ф. 1, д. 51, 1882, л. 46; д. 11, 1883, л. 17, 19.

Сумская область

Копотопский район

64. *Дер. Гиреска Копотопского у. Черниговской губ.* 1901. Серебряная монета хана Ганджи 1189 г. х. (1775—1776), поступившая в музей при Черниговском губернском статистическом комитете. АЛОИА, ф. 1, д. 293, 1895, л. 244 об., 245; д. 153, л. 1; ТЧАК, 1905, стр. 129.

65. *Дер. Подлипное Копотопского у. Черниговской губ.* 1911. 214 медных пятикопеечников XVIII в. АЛОИА, ф. 1, д. 151, 1911, л. 1, 2.

Кролевецкий район

66. *Дер. Ксензовка Кролевецкого у. Черниговской губ.* 1888. 242 медные («крупных 13, мелких 229 штук») монеты Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II общим весом в 6 ф. 54 зол. АЛОИА, ф. 1, д. 15, 1888, л. 42.

67. Дер. Мутино (ныне Мутин) Кролевецкого у. Черниговской губ. 1887. 315 медных монет: 182 пятикопеечника и 133 двухкопеечника Елизаветы Петровны и Екатерины II, весь клад передан на сплав. АЛОИА, ф. 1, д. 63, 1885, л. 26 об.; д. 11, 1887, л. 52, 53, 55.

68. Дер. Мутино (ныне Мутин) Кролевецкого у. Черниговской губ. 1896. 123 медных пятикопеечника Елизаветы Петровны и Екатерины II общим весом в 15 ф. 9 зол. АЛОИА, ф. 1 — д. 293, 1895, л. 60, об., 61; д. 173, 1896, л. 1, 4; ТЧАК, 1905, стр. 127.

Шосткинский район

69. Дер. Клишки Кролевецкого у. Черниговской губ. 1896. 32 серебряных рубля XVIII в. общим весом в 1 ф. 9 зол. 12 дол.; 12 экз. поступили в Университет св. Владимира (Киев), 7 — в музей при Черниговском губернском статистическом комитете. АЛОИА, ф. 1 — д. 293, 1895, л. 67 об.— 68; д. 238, 1896, л. 1; ТЧАК, 1905, стр. 127.

РСФСР

Брянская область

Клетнянский район

70. Дер. Прыща. 1958. Глиняная кубышка со 147 полуполтинами Елизаветы Петровны и Екатерины II общим весом в 897 г., поступившая в Брянский областной музей. «Брянский Рабочий», 8. IX. 1960. П о л о з о в, № 27.

Навлинский район

71. Дер. Зеленопуговка. 1956. Около шести пудов медных монет Екатерины II, из числа которых 720 экз. поступили в Брянский областной музей. П о л о з о в, № 17.

Новозыбковский район

72. Дер. Ново-Бобовичи. 1958. 66 медных монет Елизаветы Петровны и Екатерины II, поступившие в Брянский областной музей. П о л о з о в, № 24.

Стародубский район

73. Дер. Курово Стародубского у. Черниговской губ. 1878. Медные монеты XVIII в. общим весом в 1 п. 24,5 ф. АЛОИА, ф. 1, д. 36, 1873, л. 42; д. 14, 1878, л. 21, 22. И в е р с е н — Черновые тетради, 1878—1882, стр. 4, № 16; Список кладов, стр. 45 — № 4, стр. 53 — № 16.

Унечский район

74. Дер. Павловка Черниговского округа. 1928. 671 медный пятикопеечник Елизаветы Петровны и Екатерины II (в числе их — 7 экз. ГМ) в глиняном горшке. АЛОИА, ф. 2, д. 29, (ч. 1), 1928, л. 78, 99. Клад интересен наличием в нем необычно большого количества (7 экз.) редких пятикопеечников Таврического (Феодосийского) монетного двора.

БССР

Могилевская область

Быховский район

75. Дер. Новый Быхов Быховского у. Могилевской губ. До 1912. «Литовские и русские монеты XVI—XVIII вв.» Е. Р. Романо в. Археологические раскопки в Могилевской губернии. Вильна, 1912, стр. 6 (отдельный оттиск из Записок северо-западного отдела русского географического общества, книжка III. Вильна, 1912).

76. Дер. Городец Могилевского района. 1929. Медные «трехкопеечники» и пятаки первой половины XVIII в., поступившие в Гомельский музей. «Рабочий». Минск, 1929, № 188.

В газетном сообщении, несомненно, допущена ошибка в определении номиналов: трехкопеечники в XVIII в. не чеканились (исключением являются лишь чеканенные в 70-х годах для обращения в Молдавии и Валахии (2 пара = 3 копейки); однако эта монета неизвестна нам в составе белорусских кладов).

Краснопольский район

77. Дер. Жалижье Чериковского у. Могилевской губ. 1916. 523 медные русские монеты XVIII в. АЛОИА, ф. 1, д. 63, 1916, л. 1; ИАК, вып. 65. Пг., 1918, стр. 159.

Кричевский район

78. Дер. Соколычи. 1926. В 1926 г. в Белорусском государственном музее на просмотр был представлен голландский дукат 1772, найденный на участке одного из крестьян. Возможно, был найден целый клад, ибо тот же крестьянин в 1924 г. продал еще одну золотую монету. Х а р л а м п о в и ч, № 53; Ф а с м е р, II, стр. 316, № 124.

Гомельская область

Гомельский район

79. *Гор. Гомель*. 1862. Недалеко от города найдены монеты, из числа которых в Эрмитаж поступил фальшивый рубль Петра I. АЛОИА, ф. 1, д. 3, 1862, л. 1, 2.

Лоевский район

80. *Гор. Лоев*. 1888. На левом берегу Днепра против города найден клад медных монет XVIII в. общим весом в 1 п. 35 ф. АЛОИА, ф. 1, д. 63, 1885, л. 28; д. 15, 1888, л. 51, 53.

Мозырский район

81. *Между гор. Мозырем и имением Лельковичи* в 1913 г. найден клад, из состава которого в Белорусский государственный музей поступил голландский дукат 1761. Харламович, № 71; Фасмер, стр. 313, № 96.

Речицкий район

82. *Дер. Козье Речицкого у. Минской губ.* Медные и серебряные монеты Екатерины II. ИАК, Хроника и библиография, вып. 24, стр. 106.

Клады первой половины XIX в.

УССР

Черниговская область

Батуринский район

83. *Дер. Обмачев Конотопского у. Черниговской губ.* 1908. 73 медные русские монеты: Елизаветы Петровны и Екатерины II — пятикопеечники 1757—1788 (в их числе ТМ 1787 и 1788); Павел I — двухкопеечник (дата не указана); Александр I — пятикопеечник 1802, поступившие в Херсонский музей. АЛОИА, ф. 1, д. 293, 1895, л. 436 об., 437; д. 113, 1908, л. 1, 2, 5.

Борзнянский район

84. *Деревни Ядуты и Красный Став Борзнянского у. Черниговской губ.* 1898. Между деревнями найден 21 двухкопеечник Елизаветы Петровны, Екатерины II и Павла I 1757—1801. АЛОИА, ф. 1, д. 293, 1895, л. 142 об., 143; д. 268, 1898, л. 1—3, д. 296, л. 169, 21 («Таблицы распределения древностей»). ТЧАК, 1905, стр. 129.

Корюковский район

85. *Мест. Корюковка Сосницкого у. Черниговской губ.* 1898. 648 медных русских монет общим весом в 1 п. 33 ф. 26 зол.: Елизавета Петровна — пятикопеечники; Екатерина II — двухкопеечники и пятикопеечники (в числе последних — 1 экз. отчеканенный на десятикопеечнике Петра III); Александр I — двухкопеечник 1811 и пятикопеечник 1804. Весь клад отдан на переплавку. АЛОИА, ф. 1, д. 293, 1895, л. 132 об., 133; д. 200, 1898, л. 1, 2; 296, 1898, л. 169, 21 («Таблицы распределения древностей»). ТЧАК, 1905, стр. 129.

Носовский район

86. *Мест. Носовка Нежинского у. Черниговской губ.* 1882. Около 400 медных монет общим весом в 1 п. 10 ф. В Археологическую комиссию присланы пятикопеечники Елизаветы Петровны (1758), Екатерины II (1770, 1790, 1793) и Александра I (1802). АЛОИА, ф. 1, 1882 — д. 37, л. 1; д. 51, л. 6.

Олишевский район

87. *Дер. Скоренец Черниговского у. Черниговской губ.* 1886. Кувшин с медными пятикопеечниками Елизаветы Петровны, Екатерины II и Александра I — 1759—1802. АЛОИА, ф. 1, д. 21, 1886, л. 5, 6

88. *Дер. Церковищи Козелецкого у. Черниговской губ.* 1899. Кувшин с 313 медными пятикопеечниками и десятью двухкопеечниками общим весом в 33 ф. 48 зол. Елизавета Петровна, Екатерина II, Павел I и Александр I 1757—1806. Весь клад передан на сплав. АЛОИА, ф. 1, д. 293, 1895, л. 162 об., 163; д. 120, 1899, л. 1, 2; ТЧАК, 1905, стр. 129.

Остерский район

89. *Дер. Пархомово Остерского у. Черниговской губ.* 1899. 725 медных монет (большой частью двухкопеечников) общим весом в 1 п. 2 ф.: Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина II, Павел I и Александр I; младшая монета 1814. Весь клад отдан на сплав. АЛОИА, ф. 1, д. 293, л. 168 об., 169; д. 174, 1899, л. 1, 6; ТЧАК, 1905, стр. 129.

Сумская область

Шосткинский район

90. *Дер. Клишки Кролевецкого у. Черниговской губ.* 1911. Глиняный горшок с несколькими десятками медных русских монет XVIII — первой четверти XIX в. «Старая Монета», № 5, 1911, стр. 84, стб. 1.

РСФСР

Брянская область

Выгоничский район

91. *Дер. Клинок.* 1957. Монетно-вещевой клад, содержащий 5 рублей Елизаветы Петровны и Александра I, поступивший в Брянский областной музей. *Полозов*, № 21.

Новозыбковский район

92. *Мест. Семеновка Новозыбковского у. Черниговской губ.* 1895. При земляных работах на базарной площади найдены 42 монеты — десятикопеечники (5), пятнадцатикопеечники (14), двадцатикопеечники (8), двадцатипятикопеечники (4), тридцатикопеечники (5), семидесятикопеечник, рубль (3), и «одна монета иностранная». АЛОИА, ф. 1, д. 222, 1895, л. 1; ТЧАК, 1905, стр. 127.

Номиналы от 10 до 75 копеек, имевшиеся в этом кладе, являются, очевидно, чеканенными в 40-х годах Варшавским монетным двором 10 коп. = 20 грошам, 15 коп. = 1 злотому, 20 коп. = 40 грошам, 25 коп. = 50 грошам, 30 коп. = 2 злотым, 75 коп. ($\frac{3}{4}$ рубля) = 5 злотым.

Почепский район

93. *Дер. Старопочепье Мглинского у. Черниговской губ.* 1907. Глиняный сосуд с 815 медными двух- и пятикопеечниками Елизаветы Петровны, Екатерины II, Павла I и Александра I; младшая монета — 1805. АЛОИА, ф. 1, д. 293, л. 428 об., 429, д. 140, 1907, л. 1, 4.

Стародубский район

94. *Мест. Гринево Стародубского у. Черниговской губ.* 1898. 331 медный пятикопеечник Елизаветы Петровны, Екатерины II, Павла I и Александра I 1761—1803 общим весом в 1 п. 30 зол. АЛОИА, ф. 1, д. 293, 1895, л. 11 об., 12; д. 36, 1898, л. 1, 2; д. 296, 1898, л. 169, 21 («Таблицы распределения древностей»); ТЧАК, 1905, стр. 129.

95. *Дер. Новоселки Стародубского у. Черниговской губ.* 1897. Ведро с 546 медными пятикопеечниками Елизаветы Петровны, Екатерины II и Александра I (1802, 1803) общим весом в 1 п. 27 ф. 75 зол. и 1 медной восточной монетой. АЛОИА, ф. 1, д. 245, 1897, л. 1, 3; ТЧАК, 1905, стр. 128.

Суражский район

96. *Дер. Николаевка Суражского у. Черниговской губ.* 1895. 2 ф. 66 зол. медных монет Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Павла I и Александра I — деньги 1741—1751, копейка 1823, двухкопеечники 1757—1817 и пятикопеечники 1762—1769. АЛОИА, ф. 1, 1895, д. 190, л. 1; д. 293, л. 23 об., 24; ТЧАК, 1905, стр. 127.

97. *Дер. Поповка Суражского у. Черниговской губ.* 1896. 122 медных пятикопеечника Елизаветы Петровны и Екатерины II, двухкопеечники Екатерины II и Александра I (1805, 1811) общим весом в 17 ф. 80 зол., поступившие в музей при Черниговском губернском статистическом комитете. АЛОИА, ф. 1, д. 293, 1895, л. 55 об., 56; д. 145, 1896, л. 1, 4; ТЧАК, 1905, стр. 127.

98. *Урочище «Гяль» у дер. Поповка Суражского у. Черниговской губ.* 1903. 134 медных пятикопеечника Елизаветы Петровны, Екатерины II и Александра I (1802—1804) общим весом в 16 ф. 13 зол. АЛОИА, ф. 1, д. 293, 1895, л. 331 об., 332; д. 172, 1903, л. 1, 3, 4.

БССР

Могилевская область

Кличевский район

99. *Дер. Ивановка.* 1960. Кожаный мешочек с монетами, из числа которых в Могилевский областной музей под № 6386 поступили 6 экз.: деньги 1744 (?), 17X0, двухкопеечники 1767, 17XX, 1811 и пятикопеечник 18XX (опред. науч. сотр. Могилевского музея Т. Елисевой).

Кричевский район

100. *Гор. Кричев, ул. Ленинская.* 1959. Рабочими найден глиняный горшок, содержащий «около 100 монет, в основном 1753 и 1811 годов». Советская Белоруссия, 13. V. 1959.

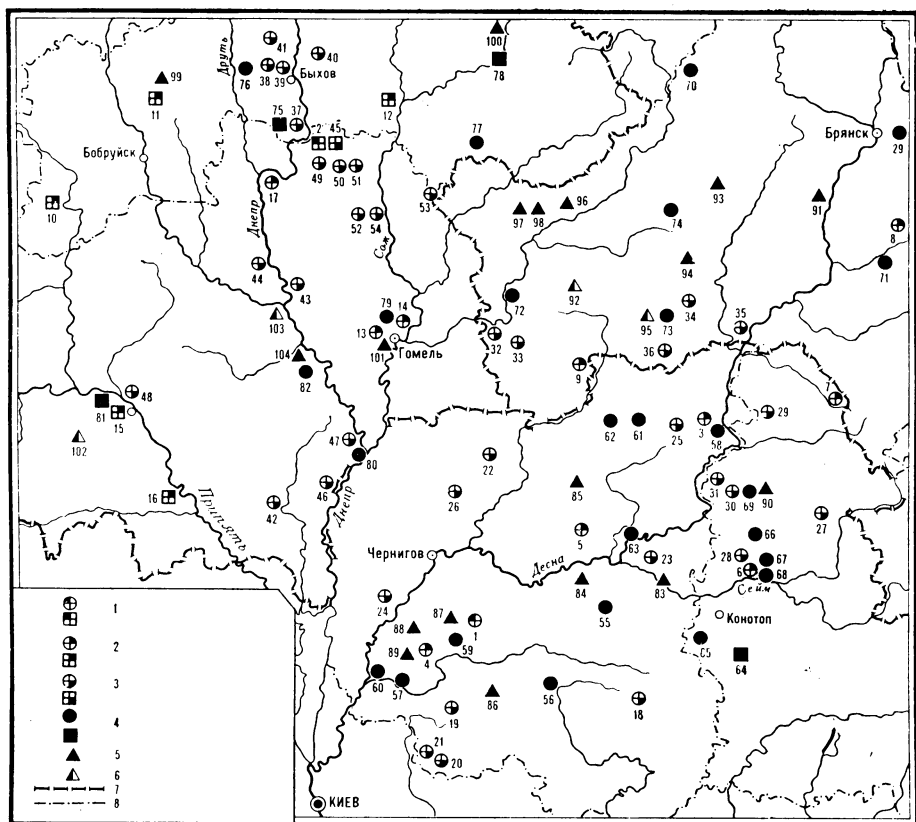

Рис. 2. Топография кладов второй четверти XVIII — первой половины XIX в. на территории Чернигово-Северской земли и Восточной Белоруссии:

1 — кладовы второй четверти XVIII в.; 2 — кладовы третьей четверти XVIII в.; 3 — кладовы четвертой четверти XVIII в.; 4 — недатированные кладовы XVIII в.; 5 — кладовы первой половины XIX в., состоящие только из русских монет; 6 — кладовы первой половины XIX в., состоящие целиком и частично из польско-литовских, западноевропейских или восточных монет; 7 — границы республик; 8 — границы областей. Кладовы, помеченные кружками, состоят только из русских монет, помеченные квадратами — целиком или частично из монет польско-литовских или западноевропейских.

Гомельская область

Гомельский район

101. *Гор. Гомель*. Около 1941. Недалеко от города найден клад, 425 монет которого хранятся в Гомельском областном музее под № 748: Александр I — копейки 1814, 1820, 1824, 1830 (всего 34), двухкопеечники 1811, 1812, 1814, 1820, 1824 (всего 391) (опред. автора).

Мозырский район

102. *Дер. Романовка*. 1962. Бронзовая турецкая монета — Махмуд II, м. дв. Константина, игимирлик 1223 г. х. (1814—1815), поступившая в коллекцию жителя дер. Слобода этого же района В. И. Зотова (опред. автора).

Речицкий район

103. *Мест. Горваль Речицкого у. Минской губ.* 1899. Клад, из состава которого известен голландский дукат 1802 весом в 78 дэл. АЛЮИА, ф. 1, д. 293, 1895, л. 169 об., 170; д. 178, 1898, л. 1.

104. *Гор. Речица, детдом инвалидов*. 1958. Воспитанниками при рытье ямы найдено девять монет, поступивших в Речицкий районный музей: Анна Иоанновна — деньги 1737, 1738; Елизавета Петровна — деньги 1748, 1753; Екатерина II — пятикопеечники 1781, 1788 (оба — ЕМ); Александр I — двухкопеечники 1801, 1802 (оба — ЕМ) и пятикопеечник 1802 (ЕМ) (опред. автора).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГЭ — Архив Государственного Эрмитажа.
 АЛОИА — Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.
 АП — Археологічні пам'ятки УРСР.
 ВВ — Византийский временник.
 ВЕ — Вестник Европы.
 ВДИ — Вестник древней истории.
 ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
 ГАМО — Государственный архив Минской области (Минск).
 ГИМ — Государственный исторический музей.
 ГПНБМ — Годишник на Пловдивската народна библиотека и музей.
 ГХМ — Государственный Херсонесский музей.
 ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.
 ЗНТШ — Записки Наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка.
 ЗНОРАО — Записки нумизматического отделения русского археологического общества.
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей.
 ЗРАО — Записки русского археологического общества.
 ИАИ — Известия на Археологический институт, София.
 ИАК — Известия археологической комиссии.
 ИВАД — Известия на Варненского археологическо дружество.
 Иверсен — Список кладов — Ю. Б. Иверсен. Список кладов по губерниям в алфавитном порядке (рукопись в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа).
 Иверсен — Черновые тетради, 1870—1872 — Ю. Б. Иверсен. Черновые тетради за 1870—1872 гг. (рукопись в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа).
 Иверсен — Черновые тетради 1878—1882 — Ю. Б. Иверсен. Черновые тетради за июнь 1878 — июнь 1882 г. (рукопись в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа).
 ИНМВ — Известия на Народния музей, Варна.
 ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе.
 ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
 КБН — Корпус боспорских надписей. М.—Л., 1965.
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР.
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
 КСОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея.
 ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
 НиС — Нумизматика и сфрагистика.
 НС — Нумизматический сборник.
 НЭ — Нумизматика и эпиграфика.
 ОАК — Отчет Археологической комиссии.
 ООИД — Отчет Одесского общества истории и древностей.
 ВЛ — Повесть временных лет.
 ИСП — Сб. Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959.
 Полозов — И. П о л о з о в. Клады рассказывают... Топография кладов монет, найденных на территории Брянской области в 1948—1960 гг. Брянск, 1960.
 ЛСЗ — Полное собрание законов.
 ЛСРЛ — Полное собрание русских летописей.
 ЛА — Советская археология.
 САИ — Свод археологических источников.
 СХМ — Сообщения Херсонесского музея.
 ТМНО — Труды Московского нумизматического общества.
 ТОНГЭ — Труды отдела нумизматики Государственного Эрмитажа. Л., 1945.
 ТЧАК — Труды Черниговской губернской архивной комиссии.
 ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив г. Ленинграда.
 ЧОИДР — Чтения общества истории и древностей российских.
 ВМС — A Catalogue of the Greek coins in the British Museum.
 IPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.
 NC — The Numismatic Chronicle.
 NNM — Numismatic Notes and Monographs.
 P W. R. E. — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopaedie der klassischen Altertumswissenschaft.
 RA — revue archéologique.
 RN — Revue numismatique.
 SNG — Sylloge nummorum graecorum.
 Vol. leg. — Volumina Legum. Przedruk zbioru praw staraniem XX Pijarów w Warszawie od roku 1732 do roku 1782 wydane go, Petersburg.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Рогольский А. Д. К вопросу о монетах скифского царя Атея	3
Анохин В. А. Сицилийская техника литья монетных заготовок в Херсонесе	13
Фролова Н. А. Денежное обращение Боспора в 45—234 гг. н. э.	16
Спасский И. Г. Накануне тысячелетия монетной чеканки древней Руси . .	31
Гавриленко В. А. Византийская сфрагистика в дореволюционной историографии России	49
Дуров В. А. Русские боевые награды за Полтавское сражение	56
Спасский И. Г. Черниговские школьные медали XVIII в.	66
Шишкин А. П. Металлические боны Украины конца XIX — начала XX в.	72

ПУБЛИКАЦИИ

Пиоро И. С., Герцен А. Г. Клад антонинианов из с. Долинное Крымской области	81
Гилевич А. М. Клад херсоно-византийских монет из округа Херсонеса . . .	91
Золотарев М. И. Средневековый набор разновесов из Херсонеса	94
Пуцко В. Г. Вислая печать Владимира Мономаха	96
Горишный П. А., Ягодзинский М. И. Клад монет начала XVII в. из с. Аркадиевцы Хмельницкой области	99
Каплун В. Я. Два клада монет XVI—XVII вв. из Житомирской области . . .	102
Берг Д. Я. Некоторые клады монет XVI—XVII вв., найденные на территории СССР	104
Соболева Н. А., Мельникова А. С. Клад западноевропейских и русских монет XVII в. из Форостовичей	109
Рябцевич В. Н. Монетные клады второй четверти XVIII — первой половины XIX в. на территории Чернигово-Северской земли и Восточной Белоруссии . .	114
Список сокращений	127

НУМИЗМАТИКА И СФРАГИСТИКА

5

Печатается по постановлению ученого совета Института археологии АН УССР

Редактор Н. Г. Айропетова
Оформление художника К. Г. Лычаковского
Художественный редактор С. П. Квитка
Технический редактор В. М. Кричевская
Корректор В. Н. Пристрома

Сдано в набор 24. X. 1973 г. Подписано к печати 11. IV. 1974 г. БФ 02263. Зак. № 4-1505. Изд. № 124.
Тираж 5000. Бумага Кама глазированная, № 2, 70x108¹/₁₆. Усл.-печ. листов 11,2. Учетно-изд. листы 12,9. Цена 81 коп.

Издательство «Наукова думка», Киев, Репина, 3.

Отпечатано с матриц Головного предприятия республиканского производственного объединения «Полиграфнига» Госкомиздата УССР, г. Киев, Довженко, 3 на Харьковской книжной фабрике «Коммунист» республиканского производственного объединения «Полиграфнига» Госкомиздата УССР Харьков, ул. Энгельса, 11.